Валентин Катасонов

«Китайский синдром» Путина. Прорыв или утопия

О каких прорывах и рывках говорит Путин?

О сомнительности «достижений» отечественной экономики в 2018 году (о которых делали заявления некоторые государственные чиновники) уже немало было сказано нашими экспертами. Но я сейчас не об экономических показателях валового внутреннего продукта, занятости или инвестициях. Я о принципиальных моментах экономической политики России. Если говорить коротко: страна продолжает двигаться неверным, опасным путем. А где определен вектор этого движения? Документов, относящихся к экономической политике, у нас куча. Но среди них есть один, который возвышается над всеми остальными. Это указ президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая текущего года.

Тема «майского президентского указа» сразу же стала популярной в российских СМИ и таковой остается до сих пор. Но о чем все подобные публикации и выступления? О финансировании тех мероприятий, которые определены указом. Вернее, о том, где найти деньги на практическую реализацию указа. Сам указ оказался на втором и даже третьем плане, а на первый план вышли такие темы, как пенсионная реформа, новации в налоговой сфере и все остальное, что связно с поиском денег для выполнения решений майского указа. Мне удалось найти всего лишь две публикации, которые хоть как-то затронули вопросы, относящиеся к содержанию самого указа. И это за почти восемь месяцев после публикации документа.

Напомню некоторые ключевые моменты, касающиеся майского указа (которые обычно содержатся в любых публикациях и выступлениях, касающихся данного документа). Указ предусматривает реализацию двенадцати основных национальных проектов. Это: 1) здравоохранение, 2) образование, 3) жилье и городская среда, 4) экология, 5) автодороги, 6) наука, 7) рынок труда, 8) цифровая экономика, 9) культура, 10) малый бизнес, 11) магистральная инфраструктура, 12) международное сотрудничество и экспорт. Национальные проекты рассчитаны на шестилетний период, т. е. до 2024 года.

Что касается финансирования проектов, то никаких конкретных цифр в указе не называется, но правительство заявило, что на шестилетний период потребуется 28 трлн рублей. Весной и ранним летом федеральное правительство заявляло, что финансирование будет поделено поровну между федеральным центром и регионами. Но сейчас уже понятно, что регионы вряд ли вытянут такое финансовое бремя. 26 ноября премьер-министр Дмитрий Медведев объявил, что уточненный объем федерального финансирования составит 5,7 трлн рублей на ближайшие три года. Причем из этой суммы 1,3 триллиона будут доведены регионам в виде трансфертов из федерального бюджета. В общем, становится понятно, что желаемых 28 триллионов на шестилетний период никак найти не получится.

Впрочем, некоторые язвительные скептики говорят, что чем больше денег будет выделено на майский указ, тем больше будет «распилено» и украдено.

При наших вопиющих масштабах казнокрадства национальные проекты с триллионными цифрами финансирования – лакомый кусок для чиновников-клептоманов и их партнеров из бизнеса.

Теперь о главном, т. е. о национальных целях и стратегических задачах. Вроде бы здорово, что, наконец, у нас стали появляться документы, в которых говорится не только о «средствах», «мерах», «мероприятиях», «механизмах», «методах», «инструментах», но и о том, ради чего все эти «средства», «меры» и «инструменты». Целеполагание и планирование (тем более долгосрочное) – признак цивилизованного, сильного государства. В «лихие» 90-е годы о целях, стратегии и планировании никто во властных структурах не говорил, а сегодня появляются разные документы, в названиях которых содержатся слова «стратегия» и словосочетания «долгосрочная программа», «проект на перспективу до…» и т. п.

В пункте 1 майского указа президента содержатся национальные цели развития Российской Федерации на период до 2024 год. Таких целей девять: а) обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации; б) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет); в) обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции; г) снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации; д) улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно; е) ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа; ж) обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере; з) вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов; и) создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Итак, девять национальных целей. Наши журналисты и политики майский указ уже окрестили «стратегией развития России». Но для стратегии девять целей – явно перебор. Стратегия всегда предполагает иерархию целей, должна быть главная цель, остальные – субординированные. Их обычно называют «задачами». Испокон веков была отработанная формула: цель (одна) и задачи (несколько). В качестве методологически правильного подхода к построению стратегии можно привести пример третьей программы КПСС, принятой на XXII партийном съезде (я сейчас не обсуждаю коммунистическую идеологию и утопичность программы, я акцентирую внимание на методологии). Целью было обозначено построение коммунизма к 1980 году, а средством ее достижения было решение триединой задачи: 1) всемерное развитие материально-технической базы общества; 2) совершенствование производственных отношений; 3) формирование (воспитание) нового человека.

В майском указе, с моей точки зрения, оказались смешанными кони и люди, божий дар и яичница. Цель, как говорили мудрые люди всех времен и народов, всегда качественна (количественные значения могут иметь средства). А в указе мы видим, что оказывается, национальной целю является достижение «количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа». Это банальный плановый показатель, который незаконно возведен в ранг «национальной цели». Не может не умилять такая количественная цель, как «повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет)». Даже большевики с их планированием и директивным управлением не дерзали определять такие плановые показатели, понимая, что не все в их воле. Они очень аккуратно выражались на этот счет, например: «обеспечение условий для последовательного (непрерывного) увеличения продолжительности жизни советского человека». Но от цифр отказывались, чтобы не попасть впросак.

Количество (изложенных в майском указе целей) не способно перейти в качество. После изучения указа так не возникает понимания того, что же действительно является национальной целью, которой должно подчиняться все остальное. Правда, на словах, разъясняя смысл указа и пытаясь определить в нем самое главное, Владимир Путин употребляет такие слова, как «рывок», «прорыв», «бросок» и т. п. Но слова весьма расплывчатые, апеллирующие к чувствам, но не разуму. А причина такого «тумана» вполне очевидна: отсутствие у страны национальной идеи.

Не претендуя на то, что готов предложить читателям такую идею, тем не менее хочу внести свои «пять копеек» в обсуждение этого более чем актуального для нашей страны и нашего народа вопроса. Все мы правильно говорим, что нам нужна «национальная идея», в этом словосочетании я выделяю слово «национальная». Национальной идее сложно родиться и тем более воплощаться в жизнь, если страна лишена национального суверенитета. А Россия в значительной мере такого суверенитета лишена. И условием нашего восстановления и последующего «рывка» или «прорыва» является обретение страной национального суверенитета. Это и должно стать национальной целью России (на данном отрезке истории). А все остальное – обеспечивающие ее достижение задачи, т. е. средства. Без такого подхода все, что хорошего сказано в майском указе (насчет повышения продолжительности жизни, рождаемости, создания рабочих мест, развития науки, культуры, решения экологических проблем и т. п.), останется на уровне благих пожеланий. Или выступает в качестве некоего красивого прикрытия для «распила» казенных денег.

Рискну предположить, что некоторые так называемые «национальные проекты» на самом деле могут оказаться антинациональными, уничтожающими остатки национального суверенитета России. Например, проект, идущий под номером 8: «Цифровая экономика». Думаю, что идейно-правовым фундаментом этого проекта является принятая в прошлом году программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (постановление правительства РФ от 28 июля 2017 года). Повторяться не буду, сошлюсь на свою недавнюю статью «Цифровое зомбирование», в которой я рассматриваю правительственную программу по цифровой экономике как «троянского коня», с помощью которого Запад будет и далее ослаблять Россию и заставлять ее участвовать в строительстве мирового электронно-банковского концлагеря. Также рекомендую ознакомиться со статьей В. П. Филимонова «Технология построения цифровой тюрьмы», в которой он также квалифицирует правительственную программу развития цифровой экономики как элемент глобального проекта построения мирового цифрового (электронного) правительства. После майского указа президента правительственная программа цифровизации России может получить статус «национального проекта», но антинациональная суть цифровых замыслов врагов России от этого не изменится.

Не исключено, что и внутри оболочек проектов с привлекательными названиями «Наука», «Образование», «Культура» и др. может оказаться чуждое национальным интересам России содержание. Мы таких «фокусов» за более чем четвертьвековую историю России насмотрелись. Вот, например, в пункте 5 майского указа говорится о национальном проекте «Образование». Оказывается, первой целью проекта является «обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования». Что значит «глобальная конкурентоспособность российского образования»? Будет ли это означать, что российские вузы должны готовить специалистов, которые должны затем поступать на мировой рынок рабочей силы и там конкурировать с «продукцией» вузов других стран? А может быть, все-таки следует подумать о том, чтобы, наконец, российские вузы начали действительно помогать российской экономике выходить из состояния перманентного кризиса и решать задачи по созданию новых рабочих мест?

А зачем нам следует стремиться войти «в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования»? Учитывая, что советское образование считалось лучшим в мире. Не проще ли остановить процесс разрушения отечественного образования и вспомнить о собственном образовании советского времени (а может быть, даже дореволюционного времени)? Зачем нам равняться, скажем, на американские университеты, которые занимают верхние строчки мировых рейтингов вузов. Я уже писал, что университеты типа Гарварда (занимает первую сточку в мировых рейтингах уже много лет) на самом деле стали гигантскими бизнес-структурами, не столько производящими специалистов, сколько делающими деньги. А специалистов для своей экономики Америка уже берет со всего мира, в том числе из России.

С учетом ограниченного формата статьи остановлюсь еще на последнем, двенадцатом национальном проекте, называемом «Развитие международной кооперации и экспорта». В пункте 14 майского указа содержатся три цели указанного национального проекта. Вот первая: «формирование в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг глобальных конкурентоспособных несырьевых секторов, общая доля экспорта товаров (работ, услуг) которых составит не менее 20 % валового внутреннего продукта страны».

На первый взгляд, цель кажется благой. Надо же повышать долю обрабатывающей промышленности в экономике, которую уничижительно называют «экономикой трубы». Но замечу, ни в одном из 12 национальных проектов нет даже намека на то, что в стране планируется реиндустриализация, превращение России в мощную промышленную страну со всем набором отраслей и

производств (то, что в советское время называли «единым народнохозяйственным комплексом»). Нет, так задача не ставится. Надо, оказывается, лишь повышать долю обработанной продукции в экспорте.

Возникает детский вопрос: зачем нам надо 20 % своего ВВП направлять на экспорт? На ум приходит такой ответ – для того, чтобы за счет экспортной выручки осуществлять импортные закупки. Но ведь против России уже почти пять лет действуют экономические санкции, Запад грозит нам экономической и торговой блокадой. Уже возникают небезосновательные опасения, что мы можем лишиться многих импортных лекарств (подобные лекарства мы когда-то производили, но потом переключились на импорт). Разве возможен действенный национальный, в том числе экономический, суверенитет, если мы и дальше будем работать на экспорт и потреблять за счет импорта? Так вынуждены делать небольшие государства. Но Россия – не Бельгия или Голландия. Это целый континент. Причем такой, против которого Запад всегда вел войны или пытался его зажимать в кольце торговых, кредитных и экономических блокад. Мы уже это проходили не раз.

Более того, мы приобрели опыт, как этому противостоять. Я имею в виду индустриализацию 30-х годов прошлого века. Ее результатом стало обретение Советским Союзом подлинного экономического суверенитета. Индустриализация была начата ровно девяносто лет назад. Это был подлинно национальный проект, который преследовал две основные цели: во-первых, обеспечение полной экономической самодостаточности страны; во-вторых, создание мощной оборонной промышленности.

Обе цели к началу Великой Отечественной войны были достигнуты. Экспорт составлял не более одного процента внутреннего производства всех отраслей экономики, а импорт составлял доли процента по отношению к внутреннему потреблению товаров производственного и бытового назначения. В стране за годы двух с половиной пятилеток было построено более 9000 тысяч новых предприятий, причем половина из них прямо или косвенно были связаны с обороной нашей страны.

Почитайте на досуге документы, определявшие цели, задачи и параметры советской индустриализации (например, постановление Совета народных комиссаров от 23 апреля 1929 года «О пятилетнем народнохозяйственном плане на период 1928/29—1932/33 гг.»; резолюция XVI Всесоюзной конференции ВКП(б) от 29 апреля 1929 г. «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» и т. д.). А затем перечитайте указ президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года. И, как говорится, «почувствуйте разницу».

P. S. Есть еще другая версия, зачем России нужен такой гигантский экспорт, о котором говорится в пункте 14 майского указа. На протяжении всех лет существования Российской Федерации у нее фиксировалось постоянное превышение экспорта над импортом, т. е. положительное сальдо торгового баланса. Это та экспортная выручка, которая утекала и продолжает утекать из страны в виде различных форм легального или нелегального экспорта капитала. Россия в мировой экономике до сегодняшнего дня продолжает выполнять роль «дойной коровы», «молоко» от которой поступало и поступает на Запад. Национальный проект «Развитие международной кооперации и экспорта» призван закрепить за Россией эту роль «дойной коровы». Впору этот проект назвать «транснациональным» или даже «антинациональным». Впрочем, такого названия заслуживают, по моему мнению, и некоторые другие так называемые «национальные проекты».

Планы Путина хороши, если смотреть только телевизор

Тема национальных проектов продолжает будоражить умы наших чиновников-бюрократов. Толчок этому умственному возбуждению дал указ президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года (далее «майский указ»). В нем сформулированы девять национальных целей развития России и двенадцать национальных проектов.

Пусть теперь замолчат недруги и недоброжелатели России, упрекающие президента и правительство в том, что, мол, страна отдана на волю экономической и политической стихии, лишена парусов и руля, а главное, не знает, куда держит курс. У России теперь куча разных документов, в названиях которых фигурируют слова «стратегия», «стратегический», «долгосрочный», «перспективный», «национальные цели». Майский указ – ярчайшее тому подтверждение. Майский указ – даже «круче», чем постановления партии и правительства в советское время, ибо тогда смотрели вперед лишь на расстояние в пять лет («пятилетки»), а майский указ говорит о перспективе на шесть лет. Недаром на рабочем уровне в государственном аппарате национальные проекты называют «шестилетками».

Майский указ – вершина всего бесконечного многообразия «стратегических» документов, которые вышли и продолжают выходить из недр правительства. При президенте РФ был даже создан Совет по стратегическому развитию и национальным проектам (председатель – В. В. Путин, зам. председателя – Д. А. Медведев и еще 37 важных чиновников из правительства, Государственной думы и других государственных и окологосударственных организаций).

Сегодня чиновники обещают нам, что в России благодаря национальным проектам произойдет «чудо». С разных трибун звучат пафосные слова о «рывке», о «гравитации» (мол, Россия станет центром притяжения в мировой экономике), об «ускорении» (реанимация лозунга времен М. Горбачева) и т. п. Но меня (да я думаю, что и миллионы моих сограждан) эти призывы и обещания почему-то не трогают.

И дело даже не в том, что не найдется в полном объеме тех денег, которые нужны для полноценной реализации национальных проектов. Правительство подсчитало, что на шестилетний период нужно 26 трлн руб., что эквивалентно полутора-двум годовым бюджетам Российской Федерации. Боюсь, что даже если такие деньги будут найдены, то, скорее всего, они будут банально «распилены», появятся новые явные и тайные миллионеры и миллиардеры. А народ станет еще беднее. Ведь деньги изыскиваются за счет дополнительного налогообложения рядового россиянина. А также за счет урезания даже тех скромных социальных программ, которые были заложены в бюджет 2018–2020 гг. (был принят Государственной думой в конце 2017 года).

В основе моего пессимизма – две причины еще более фундаментального характера.

Одна из них – безответственность чиновников. Они уже «освоили» гигантские деньги для реализации решений 11 указов президента, изданных в мае 2012 года. «Шестилетка», заданная теми майскими указами, провалена. Просто этот провал власти и подконтрольные им СМИ не афишируют. Никто из чиновников не уволен и не наказан (за исключением нескольких лиц, кто уж совсем нагло и в особо крупных масштабах занимался «освоением» бюджетных денег). Значит, можно предполагать, что чиновники окончательно обнаглеют, в период 2019–2024 гг. мы можем уже стать свидетелями «безответственности в квадрате».

Но есть еще вторая причина, о которой говорят крайне редко. Суть ее в том, что у майского указа 2018 года нет «головы», под которой я разумею главную цель. Помилуйте, – могут мне возразить сторонники указа, – ведь в пункте 1 документа перечислены все главные цели развития страны на период до 2024 года. Их там аж девять! Но как не может быть в одной организации девять начальников, в одной стране девять президентов, в одном городе девять мэров, так и в стратегии государства не может быть девять главных целей. Главная цель всегда одна. Это азбучная истина, известная любому грамотному управленцу. Сформулировав главную, стратегическую цель, далее можно уже формулировать цели второго и более низкого порядков. Это называется программно-целевым методом управления, который применялся в Советском Союзе еще с 1930-х годов и в странах Запада – с 1960-х годов.

А наши нынешние власти озвучить самую главную цель или не могут (по каким-то соображениям), или она в их головах просто отсутствует. Забавная вещь: многие чиновники для себя из девяти целей президентского указа уже успели выбрать самую главную. Это цель под номером пять, а именно: «вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов». Остальные цели, по их мнению, носят социально-пропагандистский характер, являются своеобразным пиаром власти, пытающейся представить себя как социально-ориентированную, озабоченную насущными проблемами простого человека (естественно, что о таком понимании майского указа у чиновников принято говорить лишь в кулуарах).

Если посмотреть на последние выступления наших руководителей, то они делают акцент именно на ускорении темпов экономического роста, повышении места России в рейтинге мировых экономик, превращении России в «локомотив» мировой экономики и «центр гравитации» (выражение Д. А. Медведева из его выступления на Российском инвестиционном форуме в Сочи в феврале 2019 года). Мол, если будет экономический рост, то остальные национальные цели будут чуть ли не автоматически реализованы (рост народонаселения, снижение бедности, повышение продолжительности жизни, улучшение жилищных условий граждан и др.).

Для справки скажу: по состоянию на данный момент Россия в рейтинге стран по величине номинального валового внутреннего

продукта (ВВП) занимает лишь 12—13-е место. Не вдаваясь в тонкости расчетов ВВП и международных расчетов, скажу, что Россия в настоящее время по величине ВВП находится на уровне таких стран, как Канада, Австралия, Южная Корея, Мексика. Подняться с 12 места на пятое за шесть лет – круто, но не реально. И даже не потому, что разрыв очень большой, а потому, что в предыдущие годы позиции России в мире не только не укреплялись (как этого требовали майские указы президента 2012 года), а, наоборот, ослабевали. Так, по данным МВФ, в 2012 году доля России в мировом ВВП (при расчетах на основе паритета покупательной способности рубля) была равна 3,68 %, а в 2017 году она сократилась до 3,16 %. Никаким «рывком», которого кто-то у нас ожидал в 2012 году, не пахнет. Наблюдается медленное погружение российского «Титаника» в небытие.

Сегодня, судя по всему, главным оппонентом правительства в вопросах реализации майского указа и национальных проектов будет Алексей Кудрин как новый руководитель Счетной палаты РФ. Он уже несколько раз публично озвучивал критические замечания на этот счет. Примечательно, что Кудрин также воспринимает в качестве главной цели майского указа ускорение экономического роста, а остальные национальные цели, по его мнению, занимают подчиненное по отношению к экономическому росту место. Он записал в своем Twitter: «Потребуются реформа госуправления, реальная защита собственников, улучшение позиций России на мировых рынках». По его мнению, для серьезных перемен необходимо больше воли. Роль правительства в достижении национальных целей Кудрин видит в анализе объективных тенденций и факторов роста, контроле результатов и ответственности, а также разработке предложений по ключевым вопросам развития.

На недавнем Гайдаровском форуме Кудрин вновь говорил о том, что все задачи, например добиться 3 % роста в год, одними нацпроектами не решаются, и предлагал обсудить дополнительные меры политики, которые создадут экономический рост. Что ж, редкий случай, когда могу согласиться с Кудриным: действительно, сами по себе нацпроекты «рывок» не обеспечат.

Но я не согласен ни с авторами майского указа, ушедшими от определения высшей национальной цели, ни с теми, кто, подобно Кудрину, полагают, что цель, значащуюся в указе под номером пять, – ускорение экономического роста – по умолчанию следует считать самой главной, или высшей. Экономический рост может и должен быть средством по отношению к какой-то более высокой цели. Той цели, которую я считаю самой приоритетной, высшей (на данном отрезке исторического развития), к сожалению, нет в списке девяти национальных целей указа. Ее нет даже в содержащемся в указе описании национальных проектов. Формулирую эту высшую, стратегическую цель: достижение Россией истинного национального суверенитета, в том числе национальной экономической независимости. Это то самое главное звено, ухватившись за которое, мы сможем вытянуть всю цепь проблем, с которыми сталкивается сегодня наша страна как внутри, так и вовне.

Президент В. Путин, видимо, понимает, что у России с экономическим суверенитетом, мягко выражаясь, неважно. Так, на пленарном заседании Госдумы 8 мая 2018 года (на следующий день после подписания майского указа) президент осторожно заметил: «Нам нужно повышать уровень своего экономического суверенитета, но это не линейное решение». При этом он отметил, что в предыдущие десятилетия был допущен ряд наивных шагов, например, вера в принципы свободной мировой торговли и Всемирной торговой организации. «Мы вели себя несколько наивно, а теперь мы видим, что и правила ВТО сплошь и рядом нарушаются, ограничения идут по политическим соображениям, которые называют санкциями», – сказал Путин.

Давайте на минуту представим, что темпы экономического роста повышаются, валовой внутренний продукт страны увеличивается, но страна лишена экономического суверенитета. Это означает, что все плоды экономического роста достаются не народу данной страны, а иностранному капиталу, контролирующему экономику страны. Я не буду сейчас раскрывать, каковы механизмы этого контроля и эксплуатация применительно к российской экономике, но контроль и эксплуатация налицо. И значительная часть плодов экономической деятельности уходит за пределы России. Подсчитать масштабы ограбления России можно с помощью платежного баланса РФ, составляемого Банком России.

Основная статья утечки плодов экономической деятельности в денежной форме – чистый отток капитала из страны (превышение вывоза над ввозом). В статистике платежного баланса это называется «сальдо финансового счета».

Другая, не менее важная статья – чистое сальдо инвестиционных доходов (как разница между доходами, выводимыми иностранными инвесторами из России, и доходами, получаемыми российскими экспортерами капитала из-за границы). У России это сальдо с большим хроническим минусом.

Наконец, третья важная статья – прирост международных валютных резервов РФ (своеобразная форма вывоза капитала денежными властями страны).

Уже имеются оценочные данные Банка России по платежному балансу за весь прошлый год (млрд долл.): сальдо финансового счета – 76,8; сальдо инвестиционных доходов – 38,9; прирост валютных резервов РФ – 38,2. Итого получается чистый отток денежных средств из России за 2018 год – 153,9 млрд долл.

И это не считая возможных «утечек» по некоторым другим статьям платежного баланса. И что особенно важно отметить, приведенная оценка является крайне неполной, так как не учитывает «утечки» капитала из страны по каналам контрабанды (такие операции вообще не находят отражения в платежном балансе). Но даже если взять полученный итог (153,9 млрд долл.), то это колоссальная сумма. Она примерно в полтора раза превышает среднегодовые масштабы утечек за десятилетний период 2008–2017 гг. (мною такие расчеты были проделаны и представлены в ряде предыдущих публикаций). О каких «рывках» и «ускорениях» российской экономики можно говорить при таких «протечках»?

Чтобы читатель лучше понимал, что представляет собой полученная итоговая величина утечек за 2018 год, скажу, что это при среднем валютном курсе рубля в прошлом году эквивалентно 10 трлн руб.

Что для России означает получение истинного экономического суверенитета? Ликвидацию всех тех «протечек», о которых я сказал выше. И не надо никаких невротических «рывков». Страна получила бы мощнейший дополнительный ресурс, эквивалентный примерно половине нынешнего российского бюджета. Это гигантский ресурс, с помощью которого можно было бы немедленно приступать к решению тех социальных и демографических проблем, которые были сформулированы в президентском указе от 7 мая 2018 года.

Алгоритмы выхода России из нынешнего кризисного состояния в самом общем виде понятны и очевидны. Самым главным препятствием для такого выхода является российский чиновник. Можно достаточно быстро подготовить другой, правильный указ президента. Но вот что нам делать с российскими чиновниками? Почему-то вспомнилась крылатая фраза железного канцлера Отто Бисмарка: «С плохими законами и хорошими чиновниками вполне можно править страной. Но если чиновники плохи, не помогут и самые лучшие законы».

Россия – «бумажный тигр»

Продолжу разговор о выполнении майских президентских указов 2012 года (всего их было подписано 11). Начал я с рассмотрения указа президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». Был проведен анализ по четырем целевым показателям: 1) количество высокопроизводительных рабочих мест; 2) относительный уровень инвестиций в основной капитал (по отношению к ВВП); 3) доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте; 4) производительность труда.

По всем четырем показателям получен примерно один и тот же результат, который можно выразить коротко – полный провал. Например, по последнему из упомянутых показателей задание было увеличить за период 2011–2018 гг. производительность труда в 1,5 раза, а она (даже с учетом известных всем «стараний» Росстата) выросла лишь на 5–5,5 %.

Перейдем к оценке исполнения последнего в списке основных целевых показателей указа № 596. Под номером пять значится: повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 году до 50-й – в 2015 году и до 20-й – в 2018 году.

Прежде чем приступить к оценке исполнения, хотел бы остановиться на самом показателе. Если другие показатели майских указов 2012 года рассчитываются российскими организациями и ведомствами (преимущественно Росстатом), то рейтинг по условиям ведения бизнеса, как видно из формулировки указа № 596, рассчитывается Всемирным банком.

Итак, получается, что оценка долгосрочной экономической политики Российской Федерации предполагается на основе каких-то внешних рейтингов. То, что в президентском указе поставлена задача развиваться, используя в качестве ориентиров зарубежные (международные) рейтинговые оценки, я воспринимаю как «оговорку по Фрейду». Власть неосознанно признает, что страна находится под внешним управлением. Ориентация страны на внешние оценки – важный признак слабости или даже отсутствия у государства национального суверенитета.

Есть смысл на время отойти от нашей основной темы майских указов и рассмотреть вопрос о том, насколько Россия вообще зависит от внешних рейтинговых оценок.

Еще каких-то полвека назад в мире таких оценок почти не было. Мировая экономика оценивалась и измерялась с помощью привычных стоимостных и натуральных показателей. При этом в силу того, что курсы валют были фиксированными, можно было без труда проводить международные сопоставления национальных экономик. После Ямайской международной валютно-финансовой конференции фиксированные курсы были отменены, мир вступил в полосу всеобщей «волатильности» и привычные стоимостные показатели стали плохими ориентирами. Появились рейтинговые оценки, которые стали делаться разными международными организациями (типа Всемирного банка или Всемирного экономического форума) и «независимыми» экспертами. За ними, как правило, стояли влиятельные «заказчики», которым рейтинговые оценки нужны были для достижения своих экономических, финансовых и политических целей.

В финансово-экономический мир внедрились три всемирно известных рейтинговых агентства – Fitch, Moody's, Standard & Poor's. Их везде представляют как «независимые агентства», но на самом деле они находятся под жестким контролем «хозяев денег» (главных акционеров Федеральной резервной системы США) и действуют исключительно в их интересах. Я эти три рейтинговых агентства называю «дирижерами» международной финансовой системы и мировой экономики.

Примечательно, что своей «кухни» агентства не раскрывают, все должны верить им на слово. Более чем странно, что они на протяжении многих лет выставляют высшие оценки американской экономике, имеющей самый большой в мире долг в абсолютном выражении и один из самых высоких в относительном (по отношению к ВВП). Самым настоящим позором для «большой тройки» было то, что указанные рейтинговые агентства не сумели просигнализировать в 2008 году о наступлении мирового финансового кризиса. Я уже не говорю о таких «мелочах», как, скажем, история с суверенным дефолтом Украины в декабре 2016 года. Это был момент, когда Киев должен был погасить свой суверенный долг перед Россией на сумму в 3 млрд долл. Киев (подстрекаемый Вашингтоном) этого не сделал. А Международный валютный фонд и рейтинговые агентства «большой тройки» этого не «заметили». В частности, ни одно из указанных агентств не изменило своих оценок в отношении Украины.

Прискорбно, что Россия уже в 90-е годы прочно «подсела» на рейтинговые оценки «большой тройки». Денежные власти страны (Центробанк и Минфин) писали нормативно-методические документы, в которых в обязательном порядке предусматривалось использование рейтинговых оценок «большой тройки». Получить оценки «большой тройки» стремились большие российские компании и банки, которые выходили на мировые финансовые рынки (в частности, в случае размещений своих бумаг в виде IPO).

Лишь когда против России стали вводиться экономические санкции (с весны 2014 года) и даже слепому стало понятно, что «большая тройка» по команде со стороны «хозяев денег» играет откровенно против нашей страны, российскими властями были приняты решения об отказе от использования рейтинговых оценок зарубежных агентств. В июле 2015 года был принят закон «О деятельности кредитных рейтинговых агентств в РФ», а еще через два года произошел окончательный переход на рейтинговые оценки, осуществляемые российскими агентствами по так называемой «национальной шкале».

Но в мире сегодня существуют десятки других международных рейтингов, в которых фигурирует Россия. И, к сожалению, следует признать, что наши чиновники и прочие руководители нередко находятся под гипнотическим влиянием

соответствующих рейтинговых оценок. Статус и авторитет международных рейтингов очень разный. Некоторые, как я уже сказал, разрабатываются международными организациями (ВБ, ВЭФ), другие крупнейшими информационными агентствами и авторитетными периодическими изданиями («Блумберг», «Форчун», «Форбс» и др.), третьи – частными банками и корпорациями мирового уровня, четвертые – университетами и «мозговыми фабриками». Перечислю лишь некоторые мировые рейтинги, в которых уже на протяжении многих лет фигурирует Российская Федерация:

Global Competitiveness Index (Индекс глобальной конкурентоспособности, разработчик – Всемирный экономический форум);

MD World Competitiveness (Рейтинг конкурентоспособности стран, швейцарская бизнес-школа IMD);

Index of Economic Freedom (Индекс экономической свободы, The Heritage Foundation);

Рейтинг лучших стран для ведения бизнеса (журнал Forbes);

Legatum Prosperity Index (Индекс процветания стран мира, британский исследовательский центр Legatum Institute);

Рейтинг лучших стран (журнал U.S. News & World Report совместно с консалтинговой компанией BAV Consulting и Университетом штата Пенсильвания);

Индекс человеческого капитала (Всемирный банк; отдельно такой же индекс разрабатывает Всемирный экономический форум);

Всемирный рейтинг счастья (Sustainable Development Solutions Network – подразделение ООН; аналогичный рейтинг составляет Международный исследовательский центр Гэллапа – Gallup International).

Я назвал только малую толику рейтингов, в которые включается Российская Федерация. Картина по оценкам, получаемым Россией, очень пестрая. Вот, например, последняя раскладка по некоторым рейтингам (на конец 2018 года): 199-е место в рейтинге университетов; 154-е место в глобальном индексе миролюбия (в последней десятке стран); 110-е место по уровню благотворительности; 104-е место в рейтинге качества автомобильных дорог; 96-е место в рейтинге благосостояния; 53-е место в рейтинге здравоохранения; 52-е место в мировом экологическом рейтинге; 49-е место в рейтинге самых счастливых стран; 47-е место по скорости интернет-соединения; 43-е место в Индексе глобальной конкурентоспособности; 43-е место в Индексе человеческого капитала (рейтинг ВБ); 25-е место в рейтинге инноваций; 2-е место в рейтинге вооружений.

По многим рейтингам «кухня» расчетов не раскрывается. По другим методики представлены, но в этих методиках много «мусора» и «субъективных» показателей (например, показатели рисков). Некоторые рейтинги используют социологические опросы, но методика опросов и круг опрашиваемых, как правило, не раскрываются. В общем, рейтинги напоминают «кота в мешке». Они также напоминают какую-то детскую игру в песочнице. Хотя цели тех, кто организовал такие игры, совсем не детские. Это средство управления экономическими и политическими процессами в мире. Если рейтинг достаточно «раскручен», то можно смело утверждать, что за ним стоят «хозяева денег», ибо на «раскрутку» требуются немалые деньги.

И вот теперь вернемся к майскому указу № 596 с его показателем «позиция Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса». Честно скажу: становится неловко за президента и обидно за державу, что для оценки экономической политики России предлагается использовать указанный рейтинг.

Во-первых, потому, что это внешняя оценка. Причем она делается Всемирным банком. А в этом международном финансовом институте «контрольный пакет акций» (как и в Международном валютном фонде) принадлежит Соединенным Штатам. Конкретно США во Всемирном банке представляет министерство финансов США – то самое, которое разрабатывает все новые и новые пакеты экономических санкций против России. Ориентироваться на рейтинговые оценки ВБ – примерно такое же безумие, как если бы Сталин во время войны с гитлеровской Германией принимал бы военные решения с учетом «рекомендаций» Генерального штаба армии Третьего рейха.

Во-вторых, потому что указанный рейтинг Всемирного банка (Doing Business rating – DBR) уже давно имеет дурную репутацию. Первый рейтинг был опубликован в 2005 году. Тогда на первом месте оказалась Новая Зеландия. С 2007 по 2016 гг. рейтинг неизменно возглавлял Сингапур, с 2017 года лидерство вернула себе Новая Зеландия.

Каждой стране присваивается общий Индекс условий ведения бизнеса (Doing Business Index – DBI). Он базируется на десяти внутренних индикаторах:

1) начало бизнеса (процедуры, время, затраты и минимальный капитал для основания предприятия);

2) работа с разрешениями на строительство (процедуры, время и затраты на строительство склада);

3) получение электроснабжения (процедуры, время, затраты на получение электроснабжения);

4) регистрация имущества (процедуры, время и затраты на регистрацию коммерческой недвижимости);

5) получение кредита (сила юридических прав, глубина кредитной информации);

6) защита прав инвесторов (открытость финансовых показателей, ответственность руководства и легкость судебных исков от инвесторов);

7) уплата налогов (количество налогов, время на подготовку налоговых отчетов, общий налог как доля прибыли);

8) международная торговля (количество документов, затраты и время, необходимое для экспорта и импорта);

9) обеспечение контрактов (процедуры, время и издержки на принуждение уплаты долга);

10) закрытие предприятия (процент возмещений, время и дополнительные расходы на закрытие неплатежеспособной фирмы).

Уже на старте рейтинговая система DBR подверглась критике. Отмечалось, что она основывается только на изучении и квантификации законов, постановлений и правил, касающихся ведения предпринимательской деятельности. Индекс не учитывает более общие условия, такие как инфраструктура, инфляция, преступность, коррупция, доходность бизнеса и прочие. Между оценками ВБ и реальной картиной экономического положения отдельных стран, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Рейтинг ВБ представляет собой оценки не реальной, а «бумажной» экономики. Рейтинговые оценки DBR имеют ярко выраженную политическую окраску.

Так, уже несколько лет в первую десятку рейтинга входит Грузия. Она гордо соседствует с Новой Зеландией, Сингапуром, Данией, Гонконгом и Южной Кореей. Оказывается, что в одной из беднейших стран Европы условия ведения бизнеса лучше, чем в США. Такой результат для страны, чей ВВП на душу населения в текущих ценах едва перевалил за 4 тыс. долл., вызывает изумление. Непонятно также, почему значительная часть ее трудоспособного населения ищет работу за пределами своей страны.

Время от времени в рейтингах Всемирного банка на высоких строчках оказываются такие страны, как Замбия или Руанда, опережая ряд европейских стран. Эксперты объясняют эти парадоксы очень просто: речь идет не об условиях ведения бизнеса «вообще», а об условиях ведения бизнеса транснациональными корпорациями (ТНК).

В начале текущего десятилетия была создана независимая группа экспертов, которая должна была подготовить заключение о целесообразности продолжения Всемирным банком подготовки рейтинговых оценок. Группа в 2012 году предложила прекратить такую деятельность. Однако вставший у руля Всемирного банка новый руководитель Джим Йонг Ким спас систему DBR. Он поклялся пересмотреть рейтинговую систему, сделать ее более «прозрачной» и «объективной». Однако почти ничего не изменилось. А вот в прошлом году во Всемирном банке произошел настоящий скандал. Главный экономист ВБ Пол Ромер 12 января 2018 посмел подвергнуть публичной критике рейтинг «Doing business». Это вызвало панику во властных структурах Вашингтона и затем Пол Ромер был уволен из Всемирного банка (бывший профессор экономики в университете Нью-Йорка вернулся на прежнее место работы).

Думаю, что в 2012 году, когда готовился проект указа № 596, ловкие чиновники добились включения в него оценки DBR, ибо повысить оценку было несложно с помощью подготовки кучи различных нормативных документов. И, если внимательно изучать то, что было сделано по «бумажной» части, то документы писались как раз по десяти группам критериев, необходимых для расчета общего индекса DBI. В «бумажной» экономике наши чиновники поднаторели и действительно могут дать фору бюрократам других стран.

В 2011 году Россия занимала 120-е место. А вот сегодня она уже находится на 31-й строчке. На строчку выше России – Испания (30-е место), на одну позицию ниже – Франция (32-е место). Да, формально указ президента не был выполнен, ибо он требовал выйти в 2018 году на 20-ю строчку. Но вместе с тем взлет головокружительный: со 120-го места на 31-е. И всего-то за семь лет! Ну, не дотянули немного до заветной 20-й строчки, но динамика-то какая! И министр экономического развития Максим Орешкин в конце прошлого года, когда был опубликован последний рейтинг DBR, раздувался от важности и с гордостью говорил об «экономических достижениях» страны. Как не раздуваться от гордости, если в рейтинге ниже России оказались Швейцария, Бельгия, Нидерланды, Италия и многие другие европейские страны.

Но сдается мне, что оценки ВБ – из той самой «оперы», в которой министра тем больше хвалят на Западе, чем более успешно он сдает позиции России этому Западу. Помните, как в свое время Алексея Кудрина за океаном называли «лучшим министром финансов»? А теперь Всемирный банк «подыгрывает» министру экономического развития Орешкину, который на своем посту четко исполняет все заповеди «вашингтонского консенсуса». А чиновники из Швейцарии, Бельгии и других европейских стран совсем не переживают, что оказались ниже России, и посмеиваются про себя, ибо понимают, что рейтинг ВБ предназначен для «нецивилизованных туземцев».

Очень печально, что и в новом майском указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» мы видим: российская власть продолжает находиться в зависимости от международных рейтингов. Так, в пункте 5 указа говорится: «Правительству Российской Федерации при разработке национального проекта в сфере образования исходить из того, что в 2024 году необходимо обеспечить… вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования». Значит, опять надо ориентироваться на международные рейтинги, оценивающие уровень образования. Я уже писал, что подобные рейтинги только разрушают образование, так как стимулируют коммерциализацию деятельности учебных заведений.

А в пункте 10 указа, где говорится о национальном проекте в сфере науки, ставится следующая задача: «обеспечение присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития». Собственных рейтингов стран по уровню развития науки и техники Россия не разрабатывает. Следовательно, скорее всего, опять придется ориентироваться на зарубежные рейтинговые оценки. А они, как следует из всего вышесказанного, являются ненадежными и даже опасными ориентирами.

P. S. Кстати, господин Орешкин, судя по ряду его выступлений, продолжает считать, что рейтинг Всемирного банка по условиям ведения бизнеса по-прежнему для него остается важнейшим целевым показателем. И обещал, что министерство экономического развития добьется выполнения установки указа № 596 по выведению России на 20-е место в рейтинге ВБ. Если это (не дай Бог) произойдет, то, скорее всего, российская экономика будет уже мало чем отличаться от экономики Замбии, Руанды или Грузии.

Россия вымирает быстрее, чем думают Путин и его информаторы

В выступлениях наших чиновников все чаще упоминается демографическая проблема. Она порой затмевает даже вопросы экономики, социальные и политические, выходит на первое место.

Вот и президент страны Владимир Путин в своем послании Федеральному собранию 20 февраля 2019 года заострил внимание на демографической ситуации в России: «Россия вошла сейчас в очень сложный демографический период. Рождаемость, как вы знаете, снижается. Уже говорил, что причины здесь чисто объективные. Они связаны с теми огромными людскими потерями, провалами, которые понесла наша страна в XX веке, во время Великой Отечественной войны и в драматичные годы после распада СССР. Но это не значит, что мы должны принять такую ситуацию, смириться с фактом. Конечно, нет. Мы смогли переломить негативные демографические тенденции в начале 2000-х годов, а тогда страна была в очень сложном положении, тогда казалось, что это вообще сделать невозможно. Но мы это сделали, и убежден, что вновь способны это сделать: на рубеже 2023–2024 годов добиться возобновления естественного прироста населения».

И вроде бы это не разовая акция президента. Со времени, когда в 2012 году Владимир Путин вновь занял кресло президента Российской Федерации, решению демографических проблем в стране было посвящено немало президентских указов. Которые, в свою очередь, инициировали принятие правительством кучи разных постановлений. Прежде всего, следует упомянуть известные майские указы 2012 года. Один из них назывался «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» (указ президента РФ от 07.05.2012 № 606). В прошлом году был принят новый майский указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (от 07.05.2018 № 204). В последнем указе сформулированы девять национальных целей, первые две из них – чисто демографические:

«Правительству Российской Федерации обеспечить достижение следующих национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года: а) обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации; б) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет)».

Кроме того, в майском указе 2018 года определены двенадцать национальных проектов (программ), которые должны быть реализованы в период 2019–2024 гг. На первом месте стоит опять же программа по демографии. Кстати, на втором месте – национальный проект в области здравоохранения, цели которого также имеют демографическую окраску.

Итак, по словам Владимира Путина, «Россия вошла сейчас в очень сложный демографический период». Когда же начался этот «сложный демографический период»? Да, аккурат с момента рождения нового государства под названием «Российская Федерация». На момент рождения РФ, т. е. на начало 1992 года, численность населения государства была равна 148,5 млн человек. Согласно последним данным Росстата, на начало 2019 года этот показатель составил 146,8 млн человек. Сокращение численности населения России за 28 лет – на 1,7 млн человек, или на 1,15 %. И это, между прочим, в отсутствие внешних войн и внутренней гражданской войны (исключение составляет война в Чечне). Что-то странное происходило и происходит в «датском королевстве».

Вот, например, данные по численности населения в России (без национальных окраин, в пределах нынешней Российской Федерации) в 1897 году – 67,5 млн человек. А в 1926 году на той же территории проживало 100,9 млн человек. Прирост за 29 лет составил 33,4 млн человек, или почти 50 %. А ведь это период нашей истории, в котором имели место такие события, как Первая мировая война, революции и Гражданская война (в них погибли многие миллионы наших людей).

А вот период истории, который наши либералы любят называть «эпохой сталинских репрессий». За период с 1926 года до начала Великой Отечественной войны (1941 г.) численность населения, проживавшего в пределах союзной республики РСФСР, увеличилась на 10,1 млн человек, достигнув величины в 111,0 млн человек (прирост за 16 лет составил 10 %). Да, война была тяжелейшая. В 1946 году численность населения в РСФСР сократилась по сравнению с 1941 годом на 13,5 млн, до 97,5 млн, т. е. до уровня первой половины 1920-х гг. Но дальше начался демографический рост, который продолжался до момента образования Российской Федерации. Получается, что за период 1946–1991 гг. прирост населения в России (РСФСР) составил 51 млн человек. В расчете на год в среднем получается прирост, равный 1,13 млн человек. Имел место полуторакратный рост населения России.

Вот какое «демографическое наследие» получила «демократическая» Россия в наследство от «коммунистического» государства. Как же она им распорядилась? Кровопролитных войн вроде бы не было, можно было рассчитывать, что «демографический капитал» будет приращиваться. Однако мы видим совсем иную картину. В 90-е и «нулевые» годы население России начало таять как мартовский снег. В 2009 году численность населения РФ составила всего 141,9 млн человек, что на 6,6 млн меньше, чем было на момент рождения РФ. Это эквивалентно половине людских потерь, которые Россия понесла в годы Великой Отечественной войны.

Далее на десять лет процесс «таяния» удалось приостановить. В 2018 году численность населения РФ составила 146,9 млн человек, прирост по отношению к 2009 году составил 5,0 млн человек. Но все равно это было ниже стартового уровня 1992 года на 1,6 млн человек. И, наконец, самое неприятное: в 2018 году было опять зафиксировано падение численности населения России – на 93,5 тыс. человек. На 1 января 2019 года, по данным Росстата, в России проживало 146 793 744 человек.

В свете приведенных цифр некоторые заявления президента по демографии выглядят, мягко выражаясь, странными. Еще раз приведу отрывок из его выступления перед Федеральным собранием, где он говорил о негативных демографических процессах:

«Уже говорил, что причины здесь чисто объективные. Они связаны с теми огромными людскими потерями, провалами, которые понесла наша страна в XX веке, во время Великой Отечественной войны». Зачем перекладывать с больной головы на здоровую? Еще 65 лет назад СССР залечил «демографические раны», полученные во время войны. Уже в 1955 году численность населения РСФСР вышла на уровень предвоенного 1941 года. Хорошо, что президент еще не вспомнил о «демографической яме» времен татаро-монгольского ига.

Правда, президент признал, что Россия «понесла людские потери» также «в драматичные годы после распада СССР». Но и тут возникает вопрос: почему «понесла», почему в прошедшем времени? Во-первых, на момент выступления президента перед Федеральным собранием Росстат уже дал окончательную цифру численности населения РФ на начало текущего года, из которой следует, что она в прошлом году упала. Во-вторых, цифры Росстата по численности населения дают слишком грубую картину, камуфлируют подспудные негативные демографические процессы. Численность населения в России в период 2009–2017 гг. росла в значительной мере за счет чистой иммиграции (превышение иммиграции над эмиграцией). А вот коренное население (исконные граждане России) тихо продолжало загибаться. А вот в прошлом году чистый приток мигрантов резко сократился, что обнажило хронические демографические болезни.

Напомню, что в майском указе президента первой национальной целью обозначено «обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации». А вот с этим «естественным ростом» дело в России – швах. Ключевой демографический показатель – естественное движение численности населения. Он исчисляется как разность между количеством родившихся и умерших. При превышении первого над вторым мы имеем естественный прирост, при обратной ситуации – естественную убыль. Могут рассчитываться относительные показатели, когда абсолютные величины прироста (убыли) населения даются в расчете на 1000 жителей.

Вот какие относительные показатели прироста (в расчете на 1000 жителей) имели место в России в советское время, данные приводятся по союзной республике РСФСР: 1950 г. – 16,8; 1960 г. – 15,8; 1980 г. – 4,9; 1990 г. – 2,2.

А вот относительные данные по Российской Федерации: 1995 г. – минус 5,7; 2000 г. – минус 6,6; 2005 г. – минус 5,9; 2010 г. – минус 1,7; 2012 г. – 0 (ноль); 2013 г. – плюс 0,2; 2014 г. – плюс 0,2; 2015 г. – плюс 0,3; 2016 г. – минус 0,01; 2017 г. – минус 0,9.

Как говорится, «почувствуйте разницу» между советским периодом истории и периодом истории «демократической России». В далеком «сталинском» 1950 году на тысячу человек населения РСФСР прирост составлял почти 17 человек.

В 1992 году впервые с 1945 года естественный прирост населения сменился его убылью. Демограф Александр Желенин отмечает, что в указанном году естественная убыль составила 220 тыс. человек. В 1993 году, согласно указанному эксперту, убыль населения России уже составила более 750 тыс. человек, в 1994 году – почти 900 тыс. В последующие 11 лет убыль населения в РФ не опускалась ниже отметки 700 тыс., считает эксперт. Таким образом, можно предположить, что в период 1992–1999 гг. людские потери в результате естественной убыли населения составили не менее 5,5 млн человек. А в 1990-е годы убыль в среднем составляла по 6 человек на 1000 жителей ежегодно.

В «нулевые» годы ежегодная убыль в среднем составляла 4 человека на 1000 жителей (по отдельным годам наблюдалось сильное варьирование показателя). В период 2000–2010 гг. суммарная естественная убыль населения составила почти 7,4 млн человек.

Наконец, в текущем десятилетии появились отдельные «просветы», когда фиксировались некоторые приросты населения. Только что Росстат опубликовал данные по естественной убыли за 2018 год. Она составила 218,4 тыс. человек и стала рекордной за последние 10 лет. Эксперты сигнализируют: налицо эффект демографических «ножниц». Это означает, что смертность стала увеличиваться, а рождаемость – сокращаться. В целом за последние три года (2016–2018 гг.) имела место чистая естественная убыль населения, которая составила 356,5 тыс. человек. Это сопоставимо с численностью населения таких городов, как Владимир, Сургут или Белгород.

Итого за время существования России (1992–2018 гг.) естественная убыль населения страны составила более 13 миллионов человек. Это примерно столько, сколько Россия потеряла за годы Великой Отечественной войны. Но тогда была жесточайшая война, в которой под огнем гибли миллионы наших солдат и офицеров. А сегодня как назвать эту «естественную» убыль населения? Правильнее ее назвать «противоестественной».

Складывается сильное ощущение, что это даже не результат каких-то ошибок или бездействия со стороны власти. Это результат целенаправленного уничтожения народа под прикрытием красивых слов о «демократии», «свободе», «правах человека» и «рынке». Но иногда и представители так называемой «элиты» допускают «оговорки по Фрейду», раскрывают истинное свое отношение к народу. Так, Анатолий Чубайс, главный организатор приватизации в 90-е годы, прекрасно понимал, что он творил. И как-то проговорился: «Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок». Именно такова психология российской власти. Безусловно, что «российской» она является только потому, что скрывается за вывесками разных министерств и ведомств, на которых значится «Российская Федерация». По сути, это антироссийская власть, действующая по указке своих «хозяев» из-за океана. Сегодня, в XXI веке, войны, в отличие от двух мировых войн прошлого века, ведутся без орудий, самолетов и танков. Сегодня ставка делается на «пятую колонну», которая оказывается у рычагов государственной власти и которая под видом «реформ» уничтожает страну.

Эта политика проводится под диктовку «хозяев денег» (мировой финансовой олигархии, главных акционеров Федеральной резервной системы США), которым нужна зачищенная от населения территория России с ее природными богатствами. Одним из важных каналов, по которым осуществляется «диктовка», являются такие институты, как Международный валютный фонд и

Всемирный банк.

Россия уже не пользуется кредитами этих международных финансовых организаций, но миссии МВФ и ВБ в РФ продолжают регулярно проводиться. Каждая миссия кончается подготовкой доклада, представляющего собой набор рекомендаций власти РФ в духе «Вашингтонского консенсуса» (ВК). А ВК – набор правил, которые американец Джон Перкинс (автор книги «Исповедь экономического убийцы») называет «инструкцией экономических убийц». Но убивают они не только экономику, но также людей. Между прочим, начиная с 2012 года МВФ и ВБ по итогам своих миссий стали настоятельно рекомендовать российским властям повышать пенсионный возраст. И даже стали подсказывать аргументы, которые помогли бы продвигать пенсионную «реформу». Еще в 2012 году руководитель представительства Международного валютного фонда (МВФ) в России Одд Пер Брекк заявил, что «пенсионные расходы» в РФ слишком высоки – почти 8 % ВВП.

Он предупредил, что если сохранится прежняя «популистская» госполитика, то через несколько лет этот уровень превысит 14 % ВВП. И с тех пор МВФ начал «долбить» Россию на предмет проведения пенсионной «реформы». А официальные российские СМИ прошлогоднюю дискуссию о повышении пенсионного возраста подали как собственную идею Дмитрия Медведева, Антона Силуанова, Максима Орешкина, Максима Топилина и прочих высших чиновников.

Нет, тут никаких импровизаций и «инициатив» со стороны компрадорской бюрократии не допускается. Нечто подобное мы наблюдаем в соседней Украине. Но там, по крайней мере, Киев соглашается на пенсионные и прочие антинародные реформы, пытаясь выклянчить новые кредиты у Фонда. России кредиты не нужны, рекомендациям Фонда чиновники следуют «бескорыстно». Такие реформы, кстати, уже были проведены по рекомендациям МВФ и ВБ во многих странах. Антиглобалисты справедливо окрестили их «геноцидом». Даже на Украине все большее число политиков (не только оппозиционных, но и находящихся в Верховной Раде) требуют выдворить МВФ из страны на том основании, что он проводит геноцид украинского народа.

Так что майские указы, национальные программы и прочие инициативы власти в области демографии – лишь для отвода глаз. Это то, что представители Фонда и российские компрадорские чиновники называют «популизмом». Реальная демографическая политика прописана в документах МВФ и Всемирного банка. Для российских компрадорских чиновников они имеют высший приоритет.

О демографическом оптимизме и кладбищенской статистике

Среди всех национальных проектов и далеко идущих планов самым, пожалуй, безнадежным смотрится проект «Демография». Президент и министры, кажется, делают все, чтобы мы с вами быстрее размножались, а в итоге Росстату приходится натягивать реальные цифры на поставленные задачи

Я не раз писал о катастрофической демографической ситуации в России, которую уже невозможно не замечать. Хроническое превышение смертности населения над рождаемостью создает так называемую «естественную убыль» (язык с трудом поворачивается называть ее «естественной», на самом деле она рукотворная и противоестественная).

За время существования нового государства Российская Федерация (1992–2018 гг.) естественная убыль населения страны составила более 13 миллионов человек. Это примерно столько, сколько Россия потеряла за годы Великой Отечественной войны. В последнее десятилетие естественная убыль населения камуфлировалась чистой иммиграцией, в результате чего происходил некоторый рост численности населения в стране. Но вот в 2018 году было зафиксировано падение численности населения России на 93,5 тыс. человек. На 1 января 2019 года, по данным Росстата, в России проживало 146,8 млн человек. Это на 1,6 млн человек меньше, чем в момент рождения государства Российская Федерация.

Власть вынуждена реагировать на негативные демографические тенденции. Так, 7 мая 2012 года президент В. Путин подписал указ «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» (№ 606). Спустя ровно шесть лет, 7 мая 2018 года, президент РФ подписал указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (№ 204). Во втором из названных документов, хорошо известном большинству читателей (он мощно распиарен нашими СМИ), сформулированы девять национальных целей, при этом на первом месте оказалась цель в области демографии. Кроме того, в майском указе 2018 года дано поручение правительству по реализации 12 национальных проектов (программ), одной из них (первой по порядку) опять же стоит программа в области демографии.

Постараемся вникнуть в цели демографической политики российского государства, средства ее реализации и оценить результаты. С момента подписания майского указа 2012 года скоро уже будет семь лет, так что оценивать не только можно, но и нужно. В указе было записано: «В целях совершенствования демографической политики Российской Федерации постановляю: 1. Правительству Российской Федерации: а) обеспечить повышение к 2018 году суммарного коэффициента рождаемости до 1,753; б) обеспечить увеличение к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 74 лет».

Самое удивительное, что майский указ президента 2018 года подписывался без подведения итогов выполнения майских указов 2012 года (кроме упомянутого выше указа по демографии было еще 10 других). Поэтому подводить итоги указа № 606 будем самостоятельно. Для этого у нас под рукой имеются данные Росстата.

Что касается показателя, называемого «суммарный коэффициент рождаемости» (СКР), то не может не умилять точность, с которой авторы указа № 606 определили его значение на шестилетнюю перспективу. До тысячной доли!

В 2012 году, когда подписывался указ, показатель, согласно данным Росстата, был равен 1,691. На настоящий момент данные по этому показателю за 2018 год Росстатом еще не обнародованы. Последние цифры – за 2017 год: показатель составил 1,621. Таким образом, в 2012–2017 гг. наблюдалось движение вспять.

Власти, видимо, поняв, что «переборщили» в 2012 году с показателем СКР, в новом указе № 204 убрали не только тысячные, но и сотые доли в числе и скромно сформулировали цель на 2024 год: «Увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7». Если немного округлить ту цифру, которая стояла в указе 2012 года, то задача на 2024 год состоит в том, чтобы хотя бы сохранить рождаемость на уровне 2012-го. А это означает, что никакого прироста населения в стране, скорее всего, не будет (в 2012 году естественный прирост населения в России оказался равен нулю).

Теперь о другом целевом показателе указа 2012 года – «ожидаемая продолжительность жизни» (ОПЖ). Как я уже отметил выше, указ № 606 поставил цель обеспечить увеличение к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 74 лет.

С моей точки зрения, показатель ОПЖ – очень странный. По крайней мере, для документа уровня президентского указа. Намного более понятным для широких масс трудящихся был бы показатель общей численности населения (или прироста численности населения). Еще более важным и понятным мог бы стать показатель естественного прироста населения (превышение рождаемости над смертностью), выраженный в абсолютной величине (тыс. человек) или в относительном виде (в расчете на тысячу жителей). Но зачем-то в указ вставили именно показатель ОПЖ.

Считаю, что это результаты бюрократических игр. Естественного прироста населения в стране в ближайшее время трудно ожидать. Скорее нам грозит естественная убыль (еще раз повторюсь, она мне кажется противоестественной, так как создана искусственно, с участием нашей компрадорской власти). А чиновникам не хочется отвечать за эту убыль. Вот они и подставили лукавый показатель ОПЖ, не отражающий фактическое положение, которое можно проверить, а прогнозный. С прогнозами всегда проще. Во-первых, ими манипулировать легко. Во-вторых, за неисполнение таких показателей наказать тяжело.

Данный показатель – нового поколения. Вот у меня на полке стоит статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1962 году». Там такого демографического показателя, как ОПЖ, нет. Есть куча других, отражающих численность населения, рождаемость, смертность, естественный прирост и т. п. Есть и такие таблицы, которых сегодня никто в Росстате уже не

составляет. Например, «Число лиц, доживающих до определенного возраста, из 100 тыс. родившихся». Таблица дана в разбивке по возрастным группам с интервалом в пять лет – от нуля (новорожденные) до 100 лет (кстати, таковых в СССР в 1961 году было зафиксировано 1611 на 100 тыс. родившихся). Эти данные были очень важными для планирования народного хозяйства и для определения пропорции между работающими и неспособными работать (иждивенцами), для планирования пенсионного обеспечения. Обращу внимание, что это были не прогнозы, а показатели, отражающие фактическое демографическое положение в стране.

Мода на прогнозный показатель ОПЖ пришла к нам из-за границы в 1980-е годы. В справочниках «Народное хозяйство СССР» Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР появились таблицы под названием «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении». Показатели рассчитывались на основе формул и носили прогнозный характер. Вот, например, показатели ОПЖ в последние годы существования СССР, по данным ЦСУ (число лет): 1986 г. – 69,6; 1987 г. – 69,8; 1988 г. – 69,5; 1989 г. – 69,5. Сколько на самом деле проживет человек, знает один Бог. И проверить прогнозные оценки статистиков никто не сможет.

Росстат дает следующие значения данного показателя: на 2016 год – 71,9 года, на 2017 год – 72,7 года, на 2018 год – 72,6. Вроде бы выше, чем в последние годы существования СССР, но ниже того, что было определено указом 2012 года (74 года на 2018-й). Еще раз подчеркну, что показатель ОПЖ – «резиновый», его можно корректировать в нужную сторону. Внутреннюю кухню приготовления этого показателя мы не знаем, но, видимо, Росстат не решился совсем уж чрезмерно нагло врать. Так что формально указ 2012 года и по показателю ОПЖ также не выполнен. Но никто из чиновников не пострадал.

Почему бы статистическим службам не давать более понятный и точный показатель, который можно было бы назвать «фактическая средняя продолжительность жизни» (по состоянию на соответствующий год) или что-то в этом роде? Именно фактическая, а не прогнозная или ожидаемая. В качестве эксперимента предлагаю пойти на кладбище и сделать подсчет средней продолжительности жизни умерших, скажем, в 2017 году. Или в любом ином году. У вас даже в грубом приближении не будет ничего близкого не только к 70 годам, но, боюсь, даже к 60.

А все потому, что, даже по мнению специалистов, показатель ОПЖ оказывается существенно выше средней фактической продолжительности жизни тех, кто уходит в мир иной. Более того, специалисты уверены, что все данные по фактической средней продолжительности жизни у Росстата имеются, но публиковать их «не велено».

Именно манипулируя завышенными и неверифицируемыми показателями ОПЖ, власти стараются убедить нас в том, что человек стал в условиях «демократической» России жить намного дольше, чем в «тоталитарном» Советском Союзе. И что поэтому пора отменить «устаревшие» нормы пенсионного возраста, установленные в СССР. Но это все – цифровые и каббалистические манипуляции, призванные добиться того, чтобы человек вообще не доживал до пенсионного возраста. В правительственном законопроекте о повышении пенсионного возраста (в пояснительной записке) о продолжительности жизни говорится: «В целом значительно увеличилась». Но что вкладывают в эти слова, насколько она увеличилась, никто не знает и не объясняет.

Специалисты прекрасно понимают, что показатель ОПЖ, которым размахивают чиновники, пробивающие пенсионную реформу, имеет слабое отношение к реальной жизни. Вот, например, Оксана Дмитриева, экс-глава Минтруда, бывший депутат Госдумы (1993–2016 гг.), депутат заксобрания Петербурга, отмечает, что средняя продолжительность жизни мужчин на сегодняшний день – 64 года, и то очень неустойчивая. «Как можно повышать пенсионный возраст до 65 лет? Даже тогда, когда на пенсию мужчины выходили в 60 лет, разница между возрастом выхода на пенсию и продолжительностью жизни мужчин была самая маленькая среди всех стран, у которых есть пенсионное законодательство, – четыре года», – отмечает Дмитриева. А что касается ожидаемой продолжительности жизни, то сегодня она, по оценкам Дмитриевой, всего на два года выше, чем в середине 1960-х гг.

И вновь вернемся к майскому указу 2018 года. В нем второй национальной целью определено «повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет)». Авторов указа № 204 не очень смущает, что задание майского указа по данному показателю не было выполнено (вместо 74 лет всего 72,6 года). Они с оптимизмом смотрят в 2024 год, устанавливая планку ОПЖ в 78 лет, и с еще большим оптимизмом – в 2030 год с планкой в 80 лет. Закономерность очевидная: чем дальше от сегодняшнего дня, тем выше планка, тем больше оптимизма.

Кажется, чиновники окончательно заигрались в «демографический оптимизм». Они сами пребывают во «второй реальности» (есть такое понятие в философии и социальной психологии) и в такую же «вторую реальность» хотят погрузить все общество. Более того, у них уже готовы проекты отчетов на 2024 год по части выполнения национальной программы по демографии, прописанной в майском указе 2018 года. Не верите? Зайдите на сайте Росстата в раздел «Демография». Внутри указанного раздела имеется подраздел, называемый «Демографический прогноз». Там уже «нарисованы» показатели ОПЖ на 2024 год. Причем показатели заготовлены на все случаи жизни. Воспроизвожу данные позиции «ожидаемая продолжительность жизни» на 2024 год:

низкий прогноз – 73,89;

средний прогноз – 75,03;

высокий прогноз – 78,04.

Итак, если вдруг президент России в далеком 2024 году потребует чиновника Ляпкина-Тяпкина «на ковер» с отчетом, то тот захватит с собой папочку, на которой написано «Высокий прогноз», и бодро отчитается по «полной национальной программе». Спектакль отчетов об исполнении указаний президента в России за четверть века отработан до мелочей.

Россия лихорадочно откладывает деньги на черный день

Сейчас в России люди отказываются от повседневных расходов, от отпусков – лишь бы завтра было на что купить еду. В июне объем «свободных денег» у россиян вырос сразу на 23,2 % по сравнению с маем этого года. Об этом пишут «Известия», ссылаясь на исследования холдинга «Ромир». «В июне индекс „свободных денег“ составил 29 тыс. рублей… По сравнению с июнем 2017 года показатель вырос на 25,3 %, с 23,7 тыс. рублей», – говорится в исследовании.

При этом в городах-миллионниках значение индекса за прошлый месяц увеличилось на 20,3 % – до 38 тыс. рублей. В небольших городах с населением менее 500 тыс. индекс вырос на 33,3 % и составил 20,8 тыс. рублей.

Эксперты отмечают, что такой скачок может быть связан с тем, что многие россияне во время отпуска решили никуда не ездить.

В «Ромире» добавили, что сделать окончательные выводы о росте «свободных денег» можно будет только в конце августа (Индекс «свободных денег» «Ромира» представляет собой разницу между доходами домохозяйства и тратами на необходимые товары и услуги).

Что касается «свободных денег», то я лично не знаю никакой официальной статистики, подтвержденной экономистами, на эту тему. Сумма в 29 тысяч рублей, которую приводят СМИ, базируется на социологических исследованиях, а это в данном случае очень условный показатель. Я постоянно слежу за статистикой Росстата, но там подобных данных не публикуется. И в статистике Центробанка России нет такой цифири.

Поэтому в данном случае приходится полагаться скорее на некие субъективные ощущения. А исходя из них, мы видим, что люди стараются экономить, отказываться от многих товаров и услуг, откладывая деньги на черный день.

Сейчас, например, у нас середина лета (2018 года. – *Ред.*), но видно, что в Москве людей меньше не становится, как это бывало в «тучные годы» в разгар отпусков. Сейчас, конечно, наложился чемпионат мира по футболу, но все равно это лишь несколько десятков, может, сотен тысяч человек, в то время как в разгар отпусков из столицы уезжают миллионы. То есть сейчас у многих, даже в Москве, нет денег. Либо деньги есть, но боятся ухудшения ситуации и поэтому не хотят тратить деньги на отпуск.

В целом народ правильно ощущает, что вероятны увольнения, падение зарплат и в целом уровня жизни. Отчасти это может быть связано еще с тем, что подготовка законопроекта о повышении пенсионного возраста спровоцировала широкие дискуссии о том, где мы находимся, что происходит с нашей экономикой, что происходит вообще с Россией. И обычные люди, и специалисты стали задумываться – а каковы источники пенсионного обеспечения? А эти источники – пересыхают. Поэтому народ вполне обоснованно ориентируется на свои субъективные ощущения.

Интересно, что в марте этого Росстат зафиксировал «реальный рост» доходов россиян на 4 %. Этой статистике доверять не стоит хотя бы потому, что за экономическую статистику сейчас отвечает Минэкономразвития, где тон задают господа либералы. Там множество возможностей для манипуляций. Можно подгонять под требуемый результат индекс цен, валовой продукт и т. д. Когда надо, эти экономисты показывают высокую инфляцию, когда нет – низкую. Это все зависит от того, какой набор товаров и услуг они включат в исследования для получения нужных результатов. Мы видим постоянное лавирование, а то и откровенный обман. При этом реальных исследований о жизненном уровне нашего населения практически нет.

«Что касается повышения зарплат россиян, то они имели место как раз накануне президентских выборов, когда наконец были выполнены „майские указы“ для некоторых категорий бюджетников, – говорит генеральный директор Института региональных проблем Дмитрий Журавлев. – А вот дальше я сомневаюсь в перспективах роста зарплат в регионах. Откуда у людей появятся „новые“ деньги? От того, что будут повышены налоги? Мне лично больше верится в то, что люди экономят, не понимая, что будет дальше». Пока больше тратится именно на еду и квартплату. А это значит, что уровень жизни для большинства россиян остается невысоким.

Если говорить о Европе и других преуспевающих государствах, то там есть железный закон – для того, чтобы экономика развивалась, люди должны зарабатывать хорошо. Падение покупательной способности для Германии, Японии или Южной Кореи – это катастрофа. Поэтому там и делается все, чтобы этого не допустить.

При нынешней власти Россия так и останется страной-бензоколонкой

Майский указ Путина ничего не меняет – наша экономика остается экономикой «трубы». В пункте 14 указа есть несколько конкретных стоимостных целевых показателей (на 2024 год): «достижение объема экспорта (в стоимостном выражении) несырьевых неэнергетических товаров в размере 250 млрд долларов США в год, в том числе продукции машиностроения – 50 млрд долларов США в год и продукции агропромышленного комплекса – 45 млрд долларов США в год, а также объема экспорта оказываемых услуг в размере 100 млрд долларов США в год».

Для начала начну с самого простого. Сдается мне, что целевые показатели по наращиванию экспорта машин и оборудования, а также продукции агропромышленного комплекса не будут выполнены. На чем основываются мои сомнения? На статистике. По данным Росстата, в период 2012–2017 гг. экспорт по товарной группе «Машины, оборудование и транспортные средства» составил (млрд долл.): 2012 г. – 26,6; 2013 г. – 28,8; 2014 г. – 26,5; 2015 г. – 25,4; 2016 г. – 24,5; 2017 г. – 28,1. За шестилетний период прирост экспорта составил всего 1,5 млрд долл., или 5,6 %.

А вот статистика по экспорту продукции АПК. По данным Росстата, в период 2012–2017 гг. экспорт по данной товарной группе составил (млрд долл.): 2012 г. – 16,8; 2013 г. – 16,3; 2014 г. – 19,0; 2015 г. – 16,2; 2016 г. – 17,1; 2017 г. – 20,7. За шестилетний период прирост экспорта составил всего 3,9 млрд долл., или 23 %.

Чтобы выйти на целевой показатель 2024 года по экспорту машин и оборудования, его следует увеличить по отношению к 2017 году в 1,8 раза. Чтобы выйти на целевой показатель 2024 года по экспорту продукции АПК, его следует увеличить в 2,2 раза. Уже совсем печальная картина обстоит с экспортом услуг.

В 2017 году, по данным Банка России, российский экспорт услуг составил лишь 15,4 млрд долл. Чтобы выйти на заданный в 2024 году уровень, экспорт услуг надо увеличить в 6,5 раза. Было бы разумнее, если бы авторы проекта указа поставили задачу по торговле услугами хотя бы избавиться от хронического и большого дефицита торговли услугами. Например, в 2017 году этот дефицит (превышение импорта над экспортом) составил 8,4 млрд долл.

Тут не надо быть экономистом и большим знатоком внешней торговли, чтобы сказать, что целевые показатели по экспорту взяты с потолка. Такие запредельные показатели можно было бы устанавливать лишь в том случае, если бы, скажем, в стране стартовала индустриализация. Тогда действительно можно было бы рассчитывать на такие «рывки». Но про индустриализацию, мобилизацию экономики и создание эффективной системы управления экономики в майском указе – полное молчание.

Удивительным образом в указе обойден вопрос о том, предполагаются ли радикальные изменения структуры внешней торговли России и ее места в международном разделении труда в предстоящие шесть лет. Или же все сохранится по-прежнему, т. е. Россия будет оставаться сырьевым придатком Запада, экономикой трубы. Из приведенных выше цифр непонятно, будет ли наращивание несырьевого экспорта замещать экспорт природных ресурсов (нефти, природного газа, руд металлов, необработанного леса и др.) или оно будет лишь дополнением к существующему сырьевому экспорту. Короче говоря, из общей картины выхвачен отдельный кусок, фрагмент, а всей картины мы не видим. Есть подозрение, что ее не видят и те, кто готовил проект указа.

Напомню, что за годы существования Российской Федерации было множество заклинаний по поводу того, что структуру внешней торговли страны надо менять, уходить от «экономики трубы», сокращать в экспорте долю нефти и других сырьевых товаров и наращивать долю продукции обрабатывающей промышленности, особенно машиностроения. Такие мантры звучали даже во времена Ельцина. Звучат они и после 2000 года, когда на Олимпе российской власти произошла «смена караула».

Каковы результаты этих заклинаний? Обратимся к данным Росстата. Доля товарной группы «Минеральное сырье» в экспорте Российской Федерации была следующей (%): 1995 г. – 42,5; 2000 г. – 53,8; 2010 г. – 68,5; 2016 г. – 59,2. А вот показатели по товарной группе «Машины, оборудование и транспортные средства» (%): 1995 г. – 10,2; 2000 г. – 8,8; 2010 г. – 5,4; 2016 г. – 8,6.

О чем свидетельствуют приведенные цифры? За более чем двадцатилетний период сырьевая ориентация российского экспорта даже усилилась, а позиции в области промышленного (машиностроительного) экспорта неуклонно слабели.

Сегодня не любят вспоминать статистику советского периода, а я напомню, что до начала 1970-х гг. экспорт Советского Союза был преимущественно промышленным, а не сырьевым. В 1950 году на товарную группу «Машины, оборудование и транспортные средства» приходилось 11,8 % экспорта СССР, а на группу «Топливно-энергетические ресурсы» – лишь 3,9 %. В 1960 году соотношение этих двух товарных групп было 20,5 % и 16,2 %; в 1970 году – 21,5 % и 15,6 % соответственно.

Когда в 1973–1974 гг. разразился мировой энергетический кризис и цены на черное золото взлетели в четыре раза, Советский Союз подсел на «нефтяную иглу» и структура внешней торговли СССР стала стремительно меняться. В частности, в 1975 году доля машин и оборудования в советском экспорте несколько снизилась – до 18,7 %, а вот доля топливно-энергетических ресурсов резко взлетела – до 31,4 %. Экспорт уже приобрел сырьевую ориентацию. В 1985 году ситуация была еще более неприглядной: на машины и оборудование приходилось лишь 15,5 %, а вот доля топливно-энергетических ресурсов взлетела до 46,5 %.

В эпоху «застоя» развитие внутреннего производства средств производства и потребительских товаров замедлилось, потребности стали покрываться в первую очередь за счет импорта, оплачиваемого нефтедолларами. В середине 80-х годов на мировом рынке нефти произошел обвал цен (спецоперация, спланированная и проведенная Вашингтоном), что, в свою очередь,

нанесло тяжелейший удар по экономике Советского Союза. От этого удара СССР не сумел оправиться, страна шла к своему концу. Данная история является наглядным пособием, объясняющим, какие угрозы несет сырьевая ориентация экономики и экспорта. Она также показывает, что нельзя ни в коей мере допускать перекосов в сторону чрезмерного вовлечения страны в сферу международной торговли и в сферу международного движения капитала, ибо обе эти сферы контролируются Западом. Россия может сохранить свой национальный суверенитет лишь в том случае, если будет иметь свой развитый внутренний рынок, а международный рынок может быть лишь дополнением.

А тон майского указа таков, что, мол, России любой ценой надо и далее продолжать процесс интеграции в мировую торговлю и мировую экономику. Это у таких стран и юрисдикций, как Сингапур, Люксембург или Нидерланды, нет альтернативы такой интеграции, поскольку они мизерны по территории, численности населения, не имеют природных ресурсов, в принципе не способны создать емкий внутренний рынок. К тому же они не претендуют на то, чтобы играть сколь-нибудь заметную роль в мировой политике. А Россия обязана быть самодостаточной. У нее для этого есть все условия (обширная территория, большое население, природные ресурсы, исторический опыт – индустриализация 1930-х годов и т. д.). Без такой самодостаточности Россия может вообще исчезнуть с политической карты мира.

А что мы видим в Российской Федерации? Никто из чиновников даже слова «индустриализация» не произнес за последние годы. Когда начались экономические санкции Запада против России в 2014 года, в лексиконе властей появилось слово «импортозамещение». Но сегодня почему-то его не вспоминают. В майском указе президента ни слова об импортозамещении. Зато стоят целевые показатели наращивания экспорта. Для того, вероятно, чтобы «дойная корова» под названием «Российская Федерация» давала Западу больше «молока». Какая польза России, ее народу от наращивания экспорта, если экспортная выручка почти уже не возвращается в Россию? А если формально и возвращается, то потом уходит в направлении, о котором российские власти не знают. Кроме того, сильная зависимость России от экспорта (и, соответственно, импорта) позволяет Западу управлять нашей страной (например, через управление рынком «черного золота», через запреты на ввоз в Россию тех или иных товаров).

Давайте посмотрим, насколько глубоко Россия «увязла» во внешнеторговом обмене (на языке политкорректности – «интегрировалась» в мировую экономику). Для этого используется показатель величины экспорта (импорта, товарооборота) по отношению к валовому внутреннему продукту (ВВП). В начале 1980-х гг., согласно экспертным оценкам, доля экспорта в ВВП СССР составляла 7–8 %. Относительный уровень экспорта России (в рамках союзной республики РСФСР) накануне развала Советского Союза в 1991 году был равен 13,3 %.

В первый год существования Российской Федерации (1992 г.) показатель взлетел до 62,3 %. На следующий год (1993 г.) он составил 38,2 %. Эти цифры говорят о том, что вновь возникшее государство немедленно подверглось мародерскому разграблению. Затем показатель относительного уровня экспорта стал несколько снижаться. Следующий пик был достигнут в 2000 году – 44,1 %. А вот показатели последних лет (%): 2010 г. – 29,2; 2011 г. – 28,0; 2012 г. – 26,9; 2013 г. – 2014 г. – 27,1; 2015 г. – 28,6; 2016 г. – 25,7; 2017 г. – 26,0.

Главные торговые державы на сегодняшний день – Китай и США. А как у них выглядит относительный показатель экспорта? В 2017 году у Китая экспорт составил 19,8 % ВВП, а у США – 11,9 %. Россия опережает и Китай, и США, но такое опережение отнюдь не вызывает чувство гордости за державу.

По итогам 2018 года значение российского показателя еще официально не опубликовано, но можно уверенно сказать, что он будет значительно выше, чем в 2017 году. Ибо прирост ВВП за прошлый год составил 2,3 %, а прирост экспорта – 25,8 %. По моим оценкам, российский экспорт в 2018 году составил почти 32 % ВВП. Это рекордный показатель в текущем десятилетии. Еще раз повторяю, что нам такие рекорды не нужны. Они свидетельствуют лишь об усиливающемся ограблении страны и об усиливающейся ее зависимости от Запада.

В майском указе по национальной программе развития экспорта имеется такой целевой показатель: «формирование в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг глобальных конкурентоспособных несырьевых секторов, общая доля экспорта товаров (работ, услуг) которых составит не менее 20 процентов валового внутреннего продукта страны».

Даже если под «кудрявой» формулировкой «глобальных конкурентоспособных несырьевых секторов» понимать все то, что не относится к сырью в чистом виде (в виде энергоносителей, металлических и неметаллических руд, необработанной древесины и сырья сельскохозяйственного происхождения), то в последние годы на эти несырьевые сектора приходится в среднем примерно 1/3 всего российского экспорта. Итак, к 2024 году доля таких секторов в российском экспорте должна составить не менее 20 процентов ВВП. А если структура экспорта останется прежней, то весь экспорт должен выйти на уровень 60 % ВВП. То есть экономика должна будет работать больше на внешний рынок, чем на внутренний.

Можно, конечно, по-другому интерпретировать поставленную задачу: относительный уровень экспорта останется на прежнем уровне, примерно равном 30 %, а доля так называемого «сырьевого» экспорта понизится до 10 % ВВП. То есть сырьевой экспорт России к 2024 году должен сократиться (округленно) в два раза. Судя по последним амбициозным заявлениям руководителей «Газпрома», «Роснефти», «Лукойла», «Металлоинвеста» (экспорт железной руды), «Уралкалия» (экспорт калийных руд) и других крупнейших компаний энерго-сырьевого сектора российской экономики, они не собираются сворачивать экспорт энергоносителей и других полезных ископаемых, наоборот, есть планы наращивания.

Итак, скорее всего, эзотерические формулировки майского указа следует расшифровать следующим образом: наращивание российского экспорта по всем направлениям, а не только на направлении «несырьевых» секторов. Иначе говоря, приоритет за внешними рынками. Что касается внутреннего рынка, то о нем в майском указе ничего не сказано. Значит, «по умолчанию», как

и раньше, его развитие будет осуществляться по «остаточному принципу». Значит, российская экономика будет и далее деградировать, становиться все более монокультурной (сырьевой).

Я склоняюсь в пользу этой версии и потому, что под вывеской «несырьевых секторов» в российской экономике скрываются производства со слабой степенью обработки сырья. Чтобы не быть голословным, приведу картину несырьевого неэнергетического экспорта РФ, представленную на сайте Федеральной таможенной службы (ФТС). По данным ФТС, в 2017 году такой экспорт составил 133,7 млрд долларов, или 37 % всего товарного экспорта России. Вот основные товарные позиции несырьевого экспорта (в скобках – доля в % в общем объеме несырьевого экспорта):

– машины, оборудование, транспортные средства (21);

– продовольствие и сельскохозяйственное сырье (15);

– металлы и изделия из них (27);

– продукция химической промышленности (18);

– драгоценные металлы и драгоценные камни (5);

– ткани, одежда, обувь (1);

– прочие товары (14).

Намеченный на 2024 году экспорт несырьевых неэнергетических товаров в размере 250 млрд долл. за вычетом запланированного экспорта продукции машиностроения (50 млрд долл.) и продукции АПК (45 млрд долл.) должен составить 155 млрд долл. И тут мы видим, что за вывеской развития «несырьевого неэнергетического экспорта» скрываются планы наращивания того же сырья с небольшой («косметической») обработкой.

Это, прежде всего, черные и цветные металлы и металлоизделия, экспорт которых заметно превышает вывоз всех видов машин и оборудования. Это продукция химической промышленности, которая по стоимости экспорта почти не уступает машинам и оборудованию. Это кругляк или слегка обработанная древесина, а также сырье сельскохозяйственного происхождения. В категорию несырьевого неэнергетического экспорта попадают даже драгоценные камни и драгоценные металлы, стоимость экспорта которых сегодня намного больше, чем товаров народного потребления.

Власть постоянно твердит о «рывке» и «прорывах», имея в виду повышение темпов экономического роста и радикальное изменение структуры экономики в пользу обрабатывающей промышленности. Особенно в пользу машиностроения и высокотехнологических производств. Но внимательное изучение майского указа в части, касающейся национальной программы развития экспорта, показывает, что документ не предусматривает никаких прорывов в структуре экспорта.

Будет продолжаться экстенсивное наращивание сырьевого экспорта, и сырьевой характер экспорта будет прикрываться фиговым листочком «косметического облагораживания» природных ресурсов и присвоения им почетного звания продукции глобальных конкурентоспособных несырьевых секторов.

Печатный станок Банка России разгоняет инфляцию вместо экономики

В любом учебнике по экономике можно прочитать, что в случае возникновения дефицита государственного бюджета (превышение расходов над доходами) государство закрывает возникающую «дыру» с помощью займов (внутренних или внешних). Один из вариантов затыкания бюджетной «дыры» – размещение долговых бумаг государства у своего Центробанка. Последний приобретает такие бумаги с помощью денег, создаваемых на «печатном станке». Это так называемая необеспеченная денежная эмиссия, которая создает инфляцию.

В текущем десятилетии российский бюджет был в основном дефицитным. Величина дефицита составила (% ВВП): 2012 г. – 0,02; 2013 г. – 0,5; 2014 г. – 0,5; 2015 г. – 2,6; 2016 г. – 3,5; 2017 г. – 1,4. И лишь в прошлом году бюджет был сведен с профицитом: превышение доходов над расходами составило 2,7 % ВВП.

Дефициты бюджетов, безусловно, подпитывали инфляцию в стране. С 2013 года Банк России объявил, что отныне главной целью его денежно-кредитной политики становится «таргетирование инфляции» (хотя в статье 75 Конституции РФ записано, что таковой целью является «защита и обеспечение устойчивости рубля»).

Любой добросовестный студент экономического вуза сказал бы, что самым простым и очевидным способом преодоления инфляции является ликвидация дефицита государственного бюджета. С этой точки зрения борьба с инфляцией в России выглядит, мягко говоря, странно.

Начать надо с того, что дефициты государственного бюджета, фиксировавшиеся в 2012–2017 гг., являются искусственными. Ведь в стране в этот период было два гигантских фонда, которые находились в ведении Минфина: Резервный фонд и Фонд национального благосостояния (ФНБ). В 2012 году остатки ФНБ, например, составляли в среднем около 4,0 % ВВП, а остатки Резервного фонда – 3,1 %. В 2017 году эти показатели были соответственно равны примерно 4,7 % и 1,1 %.

Самым очевидным способом поставить точку на инфляции было закрытие дефицита бюджета с помощью денег указанных фондов. Это мог и должен был сделать Минфин. Так, в 2017 году средств в обоих фондах было в четыре с лишним раза больше, чем бюджетная «дыра». Но вместо простого и очевидного решения проблемы, для которого не очень даже нужен был Центробанк, последний взял проблему на себя и с увлечением занялся «таргетированием инфляции».

Самый настоящий спектакль, но спектакль не безобидный! Центробанк включал «печатный станок» для закрытия бюджетной «дыры» и одновременно изымал «лишние» деньги из обращения. Это похоже на то, как если бы водитель автомобиля одновременно нажимал на педали газа и тормоза. Инфляция никуда не уходила, а экономика лишалась денег.

До сих пор не могу понять: или А. Силуанов и Э. Набиуллина были двоечниками по экономике, или же они всё прекрасно понимают и сознательно уничтожают Россию? Интересно, сколько еще этот тандем, называемый «денежными властями», будет продолжать свой изуверский эксперимент над российской экономикой? Не до тех ли пор, пока от некогда большого и прочного дома останется одно пепелище?

О том, что российская экономика хронически задыхается от безденежья, свидетельствует коэффициент монетизации экономики, который представляет собой отношение величины денежной массы (денежный агрегат М2, представляющий собой сумму наличных и безналичных денег) к ВВП страны, выражаемое в процентах. Чтобы экономика не «задыхалась», нужно, чтобы коэффициент монетизации был не менее 50 %. По данным МВФ, среднемировой коэффициент монетизации в середине текущего десятилетия составлял 125 %, в экономически развитых странах был выше 150 %. А в Китае, Японии, Нидерландах и некоторых других странах – свыше 200 %.

А в России? В «нулевые» годы коэффициент был ниже 30 %, сейчас колеблется в диапазоне от 40 до 45 %. Достаточно много интересных зарубежных и российских исследований показывают почти стопроцентную корреляцию между показателями монетизации экономики и темпами экономического роста (см., например, Блинов С. Н. «Запах рецессии»). Нет никаких сомнений, что педаль тормоза российской экономики находится у Центробанка, управляющего денежной массой. А Минфин Центробанку в этом преступном деле подыгрывает.

Примечательно, что в прошлом году федеральный бюджет РФ был наконец сведен с профицитом. Превышение доходов над расходами составило аж 2,7 % ВВП. Казалось бы, инфляция должна была испариться, как утренний туман. Ан нет! Согласно данным Росстата, по итогам 2018 года инфляция составила 4,3 %. Удивительная вещь, идущая вразрез с догматами экономической науки. Но все просто: даже в условиях бюджетного профицита «печатный станок» Центробанка продолжал работать. Он продолжает работать и в этом, 2019 году.

Пока у бюджета еще были дефициты, они камуфлировали деятельность Центробанка по разгону инфляции: мол, Центробанк инфляцию не создавал, он лишь с ней боролся. Но прошлый год показал, что на Минфин уже инфляцию не спишешь. Высокая ключевая ставка Центробанка делает банковские кредиты дорогими для предприятий реального сектора экономики. Большие расходы на обслуживание долгов по таким кредитам повышают издержки производства и цены.

Отказ Центробанка от контроля над валютным курсом рубля ведет к неуклонному снижению этого курса. Это повышает рублевые цены на товары импортного происхождения и вносит свой вклад в раскручивание инфляции.

Дорогие кредиты ускоряют банкротство предприятий реального сектора экономики. Происходит обесценение или даже

физическое уничтожение активов таких предприятий-банкротов. Усиливается дисбаланс материальных активов и денежной массы в сторону денежной массы.

В банковском мире России обнаруживаются гигантские «черные дыры» (дисбалансы между обязательствами и активами), которые Центробанк пытается частично закрывать путем санирования «системно значимых» банков. Такое санирование осуществляется с помощью «печатного станка».

Казалось бы, у Центробанка есть простой и очевидный способ покончить с инфляцией – организовать масштабное кредитование реального сектора экономики и таким образом увеличить предложение товаров и разных материальных активов в российской экономике. Но ведь у Центробанка задачи как раз противоположные. Он делает все возможное для того, чтобы российская экономика не начала оживать.

Добавлю, что у Центробанка, занимающегося «таргетированием инфляции», имеются также иные причины и поводы включать «печатный станок» и разгонять инфляцию. Одна из них связана с так называемым «налоговым маневром», который был предложен Минфином и получил законодательное одобрение в Государственной думе. Принятый в июле 2018 года закон предусматривает поэтапное снижение экспортной пошлины на нефть с 30 до 0 % с 2019 года в течение шести лет. Одновременно будет происходить поэтапный трехлетний рост налога на добычу полезных ископаемых.

Проталкивая закон, правительство обещало, что налоговая реформа позволит получить дополнительные доходы в размере 1,3–1,6 трлн руб. в течение шести лет. Я в свое время знакомился с расчетами, они мне показались очень «мутными». Согласно обещаниям власти, в расчете на год получается всего 200–250 млрд руб. Стоило ли огород городить?

Повышение НДС с 18 до 20 % точно даст раза в полтора больше поступлений, чем указанный «налоговый маневр». А вот удар по гражданам этот «маневр» точно наносит, ведь он создает стимулы больше вывозить нефтепродуктов на внешний рынок и оголять внутренний. Не надо было быть пророком, чтобы предвидеть, что «маневр» приведет к росту цен на бензин и другие нефтепродукты внутри России.

Нефтяной бизнес и власти в этой ситуации придумывают еще один «маневр». Они заключают соглашение о заморозке цен на бензин и ряд нефтепродуктов на внутреннем рынке при одновременной выплате бизнесу бюджетных денег для «компенсации упущенной выгоды».

Из каких источников правительство изыщет деньги на компенсации?

Как сообщают деловые издания, деньги будут изысканы в Фонде национального благосостояния (что касается Резервного фонда, то он был ликвидирован в прошлом году ввиду полного исчерпания ресурсов). Названа сумма ожидаемых компенсаций в этом году – около 450 млрд руб.

А как они будут перечисляться нефтяному бизнесу, если находятся в ФНБ, который является валютной кубышкой Минфина, и размещены на валютном депозите Центробанка? Вот как: Минфин продает соответствующую сумму из ФНБ, но не на валютной бирже, где за нее заплатили бы уже обращающимися рублями, а напрямую Центробанку, который приобретает ее за счет новых рублей, созданных с помощью «печатного станка». Эти рубли будут направлены не на строительство новых заводов и фабрик, которые наполнили бы российский рынок новыми товарами, нет. Это необеспеченная рублевая эмиссия, разгоняющая инфляцию в российской экономике.

Возвращаясь к теме бюджетных дефицитов 2012–2017 гг., скажу, что для их покрытия использовался похожий механизм. Минфин сообщал, что бюджетные дефициты закрывались с помощью денег Резервного фонда и ФНБ. Валютные средства фондов конвертировались в рубли не через биржу, а путем прямой продажи Центробанку, который покупал валюту у Минфина с помощью новых напечатанных рублей. В частности, в 2015 году под приобретение валюты из Резервного фонда ЦБ напечатал 2,1 трлн руб. В 2016 году «печатный станок» включался трижды: в апреле, мае, августе. Каждый раз с него сходило «печатной продукции» на 390 млрд руб. Четвертый раз печатный станок был запущен в декабре, с него сошло 966 млрд рублей.

В 2017 году станок простаивал восемь месяцев, а в сентябре был запущен, когда Минфину понадобились деньги для выплаты пенсий.

К концу 2017 года валюта Резервного фонда была исчерпана, для текущих потребностей стали использовать ФНБ (хотя он изначально задумывался как «долгоиграющий» фонд будущих поколений). По той же эмиссионной схеме Фонд был задействован дважды – в ноябре и декабре 2018 года. Минфин продал Центробанку в общей сложности 6,75 млрд долл., 6,71 млрд евро и 1,75 млрд фунтов стерлингов. Под эту валюту ЦБ напечатал 1,1 трлн рублей, которыми был закрыт дефицит Пенсионного фонда России.

Таким образом, под прикрытием непрерывных мантр о «таргетировании инфляции» Центробанк регулярно включает печатный станок для того, чтобы закрывать разные «черные дыры» – в банковской системе, в федеральном бюджете, в Пенсионном фонде – и, конечно, для того, чтобы наши олигархи не понесли потерь в виде «упущенной выгоды». Все это является необеспеченной эмиссией, которая как раз и разгоняет инфляцию.

Необеспеченная эмиссия Центробанка становится нормой. Как сообщил Минфин, в 2020 году компенсационные выплаты нефтяному бизнесу могут составить уже 1,7 трлн руб., то есть с печатного станка Центробанка сойдет почти в четыре раза больше необеспеченных рублей, чем в этом. Вот вам и «таргетирование инфляции», и «налоговый маневр» в одном флаконе.

Таинственные инвестиции Центробанка России

Тема золотовалютных (международных) резервов Российской Федерации – одна из наиболее актуальных и постоянно обсуждаемых в российских экономических СМИ. В восприятии людей, которые регулярно следят за этой темой, основными составляющими ЗВР являются три компонента:

1) ценные бумаги, эмитируемые казначействами других стран (государственные долговые бумаги);

2) наличная валюта и валютные средства на депозитах и иных счетах зарубежных банков;

3) металлическое золото в монетарной форме.

Про «прочие инструменты» редко вспоминают даже специалисты, поскольку их доля в активах не так велика, а видов прочих инструментов достаточно много: ценные бумаги международных организаций (доля в активах на конец 1 квартала 2018 года составила 2,8 %); права требования в иностранной валюте к российским контрагентам или эмитентам (0,8 %); сделки обратного РЕПО с иностранными контрагентами (0,5 %); чистая позиция в МВФ (0,3 %). Но есть еще один вид, доля которого не так уж мала. Называется он «негосударственные ценные бумаги иностранных эмитентов». На конец I квартала 2018 года на этот инструмент пришлось 9,0 % активов.

Таким образом, он оказался на четвертом месте по значимости после иностранных государственных ценных бумаг, валютных депозитов в иностранных банках и золота.

По поводу этого инструмента в официальных документах Центробанка имеется лишь одна лаконичная фраза: «Ценные бумаги иностранных эмитентов, которым в случае финансовых трудностей с высокой вероятностью будет оказана государственная поддержка в силу их особой роли или значимости для экономики страны или региона (подразумеваемую гарантию)». Это я взял из ежеквартального «Обзора деятельности Банка России по управлению активами в иностранных валютах и золоте». Маловато.

Таким образом, Центробанк России хранит полное молчание по поводу того, что скрывается за инструментом под названием «негосударственные ценные бумаги иностранных эмитентов». При этом мы видим интересную динамику стоимостной оценки активов в указанный инструмент (на конец I квартала соответствующего года, млрд долларов): 2013 г. – 8,1; 2014 г. – 5,5; 2015 г. – 3,8; 2016 г. – 29,3; 2017 г. – 33,9; 2018 г. – 41,6.

Как видно, резкое увеличение масштабов покупки иностранных негосударственных ценных бумаг произошло в период 2015–2016 гг. За годовой период 2017–2018 гг. прирост инвестиций в такие бумаги составил 7,7 млрд долларов.

Почему я особое внимание обращаю на Соединенные Штаты? Потому что уже был масштабный прецедент вложения Банком России валюты именно в американские долговые бумаги, отличные от казначейских облигаций США. Речь идет об инвестировании в бумаги, эмитированные американскими ипотечными агентствами Fannie Mae, Freddie Mac и Federal Home Loan Banks.

На момент покупки бумаг это были негосударственные агентства, наделенные определенными привилегиями. Такое инвестирование Банк России стал осуществлять в небольших количествах еще в начале 2007 года. Однако масштабы вложений в эти бумаги стали резко возрастать, и уже к началу 2008 года общий портфель американских ипотечных бумаг Банка России превысил 100 млрд долл. (более пятой части всех международных резервов России на тот момент). Примечательно, что закупки бумаг происходили на фоне нарастающих признаков кризиса на рынке ипотечного кредитования США.

Создается впечатление, что Центробанк приобретал ипотечные бумаги США, не руководствуясь интересами России (или даже собственными корпоративными интересами), а осуществляя спасательную операцию по просьбе заокеанских партнеров. Об этой рискованной и сомнительной с юридической точки зрения операции даже в Банке России знали очень немногие.

Как стало ясно уже потом, бумаги Fannie Mae, Freddie Mac и Federal Home Loan Banks Банк России приобретал, используя часть средств российского Стабилизационного фонда (Банк России действовал в качестве агента Минфина, управлявшего Стабфондом). Тогдашний министр финансов Алексей Кудрин, защищая операцию по покупке американских ипотечных бумаг, с удовлетворением сообщил летом 2008 года, уже в разгар мирового кризиса, что на этих бумагах Минфин России сумел заработать аж один миллиард долларов США.

Кстати, «заслуги» Кудрина по «эффективному» управлению средствами Стабфонда незаслуженно забыты. Так, можно напомнить выступление тогдашнего руководителя Счетной палаты РФ Сергея Степашина по результатам проверки управления Стабфондом за 2005 год. Тогда потери Стабфонда составили 11 млрд долларов. Уже тогда президент РФ должен был начать расследование деятельности Кудрина. Но Кудрин остался у руля Минфина.

Уже в первые месяцы 2008 года Банк России начал активно выводить валюту из американских ипотечных бумаг, к середине года было распродано около половины портфеля, причем бумаги Federal Home Loan Banks были проданы полностью. Операция по выходу из ипотечных бумаг Банком России была завершена к концу 2008 года.

Изначально эти инвестиции выглядели опасной операцией, к тому же Минфин США никаких гарантий по бумагам указанных ипотечных агентств не предоставлял. Они имели статус агентств с особыми привилегиями, то есть субсидировались

государством, но гарантии и субсидирование в мире финансов – вещи очень разные. Оба американских ипотечных агентства зашатались. Их банкротство создало бы такой эффект домино, что на тот свет сразу же могла улететь половина институциональных игроков на финансовом рынке США.

Поэтому Минфин принял решение о национализации агентств – таким образом было предотвращено их банкротство, а заодно и беспрецедентные (в истории Центробанков) потери Банка России. По завершении операции выхода из американских ипотечных бумаг тогдашний глава ЦБ РФ Сергей Игнатьев в Госдуме сообщил: «Продали все, заработали денег, ничего не потеряли». Руководителям Центробанка и Минфина удалось выйти сухими из воды. Повезло.

Есть некоторые подозрения, что негосударственные ценные бумаги, находящиеся в настоящее время в портфеле Банка России, имеют американское происхождение. Это лишь предположение, так как все засекречено, но можно порассуждать на эту тему.

Банк России представляет географическую структуру международных резервов РФ (привязка того или иного инструмента к определенной стране). На конец первого квартала 2014 года на США приходилось 27,6 % ЗВР, или 133,4 млрд долларов. Вложения в казначейские бумаги составили на тот момент времени 100,4 млрд долл. Разница в 33 млрд долл. – вложения в другие инструменты американского происхождения.

На конец 2017 года на США приходилось 29,9 % ЗВР, или 131 млрд долларов. А вложения России в казначейские бумаги США на тот момент составляли около 102 млрд долларов. Получается, что вложения в иные инструменты американского происхождения были равны 29 млрд долларов.

На 1 апреля 2018 года на США приходилось 29,4 % всех ЗВР России. В абсолютном выражении это 135,2 млрд долл. На конец марта 2018 года вложения ЦБ РФ в американские казначейские бумаги были равны 96,1 млрд долларов. Получается, что вложения в другие финансовые инструменты, «приписанные» к юрисдикции США, составили на конец первого квартала почти 40 млрд долларов.

Что входит в этот «остаток», можно только гадать. Это могут быть валютные депозиты в американских банках, но и ценные бумаги, эмитированные американскими негосударственными организациями – типа тех, которые были приобретены Банком России в 2007 году. Я совсем не исключаю, что Банк России может брать пример с ряда других центробанков, которые уже достаточно давно и по-крупному играют с ценными бумагами негосударственного происхождения.

Среди таких центробанков особенно выделяются Банк Японии и Национальный банк Швейцарии (НБШ). Они являются наиболее активными покупателями корпоративных бумаг – как акций, так и облигаций.

Если в сентябре 2014 года в портфеле НБШ на акции американских эмитентов приходилось 26,1 млрд долл., то через три года (в сентябре 2017 г.) этот портфель уже оценивался в 87,8 млрд – рост в 3,4 раза! А всего на акции приходится около 20 % международных резервов швейцарского Центробанка (американские бумаги составляют как минимум половину всего портфеля акций). Как стало известно, НБШ покупает акции таких американских компаний, как Apple, Exxon Mobil, Johnson & Johnson, AT&T и Facebook. НБШ обосновывает такую политику тем, что, мол, инвестиции в обычные казначейские бумаги (как американские, так и европейские) уже не дают почти никакого «навара». Эксперты совершенно правильно оценивают подобного рода политику НБШ как существенную поддержку американского бизнеса. И это вдобавок к тому, что НБШ скупает казначейские бумаги ФРС, то есть финансирует правительство США!

Банк Японии также активно скупает корпоративные акции и облигации, правда, предпочтение патриотично отдает бумагам, которые эмитированы японскими компаниями. И вот, как выясняется, Банк России решил не отставать от наиболее азартных своих зарубежных коллег. Но если НБШ и Банк Японии прозрачны, они не скрывают, что они покупают и в каких объемах, то Банк России в этом отношении оказывается сверхсекретным институтом.

Уже несколько лет Банк России выпускает ежеквартальные бюллетени «Обзор деятельности Банка России по управлению активами в иностранных валютах и золоте». Этот бюллетень призван создать видимость, что все решения и все операции, относящиеся к управлению международными резервами, прозрачны. Мол, каждый гражданин России при желании может удостовериться, что руководство Банка России принимает юридически корректные, экономически эффективные и политически безопасные решения.

Каждый выпуск содержит первую часть под названием «Принципы управления активами в иностранных валютах и золоте, а также управление финансовыми рисками».

Читаем:

«В Банке России действует многоуровневая коллегиальная система принятия инвестиционных решений. Совет директоров Банка России определяет цели управления активами, перечень допустимых инструментов для инвестирования и целевой уровень валютного риска. Подотчетный совету директоров коллегиальный орган Банка России, ответственный за инвестиционную стратегию, принимает решения об уровне процентного и кредитного рисков и определяет перечень контрагентов и эмитентов. Реализация принятых инвестиционных решений осуществляется структурными подразделениями Банка России».

И все в таком же духе.

Ритуальный текст ни о чем. Даже в самом Центробанке к тайнам управления резервами допущены лишь избранные. Более того, я подозреваю, что ключевые решения принимаются вообще вне Центробанка, а потом лишь доводятся до «избранных».

Банк России свою внутреннюю кухню раскрывать не собирается. Поэтому мы не знаем достоверно, что скрывается за таким инструментом Банка России, как «негосударственные ценные бумаги иностранных эмитентов», объем которых с 2015 года быстро нарастает и к концу первого квартала 2018 года приблизился к 42 млрд долларов.

Может быть, Банк России собирается спасать (и уже спасает) каких-то игроков на финансовом рынке США?

Кто управляет вашими банковскими картами

Исполнилось пять лет с начала экономических санкций Запада против России. Одной из первых санкционных акций стала блокировка в марте 2014 года платежей по банковским картам, эмитированным семью российскими кредитными организациями. Решение было принято международными платежными системами Visa и MasterCard – это гигантские транснациональные компании, зарегистрированные в США и раскинувшие по всему миру свои сети в виде дочерних структур и филиалов.

Решение о блокировке банковских карт в России в 2014 году принимали в Минфине США, далее команда пошла в штаб-квартиры Visa и MasterCard, от них – в подконтрольные компании Visa International Service Association и MasterCard Worldwide, а исполнение решения осуществляли отделения двух американских компаний в России (зарегистрированные как российские юридические лица).

Как выяснилось, попавшие под санкции семь российских банков выпустили в общей сложности почти полмиллиона кредитных и дебетовых карт. Наиболее чувствительной санкция оказалась для «СМП-банка», выпустившего 170 тыс. карт. Возникла даже некоторая паника: за два первых дня действия санкций клиенты «СМП-банка» сняли с карточных счетов миллиард рублей – 23 % всех средств, которые там были. Более того, опасаясь за дальнейшую судьбу банка, люди начали выходить и из депозитов: банк лишился трех миллиардов рублей из восьмидесяти, лежавших на депозитных счетах, а клиенты потеряли проценты по ним за досрочное расторжение договоров. Нервозность немного улеглась, когда через несколько дней с пяти из семи банков санкции были сняты. Под запретом остались лишь транзакции по картам банков «Россия» и «Собинбанк».

Тем не менее это был «звоночек». Банк России принял решение о комплексе мер по защите банков и их клиентов от возможного повторения подобных санкционных действий. Для этого 23 июля 2014 года была создана специальная структура – АО «Национальная система платежных карт» (НСПК), на 100 % принадлежащая Банку России. Российские СМИ очень активно распиарили этот «наш ответ Чемберлену» (это крылатое выражение появилось в 1927 году – в связи с нотой британского правительства советскому за подписью британского министра иностранных дел Джозефа Остина Чемберлена и последовавшей в ответ советской пропагандистской кампанией).

Перед НСПК была поставлена задача создать операционный и платежный клиринговый центр для обработки операций по банковским картам внутри России. Инструментом платежей должна была стать банковская карта «Мир». 5 декабря 2015 года НСПК объявила о выпуске первых карт «Мир» семью российскими банками. Примечательно, что платежные карты Visa, MasterCard и других международных платежных систем не отменялись, но их обслуживание должно было осуществляться через процессинговый центр НСПК. Это должно было обезопасить российские банки и их клиентов от повторения истории, произошедшей в марте 2014 года. О динамичном развитии платежной системы «Мир» свидетельствует статистика стоимостных объемов выручки, получаемой ею от российских банков. В 2015 году она была равна 2,6 млрд руб., а в 2018 году – уже 11,8 млрд руб. Как сообщила глава Банка России Эльвира Набиуллина в Госдуме на парламентских слушаниях в январе 2019 года, эмиссия карт «Мир» на начало года достигла примерно 53 млн, а доля платежей на российском рынке – 14 %.

На протяжении последних трех с лишним лет (после того как заработала национальная платежная система «Мир») среди возможных санкционных мер Запада блокировка эмитированных российскими банками карт больше не упоминалась. Возникло ощущение, что на этом фронте риски санкционных ударов сведены к нулю. Однако это иллюзия.

Риски никак не равны нулю, поскольку карта «Мир» защищена от санкций лишь внутри нашей страны. За пределами России ее использование ограничено. Планируется распространение платежной системы «Мир» на все страны, входящие в ЕАЭС (карта уже стала полноценным инструментом в Армении и Киргизии). НСПК занимается выстраиванием «мостов» с рядом зарубежных платежных систем для того, чтобы заниматься так называемым «кобейджингом» – выпуском совместных карт. Уже имеются кобейджинговые карты «Мир»-Maestro; «Мир»-JCB; «Мир»-UnionPay. Говорят, что в Турции, Казахстане, ряде других стран имеются отдельные банки, которые обслуживают карты «Мир». В целом, однако, следует признать, что за пределами России приходится пользоваться все теми же картами Visa, MasterCard, других известных платежных систем, до которых дотягивается санкционная рука Вашингтона. Российские банки продолжают параллельно с картами «Мир» эмитировать карты указанных платежных систем, причем в значительных масштабах.

В начале нынешнего года Конгресс резко активизировал свои усилия по подготовке очередного пакета «наказания России» – этот пакет даже получил название «адские санкции». Под дамокловым мечом «адских санкций» оказываются почти все российские банки, а стало быть, и их клиенты, в первую очередь те, которые имеют на руках банковские карты Visa, MasterCard и им подобные. В особенно неприятном положении могут оказаться те, кого санкции настигнут за границей.

Такие клиенты российских банков могут оказаться в положении Кисы Воробьянинова, который сидел на улице и произносил: «Месье, же не манж па сис жур…». Что в вольном переводе с французского означает признание финансовой несостоятельности физического лица и просьбу о материальной помощи.

Российские банкиры и их клиенты всполошились. Многочисленные эксперты начали давать советы, как любителям банковских карт Visa и MasterCard готовиться к возможным санкциям против российских банков. Наиболее радикальный совет – воздерживаться от поездки за границу. Менее радикальный вариант: забыть о картах и пользоваться лишь наличными деньгами. Звучит и такой совет: перейти на обслуживание в иностранный банк, открыть там счет и получить карту со 100-процентной гарантией. Поклонники Visa и MasterCard из числа российских граждан так и поступают. Банк России включил в список 11

«системно значимых» банков такие кредитные организации, как «Юникредит», «Райффайзенбанк», «Росбанк», которые являются «дочками» очень крупных западных банков. Но именно потому, что они с формальной точки зрения являются российскими юридическими лицами, эмитированные ими карты также не застрахованы от блокировок.

В идеале счет надо открывать в каком-нибудь английском «Бэрклайз» или американском «Джи Пи Морган Чейз», но там сейчас от российского резидента потребуют кучу бумаг, удостоверяющих, что деньги имеют «чистое» происхождение.

Вариант с наличными деньгами вместо карт также под большим вопросом. Европейский союз с лета этого года ужесточает контроль при въезде в «общеевропейский дом» на предмет законности происхождения бумажных денежных знаков. Поэтому наиболее надежным оказывается совет не ездить за границу вообще. Каждый российский гражданин должен уяснить простую истину: на Западе сегодня уже вполне оформился принцип презумпции виновности любого российского резидента (как юридического, так и физического лица). Виновности в чем? Да в чем угодно: в коррупции, отмывании денег, финансировании терроризма, подрывной деятельности против США, признании Крыма частью Российской Федерации, поддержке президента Путина и т. п. А это позволяет как минимум заблокировать счета и деньги, а как максимум их отнять (например, конфисковать наличные на границе). И в прошлом веке Запад выстраивал «железный занавес» против СССР, и сейчас мы видим такие же усилия, на этот раз против Российской Федерации.

Оказывается, чтобы начать блокировать карты российских банков, предназначенные для использования за рубежом, не надо даже дожидаться принятия закона об «адских санкциях». В марте нынешнего года в санкционный список Вашингтона была включена московская кредитная организация «Еврофинанс Моснарбанк»: Минфин США обвинил ее в финансировании режима Николаса Мадуро в Венесуэле. В результате карты банка перестали работать как за рубежом, так и в России, в том числе в его собственных банкоматах. Санкционная мера против «Еврофинанс Моснарбанк» выявила слабое звено в Национальной системе платежных карт: Банк России уверял, что для держателей карт Visa и MasterCard внутрироссийские расчеты будут проходить через НСПК. Однако даже внутри страны повторилось почти то же, что произошло в марте 2014 года с аналогичными картами семи российских банков.

Руководство АО НСПК заявило, что, мол, национальная система обрабатывает платежи корректно, но обслуживание прекратила компания ЗАО «ПЦ «КартСтандарт», выступающая в качестве подрядчика банка по осуществлению функций процессинга карт. Насчет того, почему мало кому известное ЗАО прекратило обслуживание карточных операций банка, существует ряд версий. Эксперты, проводившие «разбор полетов», акцентировали внимание на технической стороне вопроса, а почему ЗАО, имеющее статус российского юридического лица, стало играть на стороне Вашингтона, в СМИ не обсуждалось. Хотелось бы верить, что эту сторону вопроса рассмотрели в ФСБ и приняли профилактические меры по предотвращению подобного рода «сюрпризов».

Хорошо еще, что акция Вашингтона против малозаметного «Еврофинанс Моснарбанка» выявила слабость защиты НСПК от экономических санкций. Хуже было бы, если бы Вашингтон ударил по нескольким десяткам российских банков одновременно: последствия такой крупнокалиберной санкции трудно просчитать. Председатель правления ассоциации «Финансовые инновации» Роман Прохоров заявил в связи с неприятной историей «Еврофинанс Моснарбанка»: «В выстроенной системе, призванной защищать российских держателей карт международных платежных систем от санкционных рисков, выявлено слабое звено – возможность для процессинговых компаний принимать решение о прекращении обслуживания карт санкционных банков. Полагаю, что необходимые выводы регулятором будут сделаны, в том числе в части ужесточения требований к оказывающим процессинговые услуги компаниям».

Позднее стали известны некоторые подробности о процессинговом центре (ПЦ) «КартСтандарт». Организация входит в группу «Центр финансовых технологий» (ЦФТ), ее бенефициары не раскрываются. Половина ее капитала принадлежит американскому фонду. Получается, что так называемой «национальной» системой платежных карт управляет не Банк России, а американский Минфин через ЦФТ и подконтрольные ему процессинговые центры. Глава Национального платежного совета Алма Обаева признала, что около половины российского рынка процессинга принадлежит компаниям, аффилированным с американскими корпорациями. Это признание совпадает с заявлением, сделанным на днях анонимным топ-менеджером НСПК, который сказал, что если завтра США введут санкции против всей российской банковской системы, то коллапс накроет почти половину отрасли карточных платежей.

Прошло более пяти лет с того момента, когда Вашингтон нанес удар по карточным платежам семи российских банков. Банк России отчитался через год о запуске национальной платежной системы «Мир». Но в марте этого года история с блокировкой карт российского банка по команде из-за океана повторилась. Это лишний раз подтверждает очевидную вещь: победным реляциям Центробанка доверять нельзя. Самая мягкая квалификация выявленных «дыр» в национальной системе карточных платежей – непрофессионализм, халатность и очковтирательство. Впрочем, нельзя рассматривать и другие версии, в том числе саботаж и секретное сотрудничество с противником.

Потребовалось пять лет для того, чтобы Центробанк (вместе с НСПК) стал рекомендовать российским банкам переходить на отечественное программное обеспечение. Однако, как признают эксперты, среди отечественных финансовых организаций нет ни одной, которая бы абсолютно не зависела от западного ПО. Один источник в российском банке из топ-30 признал, что полное импортозамещение в сфере ПО на сегодняшний день невозможно ни технически, ни финансово, поэтому приходится работать «с зажмуренными глазами».

Спасут ли цифровые валюты от экономических санкций Вашингтона?

Вашингтон входит во все больший раж, используя в качестве инструмента внешней политики экономические санкции. Вместо переговоров и дипломатии – ультиматум, угроза введения санкций. От экономических санкций США не застрахована ни одна страна мира. Собралась страна покупать российские ЗРК С-400 – санкции! Будет страна после 2 мая нынешнего года продолжать покупать иранскую нефть (а сегодня ее еще покупают Китай, Южная Корея, Индия, Турция, Япония) – опять же санкции! Показалось Вашингтону, что какая-то страна вмешалась в американские выборы президента или в Конгресс – опять же санкции!

Все страны, включая ближайших европейских союзников США, устали от ультиматумов Вашингтона и пытаются найти эффективные способы защиты от них. Наиболее радикальный способ противодействия – отказ от доллара США в международных расчетах и во внутреннем денежном обращении. Но, как выяснилось, задача дедолларизации оказалась сложной. Доля доллара США в международных резервах, международных расчетах, в обменных операциях на рынке «Форекс» не демонстрирует никакого снижения за последние годы.

Даже Россия, которая уже более пяти лет находится под экономическими санкциями Вашингтона и постоянно провозглашает необходимость дедолларизации своей экономики, не очень-то преуспела на этом поприще. По данным Банка России, в 2013 году на доллар США приходилось 40,6 % экспортной выручки и 79,6 % платежей по импорту. В 2018 году эти показатели оказались равными соответственно 36,3 % и 68,6 %. Доллар США и на сегодняшний день остается главной валютой во внешнеторговых расчетах России (российский рубль и евро делят второе-третье места).

Когда-то международная долларовая система прекратит свое существование. Но, как мне представляется, произойдет это не эволюционным путем, а в результате резкого ее разрушения.

Поэтому страны ищут какие-то иные способы защиты от экономических санкций. Особенно те, которые уже под них уже попали, – Иран, Россия, Венесуэла и др. И всем в голову приходит одна и та же мысль: а почему бы для расчетов находящихся под санкциями стран с остальным миром не воспользоваться цифровыми валютами?

Такие расчеты были бы более прямыми, они позволили бы обходить находящуюся под негласным надзором Вашингтона систему СВИФТ и уже тем более обходить американскую банковскую систему, пропускающую через себя все долларовые транзакции. Финансовая разведка США, на которую возложена обязанность отслеживать исполнение экономических санкций, не сможет увидеть операции с цифровыми валютами. Конечно, такие операции должны осуществляться с помощью аппаратуры и технологий, обеспечивающих защиту от внешних «глаз». То есть в каком-то смысле эти цифровые валюты должны быть криптовалютами (приставка «крипто» означает «секретная», «скрытая»).

Первой страной, которая от общих идей о возможности использования цифровых валют в условиях санкций перешла к практическому их воплощению, стала Венесуэла. Там в начале прошлого года была запущена криптовалюта под названием «Эль Петро». Я тогда комментировал это событие и обратил внимание на слабые места проекта. Цифровая валюта «Эль Петро» была задумана как универсальная – и для международных расчетов, и для использования во внутреннем обращении. А ведь в Венесуэле существует законная денежная единица «боливар». Получается, что внутри страны должны были обращаться две денежные единицы. А это опасная ситуация, рано или поздно одна валюта должна вытеснить другую.

Запуск цифровой валюты еще более ускорил обесценение боливара, проект наносил удар по законному платежному средству страны. Но и «Эль Петро» не стала устойчивой валютой. Хотя из названия цифровой валюты следует, что она опирается на нефть, однако это оказалось декларацией. Никаких механизмов конвертации цифровой валюты в «черное золото» в недрах страны не было предусмотрено. А если бы такая конвертация была предусмотрена, то это было бы нарушением Конституции страны, которая провозглашает, что нефть в недрах является национальным достоянием.

Власти Венесуэлы в мае прошлого года объявили о том, что эмиссия «Эль Петро» позволила собрать значительные суммы в обычных валютах (назывались цифры от 3 до 5 млрд долл.). Операция больше напоминала проект ICO, нацеленный на получение одномоментного результата, нежели создание «долгоиграющего» средства международных расчетов. Каких-либо обобщенных оценок масштабов использования «Эль Петро» в качестве средства платежа и расчетов по международным торговым и финансовым операциям Венесуэлы мне найти не удалось.

А ведь Николас Мадуро в момент запуска проекта заявлял, что «Эль Петро» может стать средством международных расчетов не только для Венесуэлы, но и для более широкого круга стран, даже тех, которые не являются непосредственными партнерами Венесуэлы. Мадуро намекал, что и странам ОПЕК стоит подумать о том, чтобы перейти в своих расчетах за нефть с доллара США на «Эль Петро». Но самое мягкое, что можно сказать в отношении проекта сегодня: он оказался неудачным. Финансовая разведка США приготовилась к тому, чтобы противодействовать широкому использованию «Эль Петро», особенно для обхода санкций, но, кажется, такого противодействия и не понадобилось. Проект «Эль Петро» заглох без особого вмешательства со стороны Вашингтона.

Негативный опыт тоже ценен. И опыт «Эль Петро» следует внимательно изучить и России, и Ирану, и другим находящимся под санкциями странам. Те или иные официальные и полуофициальные заявления в указанных странах по поводу планов использования «цифровых» средств противостояния санкциям были сделаны.

Тегеран, против которого с прошлого года Вашингтон организовал новый раунд экономических санкций, в январе нынешнего

года объявил о запуске официальной криптовалюты. К решительным действиям Тегеран подтолкнуло вторичное отключение банковской системы страны от системы СВИФТ (первое отключение было в 2012 году). В отличие от проекта «Эль Петро», иранский проект предусматривает, что в основе криптовалюты будет лежать не какая-то эфемерная нефть, а национальная денежная единица риал. Поэтому нередко иранскую криптовалюту называют цифровым риалом. Центральный банк Ирана еще в ноябре прошлого года заявил, что приступил к разработке цифровой валюты. Надо полагать, что он будет и эмитентом цифрового риала. То есть это цифровая валюта центробанка, о которой сегодня много разговоров в разных странах. Но ни один центробанк еще не начал эмиссию такой валюты, которая в специальной литературе называется CBDC (Central Bank Digital Currency).

Сначала цифровой риал будет использоваться для платежей и расчетов между иранскими банками и их корпоративными клиентами, а на следующем этапе станет доступен физическим лицам для расчетов за товары и услуги. Параллельно цифровой риал будет использоваться для расчетов по внешней торговле с ближайшими партнерами. Обычные иранцы, выезжающие за рубеж, цифровым риалом не смогут воспользоваться.

О каких торговых партнерах Ирана может идти речь? Судя по высказываниям политиков и государственных деятелей разных стран, это Россия, Китай, Венесуэла и Турция. Именно эти страны упомянул американский сенатор Тед Круз, выступив с инициативой принять специальный закон о противодействии цифровому риалу.

Напряженно думают о возможности использования цифровых валют для обхода экономических санкций и в России. Центробанк России уже достаточно давно (года два) обсуждает тему CBDC, взвешивает плюсы и минусы возможного запуска официальной цифровой валюты. Поначалу дискуссия велась в основном под углом зрения возможного использования CBDC во внутреннем денежном обращении. На днях Центробанк опубликовал аналитический материал А. Киселева под названием «Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков?».

Материал интересный. И то, что он вышел под грифом «Банк России», означает, что внутри финансового мегарегулятора к идее цифровой валюты ЦБ относятся достаточно позитивно. Увы, в документе почти ничего не говорится о цифровой валюте ЦБ как средстве международных платежей и расчетов в условиях экономических санкций. Может быть, финансовый мегарегулятор специально не раскрывает своих планов на этот счет? Но за пределами Центробанка этот аспект цифровых валют ЦБ уже активно обсуждается.

Уже давно активным пропагандистом идеи использования цифрового рубля для обхода санкций выступает советник президента РФ академик С. Ю. Глазьев. Как можно заметить, академик ратует за цифровую валюту как универсальное средство платежей и расчетов: и на внутреннем, и на внешнем рынках. Вот фрагмент из одного его выступления на эту тему: «Национальная цифровая валюта является своего рода ответом на вызовы частных криптовалют. Несмотря на все риски и проблемы, связанные с их обращением, они содержат некую ценность, которая привлекает, в том числе и регуляторов вместе с государством. Отличием цифровых денег от обычных является технология их учета и осуществления транзакций, основанная на принципе децентрализованных реестров блокчейн. Использование распределенных реестров позволяет достоверно контролировать потоки перемещаемых средств, исключает возможность вывода средств за контур целевого обмена».

Но он все-таки особое внимание уделяет национальной цифровой валюте как средству международных платежей в условиях санкций. В одном из интервью он сказал: «…Позитивным фактором внедрения цифровой валюты является создание высокотехнологичной и безопасной системы обмена межбанковской информацией, в том числе и для международного обращения. Особенно важным этот факт становится на санкционном фоне, создающим постоянные риски отключения России [от западных платежных систем]». Последняя инициатива С. Ю. Глазьева – предложение принять в Крыму цифровую валюту для того, чтобы привлечь инвесторов и избежать санкций.

А глава думского комитета по финансовому рынку Анатолий Аксаков сообщил, что некоторые «серьезные сырьевые компании» обратились к Госдуме и ЦБ РФ с предложением реализовать в стране концепцию стейблкоинов (цифровые валюты, имеющие обеспечение и обладающие устойчивой покупательной способностью).

Хотелось бы выразить свое отношение к подобного рода проектам и предложениям. В них имеются некоторые слабые места, о которых надо говорить и думать. Прежде всего, надо помнить, что цифровые валюты не могут оставаться вечно в своем цифровом мире. Рано или поздно им приходится выходить за его пределы – для приобретения каких-то активов (недвижимости, долей в капитале, разных ценных бумаг, драгоценных металлов, других материальных ценностей и т. д.) или для конвертации в обычные валюты (доллары, евро, фунты и др.). Не вдаваясь в детали, скажу, что финансовая разведка США и другие компетентные органы западных стран вполне способны установить контроль над криптовалютными биржами, банками, торговыми и иными организациями, выполняющими роль «шлюзов», соединяющий мир цифровых валют с внешним миром.

Так, руководство криптовалютной биржи Binance, действовавшей в Иране, в ноябре 2018 года заявило о том, что биржа уходит из этой страны. Там прекрасно понимают, что за операциями биржи пристально наблюдают западные спецслужбы, и не хочет нарываться на неприятности. Никакая децентрализация и анонимность криптовалют не избавит от ответственности владельцев бирж, если они будут обслуживать Иран, Россию или Северную Корею. Криптовалютные биржи и платформы цифровых валют (уж не говоря о банках, работающих с такими валютами) не могут считать себя свободными от исполнения американских санкций, если рассчитывают заниматься бизнесом на Западе.

А на Западе такие биржи периодически трясут. Так, в 2017-м году суд Калифорнии потребовал от биржи цифровых валют Coinbase раскрыть информацию о клиентах, которые совершили в прошлые годы операции на сумму более 20 тысяч долларов

США. Таким образом, и владельцы, и пользователи криптовалютных бирж подпадают под действие американских законов – их средства могут быть в любой момент заморожены.

Тут можно еще раз вспомнить венесуэльскую криптовалюту «Эль Петро». Если на первом этапе еще какая-то конвертация этой цифровой валюты в доллары США и евро происходила, то сейчас благодаря усилиям финансовой разведки и других спецслужб США выходы «Эль Петро» во «внешний мир» почти полностью заблокированы и эта цифровая валюта может конвертироваться лишь в боливар.

Кстати, несмотря на меры предосторожности при запуске проекта венесуэльской криптовалюты, финансовой разведке США многое было известно. В том числе и то, что активным партнером Венесуэлы в этом проекте был российско-венесуэльский банк «Еврофинанс Моснарбанк». В марте этого года Вашингтон занес этот банк в свой санкционный список. В российских СМИ было сообщено, что эта мера была предпринята за сотрудничество банка с государственной нефтяной корпорацией Венесуэлы PDVSA, которая уже находилась в санкционных списках. Но в американских источниках дается более подробная информация, из которой следует, что банк занимался операциями с криптовалютой «Эль Петро».

Вывод, который напрашивается из сказанного, сводится к следующему: цифровые валюты не могут быть универсальной «палочкой-выручалочкой» для стран, оказавшихся под санкциями. Да, как тактический и временный (может быть, даже одноразовый) инструмент они могут использоваться. Но рассчитывать на долгосрочное их использование в качестве универсального средства международных платежей наивно и опасно. Нужны более радикальные меры, связанные с радикальной перестройкой всей финансовой и экономической системы страны.

Плохая новость для рубля

Банк России опубликовал предварительные данные по ключевым агрегатам платежного баланса Российской Федерации за первый квартал 2019 года.

Первый раздел платежного баланса – текущие операции. Сальдо текущих операций по итогам первых трех месяцев года оказалось равным плюс 32,8 млрд долл. – один из самых высоких показателей по итогам первого квартала за последние годы. Выше было лишь в 2012 году – 39,3 млрд долл. Вот вам и санкции! Страна зарабатывает громадные суммы валюты, несмотря на желания Вашингтона «разорвать в клочья» российскую экономику.

Ядром текущих операций является внешняя торговля, собственно, с ее помощью Россия и зарабатывает валюту. По итогам квартала экспорт товаров составил 101,2 млрд долл., импорт – 55,9 млрд долл., положительное сальдо по торговым операциям – 45,3 млрд долл. Если копать глубже, то основные валютные заработки России давал экспорт следующих углеводородных продуктов (млрд долл.): сырая нефть – 28,6; нефтепродукты – 17,4; природный газ – 14,9 (в том числе сжиженный природный газ – 1,9). Итого эта товарная группа обеспечила более 60 % всех валютных поступлений от экспорта товаров. Такой перекос в сторону углеводородов сохраняется на протяжении многих лет, несмотря на постоянные мантры власти о необходимости проведения структурных преобразований как в экономике, так и внешней торговле.

Торговый профицит в первом квартале нынешнего года даже увеличился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 1,1 млрд долл. – за счет сокращения импорта. А импорт уменьшился, в первую очередь, в результате снижения валютного курса рубля, что делает импортные товары более дорогими на внутреннем рынке.

Любой грамотный экономист знает, что положительное сальдо по торговым и текущим операциям платежного баланса уравновешивается отрицательными сальдо по другим разделам и операциям платежного баланса. Если рисовать картину крупными мазками, то такое уравновешивание может осуществляться в виде вывоза капитала. Капитала государственного и частного. В форме прямых, портфельных и прочих инвестиций (последние – преимущественно займы и кредиты). Сюда же входит прирост золотовалютных резервов, отражающий вложения денежных властей в финансовые инструменты, номинированные в валюте (это своеобразный вывоз капитала).

У России на протяжении всех лет ее существования фиксируется превышение товарного экспорта над импортом, причем превышение гигантское. В отдельные годы экспорт превышал импорт в два раза. Вот и в первом квартале текущего года превышение составило 1,8 раза. Все это свидетельствует о том, что Россия выступает в роли «дойной коровы». А то «валютное молоко», которая «корова» нагуляла на пастбищах (т. е. мировом рынке) затем уходит неким «бенефициарам» по каналам экспорта капитала. Основой канал – вывоз капитала частным сектором.

По данным Банка России, по итогам первого квартала 2019 года чистый отток частного капитала из страны составил 25,2 млрд долл. Чистый отток – превышение вывоза капитала над его ввозом. Много это или мало? Для сравнения отмечу, что в позапрошлом, 2017 году, чистый отток частного капитала составил 25,1 млрд долл. за четыре квартала.

Для наглядности предложу читателям небольшую таблицу, иллюстрирующую, что заработанное Россией «молоко» (валютная экспортная выручка) тут же утекает из России по каналам вывоза частного капитала. Для сравнения привожу картинку за первый квартал как 2019, так и 2018 года.

	I квартал 2019 г.	I квартал 2018 г.
1. Положительное сальдо текущих операций (заработанная валюта)	32,8	30,0
2. Отрицательное сальдо финансовых операций частного сектора (выведенная из страны валюта)	25,2	16,1
Процент выведенной из России частным сектором валюты (2):(1)	76,8	53,7

Как видно, эффективность «доения» России с помощью экспорта частного капитала за год выросла с 53,7 % до 76,8 %. Тема того, куда уходит заработанная валюта, выходит за рамки данной статьи. Отмечу лишь, что конечными потребителями «молока», произведенного в России и фактически украденного у нее, оказываются даже не российские клептоманы, а «хозяева денег», которые выстроили эту грабительскую схему ограбления. Российские клептоманы (бизнес и прикрывающие его чиновники) – лишь наемные работники, которым «хозяева денег» кладут хорошую зарплату. То есть дают стаканчик молока (за вредность их работы), а все остальное «молоко» поступает в хранилища «хозяев денег».

Итак, чистый отток капитала нарастает. В I квартале 2019 года он был больше, чем в I квартале прошлого года, на 9,1 млрд долл., а по сравнению с I кварталом позапрошлого года – на 9,9 млрд долл. Заметим, что этот опасный тренд наблюдается на фоне постоянных мантр власти о необходимости борьбы с офшорами и долларизацией российской экономики. Очевидно, что власть

не может (а может быть, не хочет?) контролировать трансграничное движение капитала. А раз так, то валютный курс и покупательная способность рубля постоянно «пляшут», а с помощью волатильных денег экономику строить невозможно. Ее можно только разрушать, разбирая на кирпичи некогда мощное здание советской экономики и спекулируя этими кирпичами на рынке (преимущественно мировом).

В статистике чистого оттока частного капитала Банк России выделяет два сектора: банковский и прочие сектора. В 1 квартале 2019 года чистый отток капитала в банковском секторе составил 15,7 млрд, а в прочих секторах – 9,4 млрд долл. (сумма этих двух показателей не совпадает с итоговым показателем в 25,2 млрд долл. из-за округлений). В первом квартале прошлого года картина была обратной – явно преобладали прочие сектора.

В первом квартале позапрошлого года был зафиксирован чистый отток капитала из банковского сектора в 17,6 млрд долл., а по прочим секторам был даже зафиксирован небольшой чистый приток в размере 2,3 млрд долл. В целом за многие годы доли банковского сектора и прочих секторов примерно одинаковы. Но надо иметь в виду, что доля банковского сектора в создании ВВП страны, по данным Росстата, не превышает 3 %. Таким образом, банковский сектор вносит непропорционально большой вклад в утечку капитала из России. При этом он вывозит не только собственный капитал, но также обслуживает вывоз капитала прочих секторов экономики.

Денежные власти часто всплески чистого оттока капитала из страны объясняют тем, что, мол, это обусловлено большими суммами платежей по погашению долгов банковским и прочими секторами экономики по ранее взятым иностранным кредитам и займам. Но в этом году данное объяснение не срабатывает. График погашений внешних долгов в этом году стал значительно мягче, чем в предыдущие.

В частности, за I квартал 2019 г. иностранным кредиторам надо было вернуть всего 13 млрд долларов. Это втрое меньше, чем в IV квартале 2018 г., и вдвое ниже суммы за тот же период прошлого года. Получается, что операции на сумму 18,6 млрд долл., или ¾ чистого оттока частного капитала в первом квартале, не имеют отношения к погашению долгов.

Причины нарастающего вывода капитала следует искать в другом. Причины – тема обширная, заслуживающая отдельного разговора. Сейчас лишь отмечу одну причину, которая не часто упоминается экспертами. Я ведь недаром сказал, что вывод капитала из страны осуществляется и продолжает осуществляться в интересах «хозяев денег», а многие российские бизнесмены и чиновники выступают лишь в качестве наемных работников, обслуживающих этот процесс.

Ярким примером такого слуги – наемного работника является бывший олигарх Михаил Ходорковский, который, как выяснилось, находился на службе у Якова Ротшильда. Правда, некоторые бизнесмены и чиновники служили на протяжении многих лет неосознанно, их «хозяева денег» использовали «втемную». Сегодня процесс вывода капитала приобретает более осознанный характер. Как говорится, «наступает час истины». Логика рассуждений таких слуг «хозяев денег» примерно такова: здесь, в России, рано или поздно отнимут все, да еще посадят за решетку. Там тоже отнимут. Но если буду демонстрировать свою лояльность «хозяевам денег», то, может быть, что-то оставят. И за решетку не посадят. Это по русской пословице: «Чует кошка, чье мясо съела».

Чистый вывоз капитала из России неизбежно ведет к падению курса рубля. А такое падение ведет к нарастающему бегству от национальной денежной единицы в доллары США, евро, британские фунты и другие более или менее «твердые» валюты. А бегство в иностранные валюты – одно из важных направлений экспорта капитала. Скупка иностранной валюты физическими лицами, банками и нефинансовыми компаниями на внутреннем рынке, ее размещение на валютных депозитах, иных счетах или под матрасом в наличной форме вроде бы не выглядит как вывоз капитала. Но это вывоз капитала, так как российскими резидентами приобретаются долговые обязательства, эмитированные зарубежными центробанками (ФРС США, ЕЦБ, Банк Англии и т. д.).

Совсем уже неприлично выглядит то, что иностранной валютой спешно и в больших масштабах запасается Минфин России. Он – институт денежной власти, который должен поддерживать российский рубль и проводить последовательный курс на дедолларизацию российской экономики. А он бежит от рубля так что пятки сверкают, подавая дурной пример другим.

Валютой запасаются и крупнейшие российские компании. Вот, например, «Роснефть». Помимо того, что эта компания осуществляет экспорт капитала в форме классических зарубежных инвестиций (прямые и портфельные), она наращивает экспорт капитала в форме конвертации своих рублевых активов в иностранные валюты.

Если еще год назад (по состоянию на 1 апреля 2018 г.) «Роснефть», как следует из отчетов компании, держала в рублях 199 млрд рублей, или две трети от денежных средств и их эквивалентов, а к 30 сентября сократила эту сумму до 129 млрд рублей, или 29,7 %, то в четвертом квартале избавилась от рублей почти полностью.

На 31 декабря «в кассе и на банковских счетах» у компании осталось лишь 30 млрд рублей, или 3,6 % от денежных резервов (832 млрд рублей), следует из отчета «Роснефти» по МСФО. Долларовые вложения компании в долларовые активы за год подскочили на 43 % – с 6,5 млрд до 9,3 млрд долларов и стали рекордными с 2016 года. Плюс к этому компания нарастила вложения в европейскую валюту с 5,4 млрд до 5,9 млрд евро.

И аналогичные процессы происходили и в других крупных и крупнейших компаниях России. Центральный банк РФ в прошлом году избавился от значительной части своих долларовых резервов. А в то же время российские компании и банки в своих активах наращивали валютную составляющую. Вот вам и дедолларизация российской экономики. На фоне продолжающегося

ослабления рубля будет продолжен процесс ухода физических и юридических лиц в валютный кэш, а это нарастание чистого оттока капитала частного сектора экономики.

Напомню, что летом прошлого года Центробанк дал первый свой прогноз по показателю чистого оттока частного капитала из России на 2019 год. Цифра составила 16 млрд долл. В декабре прогнозная оценка была пересмотрена в сторону увеличения до 20 млрд долл. В марте, когда уже были известны цифры по первым двум месяцам года, стала очевидной нереальность и декабрьской оценки. Прогноз Центробанка был сразу увеличен на 15 млрд – до 35 млрд долл.

Но даже если экстраполировать цифру чистого оттока капитала за первый квартал (25,2 млрд долл.) на весь год, то получается более 100 млрд долл. Думаю, что Центробанку еще не раз придется пересматривать свои прогнозные оценки. По итогам прошлого года чистый отток капитала, по данным Банка России, составил 63,2 млрд долл. Можно не сомневаться, что в текущем году он будет больше, чем в предыдущем.

Обескровливание российской экономики продолжается ударными темпами. Единственный способ быстро остановить этот процесс убийства российской экономики – введение ограничений и запретов на свободное блуждание капитала через границу. Увы, Минфин России действует с точностью до наоборот. В январе прошлого года министерство подготовило поправки в закон «О валютном регулировании и валютном контроле», которыми предусматривались отмена обязательной репатриации экспортной выручки как в рублях, так и в иностранной валюте для всех экспортеров-резидентов, отмена запрета на операции между резидентами РФ за рубежом, а также снятие ограничений на операции резидентов по счетам в иностранных банках.

Слава Богу, законопроект тогда не был поддержан. Скажу более: закон «О валютном регулировании и валютном контроле» даже в нынешнем крайне усеченном виде экспортерами не исполняется сплошь и рядом. В частности, значительная часть экспортной выручки в страну не репатриируется. Имеет место не просто нарастающий отток частного капитала, российские власти порой даже не представляют, куда он уходит.

P. S. Чтобы как-то смягчить негативный психологический эффект нарастающего бегства капитала из России, Центробанк в декабре 2018 года провел небольшую семантическую реформу. Вместо привычных терминов «экспорт/импорт капитала частным сектором» с нынешнего года используется термин «финансовые операции частного сектора». Звучит нейтрально, не так пугает. Но, увы, такие семантические инструменты на бегство капитала из России никак не влияют.

В России появились два «игрушечных офшора»

С момента образования Российской Федерации идет непрерывный процесс ограбления страны. В историю вопроса и в описание механизмов грабежа я погружаться не буду. Отмечу лишь, что 99 % награбленного выводилось и продолжает выводиться за пределы России. Согласно самым консервативным оценкам, базирующимся на анализе платежного баланса РФ, за пределами страны в результате такого вывода образовались активы на сумму около 1,5 трлн долл. А ведь еще есть каналы контрабандного вывода товаров, ценностей и денег из страны, не отражаемого в платежном балансе. С учетом контрабанды названную выше цифру следует удвоить. Активы российского происхождения за рубежом имеют самую разную форму: недвижимость, валюта на счетах в банках, долговые ценные бумаги, акции и доли в уставных капиталах и т. п. Часть активов размещается в «белых» юрисдикциях, другая – в офшорных (где низкая «прозрачность» и почти полное отсутствие налогов).

До начала текущего десятилетия российские клептоманы (нечистые на руку бизнесмены и чиновники) проблем не знали с выводом награбленного из страны и размещением его в разные активы. Тучи не небосклоне стали для них появляться сразу же после завершения финансового кризиса 2008–2009 гг. Неприятности следовали одна за другой. Например, американские компетентные органы начали трясти швейцарские банки, требуя от них выдачи информации о налоговых резидентах США, уклоняющихся от выполнения своего гражданского долга перед налоговой службой США. Американцы сумели додавить швейцарских банкиров, данные о десятках тысяч американских резидентов были раскрыты. С этого момента началось разрушение священного института банковской тайны – не только в Швейцарии, но и во всем мире.

Если раньше офшоры считались нормой, то после финансового кризиса они стали подвергаться все более жесткой критике со стороны СМИ и политиков, международных организаций (даже МВФ). Масла в огонь подливали периодически возникавшие утечки информации о клиентах офшорных юрисдикций и их активах. Фигурировали имена известных политиков, общественных деятелей, чиновников. Наиболее крупным был скандал 2016 года, когда произошла масштабная утечка информации о клиентах такого популярного офшора, как Панама. Слишком много признаков того, что «утечки» не были случайными, а представляли собой хорошо спланированные операции.

Под давлением Вашингтона Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) активизировала свои усилия по борьбе с уклонением физических и юридически лиц от уплаты налогов путем ухода в разные «налоговые гавани» и иные «райские оазисы» (т. е. офшоры). ОЭСР, в свою очередь, предложила участвовать в создании глобального механизма борьбы с налоговыми уклонистами всем государствам (а не только странам – членам данной организации, число которых составляет 36). Кончилось это тем, что 29 октября 2014 года было подписано международное соглашение компетентных органов об автоматическом обмене информацией в соответствии с общим стандартом отчетности (англоязычная аббревиатура соглашения – CRS MCAA). Свои подписи под документом тогда поставили представители 51 юрисдикции. К настоящему времени, по данным ОЭСР, число подписантов соглашения достигло 100. CRS MCAA – рамочное соглашение, предусматривающее, что страны далее будут обмениваться финансовой информацией на основе двухсторонних соглашений.

Уже в 2017 году обмены информацией осуществили 49 юрисдикций (государства и территории). Но почти на полную мощность соглашение CRS MCAA заработало лишь в прошлом году. В 2018 году в обменах участвовало 86 юрисдикций. Было совершено в общей сложности 4500 передач информации (стандартные наборы данных). Примечательно, что в прошлом году участниками автоматических обменов стали многие классические офшоры. Вслед за разрушением банковской тайны наступает уничтожение офшорной тайны.

Формально офшоры сохраняют право на существование, но они должны отвечать определенным стандартам «прозрачности». А кому нужен «прозрачный» офшор?! Да, за пределами соглашения CRS MCAA еще остается много государств и территорий (более сотни). А некоторые юрисдикции подписали многостороннее соглашение, а к практическому информационному обмену на двухсторонней основе еще не приступили. Медлят, видимо, «хотят надышаться перед смертью».

А что Россия? Очевидно, что многим представителям российской «элиты», привыкшей грабить и вывозить награбленное в укромные уголки планеты, разработанный ОЭСР глобальный механизм борьбы с налоговыми уклонистами стал костью в горле. Но отказаться от участия в нем было неприлично. Поэтому Москва ничего лучшего не могла придумать, как тянуть время. В 2016 году ей все-таки пришлось подписать многостороннее соглашение CRS MCAA. А в 2018 году Москва, скрепя сердце, впервые приняла участие в практических обменах финансовой информацией. Хотя ОЭСР сообщила, что в 2018 году в обменах участвовало 86 юрисдикций, и Россия, таким образом, должна была иметь 85 контрагентов по обменам, на самом деле их оказалось 83. С двумя юрисдикциями – Латвией и Монако – что-то не заладилось, и обменов не произошло. С российской стороны были сбои – в виде нарушения графиков передачи и форматов информации, но кое-как Москва сумела отчитаться о своем первом участии в автоматических обменах финансовой информацией.

О том, каковы практические результаты полученной Федеральной налоговой службой России (ФНС) от 83 корреспондентов информации, мы не знаем. Сообщено лишь, что активы россиян зафиксированы в 58 юрисдикциях, включая Британские Виргинские острова и Каймановы острова, Маврикий, другие классические офшоры и низконалоговые юрисдикции. Видимо, ФНС не склонна давать более подробную информацию, ссылаясь на «налоговую тайну».

В 2019 году планируется, что число участников автоматических обменов финансовой информацией приблизится к сотне. В отношении стран-аутсайдеров (тех, кто не подписал многостороннее соглашение CRS MCAA) и тех лиц (физических и юридических), которые имеют счета и иные активы в таких странах, будут предприниматься все более жесткие меры. Компетентные органы (Минфины, налоговые службы и др.) составляют и каждый год пересматривают «черные списки» таких

стран. Федеральная налоговая служба России впервые составила «черный список», там было 119 стран и 18 территорий. Спустя три года число территорий в «черном списке» ФНС оставалось прежним, а вот число государств сократилось до 107. В действующем списке ФНС фигурируют, в частности, Андорра, Бразилия, Колумбия, Нигерия, Объединенные Арабские Эмираты, Руанда, Тунис, Эфиопия, Ямайка, Пуэрто-Рико, Виргинские острова (США), Гибралтар, Тайвань.

Российские клептоманы продолжают пользоваться некоторыми юрисдикциями из «черного списка». Но это ненадолго. ОЭСР обещает «осушить» эти «болота» в два-три года. Да и российские власти клянутся, что будут участвовать в этом «осушении».

Еще в 2011–2012 гг. Владимир Путин, готовясь к президентским выборам, в своей программе на одно из первых мест поставил задачу бороться с офшоризацией российской экономики. Формально кое-что было сделано. Например, 24 ноября 2014 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Налоговый кодекс РФ в части налогообложении прибыли контролируемых иностранных компаний» от 24.11.2014 № 376-ФЗ. Он вступил в силу с 1 января 2015 года. В обиходе данный акт называют законом о борьбе с офшорами, или законом о КИК (контролируемых иностранных компаниях). Основная цель закона, как заявили его инициаторы, не в том, чтобы ликвидировать офшорные компании, вернув их домой, а в том, чтобы заставить наших крупных налогоплательщиков выполнять свои обязательства перед российской казной. Не вдаваясь в юридические тонкости этого закона, скажу, что те, кто подпадал под его действие (разные категории физических и юридических лиц), должны были в установленные сроки выполнить определенные действия. Прежде всего, представить в ФНС уведомление о наличии КИК. А затем направить в ФНС налоговую декларацию и заплатить налоги.

Увы, даже эти скромные требования закона не были выполнены. Требуемую информацию, согласно экспертным оценкам, предоставило всего несколько процентов общего предполагаемого числа владельцев КИК. Я уже не говорю о том, что возвращения в российскую юрисдикцию офшорных компаний и офшорных активов не произошло. А без такого возвращения вся борьба с офшорами превращается в фарс.

Еще одним формальным шагом стала кампания под названием «амнистия беглых капиталов». Фактически она должна была стать дополнительным стимулом для «беглецов» выполнять упомянутый выше закон 2014 года о КИК. В СМИ эту амнистию представляли и представляют как возвращение капиталов на родину при предоставлении их владельцам налоговых преференций (в частности, освобождение от необходимости уплаты налогов и штрафов за те годы, когда капиталы находились в «тени», т. е. не были декларированы в России) и гарантий от судебной ответственности. Первая амнистия проходила в 2015–2016 годах, была сильно распиарена. Минфин сообщил, что число поданных деклараций в рамках первой амнистии составило всего 7,2 тысячи (согласно экспертным оценкам, не более 3–4 % предполагаемого числа владельцев КИК). Стоимостные результаты амнистии не были озвучены. Согласно экспертным оценкам, с ее помощью не удалось вернуть и 1 % ежегодно выводимого из страны капитала. Получается, что «гора родила мышь».

Вторая амнистия капитала была объявлена в конце 2017 г., она действовала до конца февраля 2019 г. Граждане, раскрывавшие сведения о своих активах, освобождались от уплаты налога на прибыль или НДФЛ с репатриированного в Россию капитала, задекларировать можно не только открытые, но и закрытые до 1 марта банковские счета и вернуть не только активы, но и деньги. Также без налоговых последствий можно ликвидировать «контролируемые иностранные компании» (КИК). При продаже КИК (полностью или доли) разрешено вычесть ее рыночную стоимость из доходов (эксперты назвали это абсолютно беспрецедентной историей, подарком от государства).

Не углубляясь в детали, скажу, что вторая амнистия была гораздо более выгодной, чем первая. Судя по заявлениям юристов и других консультантов, интерес их клиентов ко второй амнистии был существенно выше, чем к первой. Число поданных деклараций во второй амнистии власти не раскрывают. Наконец, в феврале текущего года первый вице-премьер Антон Силуанов сообщил, что в ходе второй амнистии россияне раскрыли перед налоговой службой РФ активов на сумму более 10 млрд евро. Некоторые российские СМИ раструбили, что в Россию вернулось 10 миллиардов евро. Но даже глава Федеральной налоговой службы Михаил Мишустин уточнил, что эти деньги не были ввезены в Россию.

6 февраля 2019 года президент России Владимир Путин на форуме «Деловой России» предложил продлить амнистию капитала еще на год – до марта 2020 года. Эту «продленную» амнистию, которая, как полагали, стартует 1 марта 2019 г. и будет действовать в течение года, уже успели назвать третьей. Предполагалась, что условия ее будут точно такими же, как и по второй. Но тут произошел какой-то сбой. Законопроект Минфина по третьей амнистии поступил в Государственную Думу только 6 марта. Судя по всему, третья амнистия стартует лишь в мае.

Честно говоря, всю эту возню вокруг амнистии иначе как «спектаклем» назвать нельзя. Объявляемые результаты первых двух амнистий являются смехотворно «скромными». В качестве примера успешной амнистии можно привести Италию. Там амнистия беглых капиталов проводилась в начале нулевых годов. В результате только за первые два месяца (2001 г.) в итальянскую экономику вернулось 61 млрд евро, уплаченные налоги составили 24 млрд евро.

И вот уже в порыве безумия российские власти принимают решение о том, чтобы России самой стать «офшором». Стать этаким «магнитом», который как минимум вернет на родину «блудные» капиталы российского происхождения. А как максимум станет центром притяжения капиталов всего мира. Нет, речь не идет о том, чтобы в России вообще упразднить налоги и превратить ее в громадные «Багамы» от Тихого океана до Балтийского моря. Нет, все намного тоньше и, на первый взгляд, вполне цивилизовано.

В прошлом 2018 году власти придумали так называемые «специальные административные районы» (САР) – территории, призванные принимать и обустраивать беглый капитал. Закон о САР вступил в силу 6 августа 2018 года. Стать их резидентами

могут только зарегистрированные за рубежом компании. Им обещаны низкие налоговые ставки и смягчение контроля. Получить доступ к информации об их бенефициарах смогут только управляющая САРом компания, а также надзорные органы и суды. Объявлено о создании двух таких САРов, или «русских офшоров» – на острове Русский на Дальнем Востоке и на острове Октябрьский в Калининграде. Второй из них вообще является частью города, поэтому слово «остров» следует ставить в кавычки. В СМИ началась активная реклама этих «райских оазисов».

САР – достаточно странное изобретение. Видимо, авторы этого изобретения исходили из того, что «беглецы» будут возвращаться в Россию с мешками ворованного имущества, которое они сумеют разместить на территории «райских островов». То есть САР – что-то наподобие гигантского склада или сейфа, где можно будет надежно хранить имущество. Но дело в том, что находящиеся за пределами России активы – не просто «мертвое имущество», а «капитал», который должен постоянно «работать», вернее, обращаться. «Мертвый» капитал перестает быть капиталом. Стало быть, в «райские оазисы» могут вернуться лишь те капиталы, которые по-прежнему будут взаимодействовать с остальным миром. Капиталу нужны связи с мировым рынком капитала с помощью соглашений, контрактов, миллионов финансовых транзакций.

А если предположить гипотетически, что все это будет гарантировано «блудным сынам», решившим вернуться домой, то тогда возникает следующий вопрос: как это соотносится с участием России в многостороннем соглашении CRS MCAA? Возникает некая шизофреническая ситуация: или Россия создает настоящие (а не игрушечные, «бумажные») офшоры, или она участвует в глобальной системе автоматического обмена финансовой информацией. На двух стульях сидеть нельзя. Просто не позволят. Но думаю, что до ультиматумов в адрес России со стороны ОЭСР в связи с учреждением двух «островов» дело не дойдет. По той простой причине, что учреждение «райских оазисов» мне напоминает игру детей в песочнице. То есть мы имеем дело с игрушечными офшорами.

Я еще летом прошлого года сказал, что «острова» будут «необитаемыми». Желающих добровольно стать резидентами «Нью-Васюков» почти не найдется. В лучшем случае власти могут применить к отдельным персонам некие положительные и отрицательные стимулы, заставив их «поселиться» на «островах» (чтобы создать некий «демонстрационный эффект», призванный «вдохновить» остальных). По состоянию на февраль нынешнего года на обоих островах было зарегистрировано всего две компании (по одной на каждом острове). И это при том, что число владельцев контролируемых иностранных компаний (КИК), согласно экспертным оценкам, измеряется тысячами (если не десятками тысяч). Остап Бендер с его обещаниями «Нью-Васюков» («Двенадцать стульев») «отдыхает» на фоне сегодняшних прожектов власти о создании «райских островов».

Бредовая идея о создании «райских оазисов» очень похожа на одну такую же идею, с которой власти носились несколько лет, потом бросили и теперь предпочитают не вспоминать. Я имею проект превращения Москвы в международный финансовый центр (МФЦ), который бы встал вровень с такими центрами, как Нью-Йорк, Лондон, Франкфурт-на-Майне, Гонконг, Токио и Шанхай. В 2008 году правительство приняло концепцию проекта. Предполагалось, что через пять лет Москва станет МФЦ. Было освоено несколько миллиардов долларов капитальных вложений на строительство небоскребов и коммуникаций. И на этом все закончилось. Думаю, что этим же закончится создание в России двух «райских оазисов».

Может быть, я что-то не понимаю? Может быть, «острова» предполагается использовать не в качестве офшоров, а в качестве своеобразных «убежищ» и «крепостей», где клептоманам будет обеспечиваться защита от правосудия? Настораживает то, что проводимые властью с 2015 года амнистии беглого капитала предлагают индульгенции не только по части административной и гражданско-правовой ответственности, но также уголовной. А это действительно страшно. Размываются остатки законности, а там, где царит беззаконие, уже нет государства.

Как и зачем Центробанк натравил банки на малый бизнес

Жизнь многих миллионов людей в России сегодня связана с так называемым «малым бизнесом», или «малым предпринимательством». Правовой статус малого предпринимательства (МП) определяется Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» (№ 204-ФЗ от 24 июля 2007 г.). У нас принято следующее определение малого бизнеса: это предприятие с численностью до 100 сотрудников, выручка от деятельности которого не превышает 800 млн рублей. Есть еще среднее предпринимательство (СП) – компании с численностью занятых до 250 человек и выручкой до двух миллиардов рублей.

Федеральная налоговая служба ведет единый реестр МСП с августа 2016 года. По состоянию на 10 января 2019 года в нем было зафиксировано 6,04 млн организаций. Львиная доля всех организаций – микропредприятия, компании с годовым доходом не более 120 млн рублей и среднесписочной численностью сотрудников до 15 человек. Они составляют 95,5 % сегмента МСП. За прошлый год число всех субъектов МСП практически не изменилось, но вот число занятых уменьшилось на 1,5 % – с 16,1 млн до 15,87 млн работников (на 233 тыс. человек). Число малых и средних предприятий за год сократилось на 6,1 % и 7,3 % соответственно. Таким образом, тревожные тенденции в секторе МСП камуфлировались с помощью большой массы микропредприятий, многие из которых являются «бабочками-однодневками».

Эксперты называют разные причины сворачивания МСП в России. Хотел бы остановиться на одной из них, которая сравнительно редко упоминается. Речь идет о банках.

Очевидно, что компании МСП обязаны открывать счета в кредитных организациях. Через эти счета должны проходить все операции компаний. Банки в своей работе с физическими и юридическими лицами должны руководствоваться положением Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Указанный документ дает коммерческим банкам право отказывать физическому или юридическому лицу в открытии счета или оказании каких-либо других услуг в случае возникновения у банка подозрений в отношении потенциального клиента. Банки также могут блокировать счета в случае возникновения подозрений в отношении физического или юридического лица, уже являющегося клиентом.

Законодательной базой для блокировок является действующий с 2001 года Федеральный закон № 115, который требует проверять на подозрительность все операции на сумму более 600 тысяч рублей. А с 2016 года банки стали постоянно получать от финансового регулятора дополнительные методические рекомендации, права и обязанности. Гайки закручивались несколько раз в год.

Неудивительно, что банки из двух зол стали выбирать меньшее. Им стало проще отказывать в проведении операций и открытии счетов, чем объясняться с Банком России и Росфинмониторингом по поводу тех или иных сомнительных операций и клиентов.

В марте нынешнего года Минюст зарегистрировал очередные дополнения и поправки к положению Банка России № 375-П. Они предоставляют коммерческим банкам «свободу творчества» в деле борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. Помимо обязательных положений финансового регулятора коммерческие банки теперь могут вносить собственные пункты в программы борьбы с силами финансово-денежного зла. Вот как теперь выглядит пункт 4.9 положения 375-П: «В программу управления риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма могут включаться иные положения по усмотрению кредитной организации».

Банки теперь обязаны дифференцировать клиентов, присваивая им разные рейтинги рисков. Каждый клиент должен быть объектом непрерывного мониторинга со стороны службы рисков банка, и рейтинг его рискованности (опасности для банка) должен пересматриваться не реже чем раз в полгода. Помимо этого, кредитные организации вправе требовать документальные подтверждения от бенефициарных владельцев счетов и проверять всю информацию по подозрительным транзакциям. В частности, объяснений потребуют, если предприниматель получил непрофильный платеж на расчетный счет либо потратил деньги нецелевым для своего бизнеса способом.

Не позавидуешь как клиентам банков, так и самим банкам. Кредитным организациям теперь уже безопаснее бегать не за клиентами, а от них. Положение № 375-П откровенно и преднамеренно парализует работу коммерческих банков. Банк – не ФСБ, не какая-то иная спецслужба: знать все о клиентах и желающих стать клиентами он не может и не должен. Но обязан, так как было немало случаев отзыва лицензий у банков как раз по той причине, что они работали с «подозрительными лицами» и проводили «подозрительные операции».

Знакомясь с документами финансового регулятора, понимаешь, что отныне в отношении как обращающихся в банк новых физических и юридических лиц, так и уже имеющихся клиентов действует принцип презумпции виновности. Каждое физическое и юридическое лицо должно восприниматься сотрудником банка как потенциальный (или реальный) пособник террористов, «теневиков», налоговых «уклонистов», наркодилеров и т. п.

Мне приходится общаться с представителями малого предпринимательства, и они в один голос говорят: банки нам мешают работать, банки могут стать причиной нашего банкротства. Да, я сам не раз писал о том, что банки своими кредитами с баснословно высокими процентными ставками часто доводят юридических лиц до банкротства. Но сегодня банк может довести такого клиента до банкротства даже без ростовщического кредита – просто заблокировать счета и операции по подозрению в

том, что клиент занимается чем-то подозрительным. В цивилизованных странах такие блокировки могут осуществляться лишь на основе решений суда. А у нас это делается на основе положения Банка России № 375-П.

Под удар попадают миллионы предприятий МСП. По поводу усиливающегося банковского беспредела в отношении малого и среднего бизнеса сегодня бьют в колокола такие организации, как партия «Дело», партия малого бизнеса России, «Партия Роста», общероссийская общественная организация «Деловая Россия», «Опора России», многие другие общественные объединения России, уполномоченный при президенте РФ по защите прав предпринимателей Борис Титов. Вот фрагменты заявления Бориса Юрьевича:

Банкам, которые полностью зависят от Центрального банка как от регулятора, приходится шерстить все малые предприятия по жестким критериям.

По оценкам омбудсмена, в 99 % случаев банки блокируют «счета нормальных компаний, которые занимались нормальной деятельностью многие годы». А некоторые банки, продолжает Титов, «говорят, что они могут „отпустить“ ваши деньги с вашего же счета, но за 15 % от того, что там лежит. Это просто вымогательство, это рэкет».

Все попытки договориться Центробанк игнорирует. «Регулятор создал некую общественную комиссию, которая должна была рассматривать эти кейсы. Но вообще не ввели ни общественников, ни нас, хотя мы – тот самый институт, который работает с этими проблемами. Они решили кулуарно решать все эти вопросы. В общем, проблема по-прежнему остается. И мне кажется, что бизнес уже разуверился», – резюмировал омбудсмен.

Но, кажется, финансовому регулятору малого и среднего предпринимательства уже недостаточно. Он решил также установить «учет и контроль» в сфере так называемой «самозанятости». Напомню, что власть решила вытащить из «тени» самозанятых (нянечки, репетиторы, помощники по хозяйству и прочее) – тех, кто не создает юридического лица, а, по сути, выживает, зарабатывая себе на кусок хлеба. Вытащить и обложить налогом. Специальный налоговый режим для самозанятых начал действовать с 1 января 2019 года в тестовом режиме на территории Москвы, Подмосковья, Калужской области и Татарстана. Он предусматривает, что граждане, оказывающие платные услуги без привлечения наемных работников, должны отчислять 4 % от суммы своего дохода при работе с физлицами и 6 % – при работе с компаниями.

И с самозанятыми уже пошли проблемы. Как выяснилось, они могут сталкиваться с блокировкой счетов, поскольку банки идентифицируют таких клиентов как лиц, занятых нелегальной предпринимательской деятельностью, заявил на днях президент «Опоры России» Александр Калинин. На начавшиеся блокировки счетов самозанятых уже отреагировало Минэкономразвития РФ. Как заявила глава департамента инвестиционной политики министерства Милена Арсланова, власти не допустят массовых блокировок банковских счетов самозанятых. Ее бы устами да мед пить. Уважаемая Милена Тахировна не учитывает того, что реальная власть в стране принадлежит не Минэкономразвития и даже не Государственной Думе, а Банку России. Именно этот институт реальной власти в стране и выпустил положение № 375-П и другие нормативные документы, предписывающие душить все живое в экономике России.

Россия в мировой экономике скатилась к позициям середины 90-х годов

20 февраля 2019 года было оглашено послание президента России Владимира Путина Федеральному собранию. В нем уже традиционно основным стал экономический блок. А внутри этого блока опять ключевым стал вопрос экономического роста. Президент сказал: «Чтобы добиться устойчивого повышения оплаты труда, в первую очередь нужна качественная занятость и свобода для предпринимательства, квалифицированные, хорошо оплачиваемые рабочие места во всех регионах страны и в традиционных, и в новых отраслях, в конечном итоге нужны высокие темпы экономического роста… Уже в 2021 году темпы роста российской экономики должны превысить 3 процента, а в дальнейшем опережать мировые».

Лично меня экономическая часть послания не впечатлила. Более того, призывы президента об ускорении экономического роста я отношу к «благим пожеланиям», а из таких пожеланий, согласно русской пословице, мостится дорога в не очень приятное место. И вот почему.

Под громкие звуки фанфар, раздающихся из Кремля, экономика России все более уверенно возвращается к 90-м годам прошлого века, когда ее будущее висело на волоске. За более чем четвертьвековую историю Российской Федерации власти бесконечное количество раз произносили мантры с использованием магической аббревиатуры «ВВП». Нет, речь идет не о ФИО нашего президента. Речь идет о наиболее общем макроэкономическом показателе, который называется «валовой внутренний продукт». С его помощью измеряются результаты экономической деятельности страны за определенный период времени (чаще всего за год), и он используется для сопоставления масштабов экономик отдельных стран.

Но, уж скоро мы упомянули президента Путина, то следует отметить, что Владимир Владимирович любит использовать макроэкономический показатель ВВП в своих выступлениях. Либо для демонстрации наших достижений в сфере экономики, либо для того, чтобы описать грандиозные планы власти на обозримое будущее.

Наиболее известно его амбициозное заявление об удвоении ВВП России. «Удвоение ВВП за 10 лет считается одним из основных направлений российской политики», – объявил президент России Владимир Путин в послании Федеральному собранию от 16 мая 2003 года. Экономисты тотчас посчитали и сообщили, что для выполнения этой задачи рост реального ВВП должен был составлять как минимум 7,2 % в год. Через год президент скорректировал сроки: «Мы вполне способны за десять лет увеличить наш экономический потенциал в два раза, как говорили еще в прошлом году… Более того, при сохранении таких темпов мы смогли бы удвоить ВВП на душу населения не за десять лет, а уже к 2010 году».

Помню, в течение нескольких лет лозунг об удвоении ВВП был очень популярен, им пользовались чиновники, партийные активисты из «Единой России», официальные СМИ. Был ли выполнен этот амбициозный план? Отвечу коротко и с полной ответственностью: «Нет».

Чиновники, правда, пытались доказать недоказуемое. Властям страны практически удалось выполнить поставленную президентом Владимиром Путиным задачу по удвоению объемов валового внутреннего продукта (ВВП), заявил пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков, выступая в марте 2015 года на круглом столе, посвященном 15-летию со дня избрания Путина на пост президента страны. Вот его слова: «Амбициозная цель об удвоении ВВП, она, наверное, де-факто могла быть реально выполнена, и она была фактически выполнена».

Бывший министр финансов РФ Алексей Кудрин, к которому Песков обратился за подтверждением своих расчетов, подтвердил заявление пресс-секретаря: «Чтобы удвоиться, надо было каждый год идти 7,2 %. И мы шли этим темпом. Могу сказать сейчас общую цифру – включая с 2000 года по 2014 год, мы получили примерно 94 %. Пусть не за 10 лет, а за 15, но мы близки к удвоению ВВП страны».

И Песков, и Кудрин сказали неправду. Причем первому это непростительно, учитывая занимаемый им пост и значимость каждого слова человека, имеющего статус пресс-секретаря президента страны. Второму непростительно, поскольку он считается профессиональным экономистом, к тому же с богатым опытом работы в качестве министра финансов.

Во-первых, удвоение следовало отсчитывать от 2003 года (время заявления Путина), а не от 2000 года, являвшегося одной из самых низких точек в экономической истории России. В статистике это называется «низкой базой». Рассматривать следует период 2003–2013 гг.

Во-вторых, даже при отсчете от 2000 года в 2014 году не произошло удвоения ВВП. Между 94 и 100 процентами разница существенная. Подобного рода «округления» являются подлогом.

В-третьих, Кудрин сказал, что прирост ВВП в период 2000–2014 гг. составил 94 %. А по данным Росстата прирост ВВП в постоянных ценах 2008 года составил 76 %. И здесь Кудрин продемонстрировал своей непрофессионализм, а может быть, способность вводить слушателей в заблуждение.

В-четвертых, задача президентом была поставлена на десятилетний период. План считается невыполненным, если в заданный срок не достигается заданная цель. Понятно, что рано или поздно «удвоение ВВП» должно произойти. А если оно произойдет в 2050 году, то задача тоже будет считаться выполненной?

План Путина был с треском провален, однако путем вербальных манипуляций чиновники сумели «черное» назвать «белым». Что касается Кудрина, то, вероятно, он так же легко манипулировал цифрами и сроками, находясь в кресле министра финансов в

период с 2000 по 2011 гг. (т. е. в то самое время, когда ему следовало бы практически выполнять поставленную президентом задачу).

С момента громогласного заявления Путина об удвоении ВВП в течение десяти лет прошло уже почти 16 лет. Со времени, когда Россия должна была выйти на заданный рубеж, прошло почти 6 лет. Может быть, сегодня, наконец, Дмитрий Песков или тот же Алексей Кудрин (который уже руководит не Минфином, а Счетной палатой) могут с облегчением и без лукавства сказать: у нас произошло удвоение ВВП. Но они почему-то помалкивают и эту тему больше не затрагивают.

Что ж, мы можем сами ответить на этот вопрос, обратившись к Росстату. Статистика по ВВП России за все годы имеется – как в текущих, так и постоянных ценах. Очевидно, нам нужны показатели в постоянных ценах. Росстат несколько затуманивает общую картину динамики ВВП, переводя статистику ВВП с одной базы на другую (сначала были постоянные цены 2003 года, потом 2008 г. и 2011 г.; с 2016 года статистика ВВП ведется в постоянных ценах 2016 г.). Но, проведя не очень сложные операции с помощью калькулятора, я пришел к следующему результату: если принять ВВП России 2013 года за 100, то в 2018 году ВВП России, выраженный в постоянных ценах, составил 151 по отношению к базе. Проще говоря, ВВП России с момента заявления президента об «удвоении» увеличился в полтора раза.

История с «удвоением ВВП» – лишь пример того, что самые громкие заявления, обещания и планы кончаются пшиком. Это свидетельство того, что разного рода «экономические» лозунги никакого отношения к экономике не имеют, а являются важной составной часть разного рода PR-акций власти, преследующих цели, весьма далекие от экономики.

Это пример того, что наши чиновники при необходимости способны врать и выдавать белое за черное и наоборот. Даже те чиновники, которых у нас называют «профессиональными экономистами», запросто могут фальсифицировать статистику. Сначала картину положения в экономике лакирует Росстат (это тема сегодня широко обсуждается в наших СМИ), а затем уже чиновники методом вербальных манипуляций с использованием данных Росстата вносят дополнительный вклад в искажение и извращение реальной картины в экономике.

Это также свидетельство того, что любые самые яркие лозунги власти имеют достаточно короткий срок жизни. О том же «удвоении ВВП» последний раз власти вспомнили в марте 2015 года (о чем я выше сказал). Больше об этой задаче никто во власти не заикался. Но ведь у нас были и другие не менее звучные лозунги.

Например, в 2010 году тогдашний президент РФ Дмитрий Медведев загорелся идеей превратить Москву в мировой финансовый центр. Идея горела ярким пламенем года два-три и окончательно затухла в 2014 году. А еще до этого Дмитрий Медведев в феврале 2008 года на Красноярском экономическом форуме запустил в обращение лозунг, получивший название «четырех „И“». «Мы должны сконцентрироваться на своеобразных четырех „И“ – институтах, инфраструктуре, инновациях, инвестициях», – заявил тогда премьер-министр Дмитрий Медведев. Через несколько месяцев он занял пост президента страны. Пользуясь большими административными возможностями, Дмитрий Анатольевич пытался двигать этот лозунг в жизнь. Однако скоро страну накрыла волна мирового финансового кризиса, и о «четырех „И“» уже никто не вспоминал.

Опуская многие страницы новейшей истории России начала XXI века, украшенные звучными лозунгами, скажу, что сегодня у наших чиновников появилась новая увлекательная «игрушка» под названием «майский указ президента». Речь идет об указе от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Это даже не одна «игрушка», а целых двенадцать игрушек в одной коробке. Я имею в виду двенадцать национальных проектов, которые правительство должно реализовать в течение шести лет (до 2024 года).

Указ предусматривает, что с помощью национальных проектов будут достигнуты национальные цели. Они перечислены в указе – всего их девять. Наиболее амбициозной, фундаментальной и сложной, по мнению многих экспертов, является цель под номером восемь: «Вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов».

Данную цель смело можно отнести к разряду «хотелок». Уже несколько лет Россия имеет темпы экономического роста более низкие, чем среднемировые. В настоящее время Россия по показателю ВВП, пересчитанному в доллары США по паритету покупательной способности рубля (ППС), находится на шестом месте – после Германии. При тех тенденциях, которые существовали в предыдущие пять-шесть лет, отставание России от Германии по показателю ВВП будет только увеличиваться. Более того, уже в ближайшее время Россия может оказаться на седьмом месте: ей на пятки наступает Индонезия, имеющая существенно более высокие темпы экономического роста.

Напомню, что в лучшие годы (первая половина 1980-х гг.) доля СССР в мировом валовом продукте оценивалась в 20 %. Эту цифру можно было найти даже в официальных документах ООН. По данным Госкомстата СССР, примерно половина всего валового общественного продукта (так тогда назывался показатель ВВП) приходилось на Россию (тогда это была союзная республика, которая называлась РСФСР). Следовательно, в те времена доля России в мировом ВВП была равна 10 %. В 90-е годы Россия теряла свои позиции в мировой экономике и в 1998–1999 гг. ее доля, рассчитанная с учетом ППС, в мировом ВВП упала до 2,7 %.

С начала нынешнего века обозначилось оживление российской экономики, что привело к некоторому повышению доля России в мировом ВВП. В 2000 году, согласно данным МВФ, показатель уже поднялся до 3,3 %. Вероятно, такой повышательный тренд и вдохновил президента Путина на столь амбициозное заявление об удвоении ВВП. Максимальные значения показателя были

достигнуты в 2011 и 2012 гг. – 3,7 %. А далее началось съезжание вниз. Вот оценки доли России в мировом ВВП (%): 2013 г. – 3,6; 2014 г. – 3,5; 2015 г. – 3,3; 2016 г. – 3,2; 2017 г. – 3,1. Это результаты расчетов на основе статистики МВФ. Согласно моим расчетам, по итогам 2018 года доля России в мировом ВВП опустилась до 3,0 %. Для сравнения отмечу: таковы были позиции России в 1995 году. Если тренд 2012–2018 гг. сохранится, то уже в ближайшее время мы окажемся в самой низкой точке, которая была зафиксирована в 1998–1999 гг.

А о том, что понижательный тренд сохранится, сегодня говорит даже Алексей Кудрин, который, как известно, является большим мастером выдавать белое за черное, а черное за белое. Но критика Кудриным национальных проектов, озвученная им на Гайдаровском форуме, – неожиданный случай, показывающий, что Алексей Леонидович иногда умеет черное называть черным.

Заключая мои невеселые размышления, хочу сказать, что майский указ президента – опасная имитация решения социально-экономических проблем страны. Нам нужно восстановление почти до основания разрушенной системы управления экономикой России, а не набор красивых «хотелок».

Что стоит за заявлениями об открытости экономики КНР

В 2018 году исполнилось сорок лет китайской политике реформ и открытости. Судя по всему, сворачивать с этого пути Китай не собирается, и даже наоборот: на ежегодном Азиатском экономическом форуме в Боао председатель КНР Си Цзиньпин в своей речи объявил о новых мерах по расширению открытости страны к внешнему миру. Можно ли считать, что за прошедшие четыре десятилетия Китай добился успехов именно благодаря этой политике? С одной стороны, да: создана колоссальная экономика, валовой внутренний продукт, подсчитанный по паритету покупательной способности юаня, выводит Китай на первое место в мире. Америка с 2015 года довольствуется вторым местом.

Если же посмотреть с другой стороны, китайские успехи выглядят довольно сомнительно, напоминают колосса на глиняных ногах, если принять во внимание, что экономика Китая полностью зависит от внешних рынков. Сейчас мы каждый день слышим об обострении отношений Китая и Соединенных Штатов, о том, что эти отношения могут перерасти в торговую войну. Между тем дефицит торгового баланса китайско-американской торговли составляет 375 миллиардов долларов. Это аномалия, потому что экономика должна развиваться гармонично, пропорционально. А тут налицо недоразвитие той экономики, которую мы называем единым народно-хозяйственным комплексом, а китайцы – внутренним рынком. В отличие от внешнего рынка, на который они все эти сорок лет в основном работали, внутренний рынок находился в запустении.

Сейчас Си Цзиньпин говорит о том, что Китай будет менять экономический курс, стимулировать внутреннее потребление, что китайцы готовы пойти на сокращение экспорта, на увеличение импорта, готовы даже пойти на нулевое сальдо торгового баланса. Но ведь нечто подобное Китаем уже не один год говорится: что слишком опасно продолжать идти по пути глобализации, зависеть от внешних факторов, от возможного протекционизма со стороны торговых партнеров страны.

Впервые задача переориентировать экономику КНР на внутренний рынок была поставлена лет десять назад, но до сих пор не реализована. Катиться по колее глобализации, конечно, приятнее, веселее и проще, насыщать же внутренний рынок за счет собственного производства – намного сложнее, это все равно что поднимать непаханую целину. Пока это сделать китайцам не удается, и у меня складывается ощущение, что Китай будет потихоньку переходить на другие рельсы – на рельсы торговли капиталом. Пекин хотел бы вывозить капиталы в разные страны мира, но для этого надо широко раскрыть двери для беспрепятственного хождения иностранной валюты в самом Китае. Но в КНР до сих пор придерживаются достаточно жесткого инвестиционного протекционизма. Особенно это касается таких отраслей, как банки, финансы, страховой бизнес. Пока компаний и банков с доминирующим участием иностранного капитала в Китае практически не было.

По-своему китайцы, конечно, были правы, потому что финансово-банковская система является ключевой, и если туда пустить иностранцев, то через банки они быстро начнут контролировать всю китайскую экономику. Сегодня, видимо, деваться уже некуда, и на XIX съезде КПК, который проходил осенью 2017 года, а также на Всекитайском съезде народных представителей (ВСНП) в марте этого года стали говорить о том, что Китай будет открывать доступ иностранному капиталу и в такие особенно чувствительные сферы, как банки, финансы, страховой бизнес. На только что прошедшем Боаоском Азиатском Форуме (БАФ) Си Цзиньпин добавил в этот список еще и автомобильную промышленность.

Не факт, что каждое заявленное китайского руководства будет в полной мере выполнено – то, что Китай обещает, всегда надо делить на десять. Еще лет пятнадцать назад Пекин стал добиваться включения юаня в корзину резервных валют МВФ. Но в эту корзину могут входить только свободно конвертируемые валюты. Китайский юань таковым не был – для этого нужно было бы снять любые ограничения на трансграничное движение капитала.

Россия, например, имеет рубль, который де-юре является свободно конвертируемой валютой, потому что у нас нет никаких барьеров в движении капиталов: заходи, выходи, выноси все что хочешь, – но де-факто рубль мало кому нужен. С китайским юанем ситуация другая. В 2016 году он заполучил статус резервной валюты, но так и не стал свободно конвертируемым. При этом китайцы всегда усиленно уверяли, что они потихонечку-полегонечку расширяют конвертируемость юаня. Сейчас им в очередной раз приходится это обещать, и они все-таки пустят иностранных инвесторов на свой рынок. И опять трудно с уверенность сказать, насколько эти обещания будут реализованы: одно дело, когда на ВСНП декларировалось, что Китай будет «открываться», другое – когда Си Цзиньпин подобное заявление сделал на форуме в Боао – на форуме, который ежегодно собирает по шестьдесят-семьдесят зарубежных делегаций и который называют «азиатским Давосом». В этом году БАФ собрал две тысячи человек из шестидесяти трех стран мира. В Боао руководитель Китая очень много говорил о реализации проекта Нового шелкового пути. На сегодняшний день в рамках этого проекта около восьмидесяти стран и международных организаций, в том числе и российских, уже подписали с Китаем документы о сотрудничестве.

Казалось бы, внешние успехи КНР – налицо, но все же я не особенно очаровывался бы ими, потому что эта страна не успела сделать необходимый маневр в сторону внутреннего рынка. И если сейчас Соединенные Штаты начнут быстро «трамбовать» Китай, то его экономика понесет серьезные ущербы.

При этом нельзя забывать о том, что КНР имеет громадный долг, причем не только в абсолютном выражении, но и в относительном: по официальным данным Китая – порядка 300 % ВВП, а если взять в расчет еще и теневой банкинг, то получается под 600 % ВВП. Как они смогут сманеврировать в случае серьезного обострения отношений с США, трудно сказать. На форуме в Боао товарищ Си ничего не говорил по поводу интернационализации юаня, но думаю, что все его заявления насчет открытости китайской экономики, концепции «один пояс – один путь» подразумевают, что китайцы будут продвигать юань в мировых масштабах. И здесь китайская валюта серьезно сталкивается с долларом. Нельзя забывать, что США объявили войну и России, и Китаю.

В этих условиях есть ли шанс сблизить наши экономики и вместе противостоять американской агрессии? Как бы мы в сближении с Китаем не поменяли шило на мыло, потому что со временем он может стать для нас угрозой точно так же, как сегодня США.

Да, мы вынуждены сейчас опираться на Китай, сотрудничать с ним. КНР сейчас имеет активное сальдо торговли с Россией, поэтому у Китая есть возможность это сальдо конвертировать в экспорт капитала. Но боюсь, что китайцы начнут активно скупать российскую экономику, под благовидными предлогами они будут создавать какие-то предприятия по производству того, другого, третьего. Поэтому во взаимоотношении с КНР очень важно придерживаться принципа симметрии: сколько они инвестируют в нашу экономику, столько же должны инвестировать и мы. Но на данный момент, к сожалению, китайские инвестиции в российской экономике намного превышают наши инвестиции в китайской экономике. Хотя это и неудивительно. И не только потому, что мы экономически слабее и у нас отрицательное сальдо в торговли с Китаем, но еще и потому, что китайский инвестиционный протекционизм не очень-то дает возможность российским экспортерам капитала найти точки приложения в китайской экономике.

Китай – экономика как долговая пирамида

Китайская экономика прочно заняла второе место в мире по показателям ВВП. В 2018 году валовой внутренний продукт КНР превысил 90 трлн юаней; если пересчитать по среднему валютному курсу, это 13,6 трлн долларов (показатель номинального ВВП). Для сравнения: ВВП США, по предварительным оценкам, в истекшем году составил 21,5 трлн долл.

А если пересчитать ВВП Китая не по рыночному валютному курсу, а по паритету покупательной способности (ППС) валют, то окажется, что Китай обошел США еще в 2014 году. Тогда ВВП Китая, рассчитанный по ППС, составил 17,6 трлн долл., а ВВП США был равен 17,4 трлн долл. В 2017 году ВВП по ППС Китая, по расчетам МВФ, был уже 23,2 трлн долл., в то время как ВВП США —19,5 трлн долл.

В то же время ВВП становится все менее надежным инструментом измерения масштабов экономики. Постоянно меняется методология расчета показателя, он все больше отражает не создание новых продуктов (товаров и услуг), а их потребление. Кроме того, ВВП во многом создается за счет наращивания долгов в разных секторах экономики, когда строится долговая пирамида.

О том, что ВВП США напоминает пузырь, пишут давно. А вот в отношении ВВП Китая существует мнение, что там этот показатель более точно отражает состояние экономики, ибо китайская экономика в большей мере, чем американская, состоит из реального производства (промышленность, строительство). Согласно данным международных организаций (МВФ, Всемирный банк и др.), в 1990 году добавленная стоимость промышленности и строительства в США составляла 1493 млрд долл., а в 2017 году – 3520 млрд долл. В Китае этот показатель в 1990 году был равен 148 млрд долл., а в 2017 году – 4951 млрд долл… В США увеличение составило 2,36 раза, а в Китае – 33,5 раза. Головокружительный взлет!

Эксперты отмечают, что в 1990—2000-е годы экономический рост Китая происходил преимущественно в реальном секторе и подпитывался за счет вовлечения в промышленное производство рабочей силы и повышения производительности труда. Однако с конца 2000-х годов (с момента начала финансового кризиса) главными источниками экономического роста в КНР стали выступать опережающее развитие сектора услуг (особенно финансовых) и быстрое наращивание долгов. Остановимся на втором из этих факторов.

На стремительное наращивание долгов в китайской экономике обратили внимание международные организации (ООН, МВФ, Всемирный банк) и независимые эксперты. Особенно большой резонанс вызвал опубликованный в феврале 2015 года доклад консультативной компании McKinsey. В докладе рассматривалась динамика мирового долга в период 2007–2014 гг., когда этот долг увеличился со 142 трлн долл. до 199 трлн долл. Отношение мирового долга к ВВП выросло с 269 % до 286 %. То есть в 2014 году мировая экономика находилась в худшей долговой ситуации, чем накануне мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

В докладе McKinsey отмечалось, что особенно динамично долг в эти годы (2007–2014) рос в Китае, в абсолютном выражении он составил 20,8 трлн долл.; при этом вклад Китая в прирост мирового долга составил 36,5 %. Авторы доклада обратили внимание, что к 2014 году Китай обогнал США по показателю относительного уровня совокупного долга: у Америки он составил 269 % ВВП, а у Китая – 282 %. Это и стало основанием для утверждения аналитиков McKinsey: Китай становится главной угрозой экономической и финансовой стабильности в мире.

Вот основные цифры, характеризующие динамику и структуру китайского долга.

	2000	2007	2014
Общий долг, трлн долл.	2,1	7,4	28,2
Общий долг, % ВВП	121	158	282
В том числе:			
Государственный долг	23	42	55
Долг финансового сектора	7	24	65
Корпоративный долг	83	72	125
Долг сектора домашних хозяйств	8	20	38

2000-е годы (до 2008-го) были для Китая периодом перехода от одной модели экономики к другой. Предыдущая модель основывалась на опережающем росте продукции (товаров, услуг) по сравнению с ростом задолженности субъектов хозяйственной деятельности. Это была модель интенсивного экономического развития за счет повышения эффективности использования таких факторов производства, как рабочая сила, природные ресурсы и капитал.

В переходный период динамика производства и задолженности примерно совпадали: на 1 доллар (юань) прироста долга приходился 1 доллар (юань) прироста продукции (ВВП). А где-то с 2008 года началось резко опережающее по отношению к производству товаров и услуг наращивание долга. Как видно из таблицы, за 2007–2014 гг. долг увеличился в 3,8 раза, а в абсолютном выражении прирост составил гигантскую величину 20,8 трлн долл. Иными словами, на каждый доллар нового долга создавалось ВВП примерно на 30 центов.

Подсев на долговую иглу, китайская экономика так и не сумела с нее сойти. Нетрудно подсчитать, что только на обслуживание долга тратится примерно 20 % ВВП Китая. Чтобы Китаю обслуживать долг, каждый год китайская экономика должна обеспечивать прирост ВВП в размере 20 %. Согласно официальной статистике КНР, в последние годы прирост колебался в пределах 6–7 процентов. Темпы экономического роста были примерно в три раза ниже минимально необходимых.

Как же китайской экономике удается функционировать в условиях гигантского долгового пресса? Прежде всего, за счет дальнейшего стремительного наращивания долга, когда новые кредиты и займы направляются для рефинансирования старых долгов. Спецификой в данном случае является то, что в Китае активно используется теневой банкинг. Это кредиты и займы, которые предоставляют разные компании и организации, не являющиеся банками и не находящиеся в сфере банковского надзора финансовых регуляторов. Долги, создаваемые в результате услуг теневого банкинга, сопоставимы по масштабам с долгами по кредитам официального банковского сектора. Эти операции еще называются забалансовыми. К ним также следует отнести выпуск облигаций местных органов управления. Создаваемые такими облигациями обязательства не учитываются при расчете общего государственного долга. В начале марта министр финансов КНР Лю Кунь признал, что долги местных властей, выпустивших облигации, в совокупности составляют 2,74 трлн долл. Однако эксперты полагают, что министр более чем вдвое занизил величину долга, его реальная величина около 6 трлн долл.

С учетом долгов теневого банкинга ситуация в китайской экономике выглядит еще сложнее. Не исключено, что вторая волна мирового финансового кризиса может начаться не в США или Европе, а в Китае. Китайское руководство понимает опасность долговой проблемы. На XIX Всекитайском съезде КПК в октябре 2017 года осторожно говорилось о необходимости обуздать «кредитного дракона», вышедшего далеко за пределы банковского сектора, но обуздания пока не произошло.

Принятый в марте 2019 года в Китае закон об иностранных инвестициях предусматривает радикальную либерализацию режима для иностранного капитала. Не исключаю, что Пекин попытается использовать иностранный капитал в качестве строительного материала для дальнейшего наращивания долговой пирамиды.

По данным Народного банка КНР, в январе в стране было выдано новых кредитов на сумму 3,23 триллиона юаней. Это абсолютный рекорд за все время существования официальной статистики (с 1992 года). Еще на сумму 1,41 трлн юаней было выдано кредитов и займов по линии теневого банкинга. Итоговая сумма составила 4,64 трлн юаней. Это в полтора раза выше показателя января 2018 года. Сюда следует приплюсовать средства, привлеченные бизнесом в январе посредством выпуска облигаций, – 500 млрд юаней (в декабре было привлечено 375 млрд юаней). Итого только за январь в китайской экономике возникли долги на общую сумму 5,14 трлн юаней, или почти 760 млрд долл. (без учета процентов, которые будут начисляться на эти долги). То есть в китайскую экономику за месяц были вкачаны кредитные ресурсы, сопоставимые с годовым ВВП таких стран, как Швейцария, Турция или Нидерланды.

Если предположить, что прирост долга в китайской экономике будет происходить так же быстро, то в 2019 году должна получиться сумма, превышающая 9 трлн долл. Это 67 % номинального ВВП Китая за 2018 год или 39 % ВВП Китая за 2017 год, рассчитанного по ППС. Такая скорость наращивания долга наблюдалась в прошлом веке лишь в годы мировых войн.

Накачиванием денег в экономику после кризиса 2008–2009 гг. занялись многие центробанки Запада, назвав это «количественными смягчениями» (КС). Программы КС с 2008 года до октября 2014 года осуществляла Федеральная резервная система США. С 2015 года «количественными смягчениями» занимается ЕЦБ. В результате сами центробанки раздуваются, как пузыри. В лексиконе китайских руководителей нет такого понятия, как «количественные смягчения», но признаки политики КС просматриваются и в деятельности Народного банка Китая. В январе 2008 года активы НБК составляли 17 трлн юаней, а по состоянию на февраль 2019 года они уже были равны 35,6 трлн юаней. Увеличение в 2,1 раза.

Не исключаю, что, продолжая выстраивать долговую пирамиду, китайский Центробанк пойдет по стопам ФРС США, ЕЦБ и Банка Японии и начнет полномасштабную программу количественных смягчений, хотя называться китайская программа будет как-то по-другому.

Китай – двери иностранному капиталу распахиваем настежь

Взяв курс на наращивание экспорта капитала, Китай одновременно выступает его импортером. Вот данные ЮНКТАД о масштабах импорта Китаем капитала в виде прямых инвестиций за последние годы (млрд долл.): 2012 г. – 121,1; 2013 г. – 123,9; 2014 г. – 128,5; 2015 г. – 135,6; 2016 г. – 133,7; 2017 г. – 136,3. А вот показатели накопленных прямых иностранных инвестиций в китайской экономике (млрд долл.): 2000 г. – 193,3; 2010 г. – 587,8; 2017 г. – 1.490,9. По этому показателю доля Китая в мировом итоге составила (%): 2000 г. – 2,6; 2010 г. – 2,9; 2017 г. – 4,7.

С начала XXI века Китай устойчиво сохраняет второе место в мире после США как по величине ежегодно притекающего иностранного капитала, так и по объему накопленных прямых иностранных инвестиций. Для сравнения: на конец 2017 года, по данным ЮНКТАД, на США приходилось 24,8 % общего объема накопленных прямых иностранных инвестиций в мире. Разрыв между США и Китаем многократный, но он постепенно сокращается.

Вот самые последние данные об импорте Китаем иностранного капитала, которые еще не нашли отражения в статистике ЮНКТАД. В 2018 году импорт иностранного капитала в виде прямых инвестиций составил 142 млрд долл. (прирост на 4,2 % по сравнению с предыдущим годом). В первые два месяца 2019 года, по сведениям китайских источников, приток капиталовложений в Поднебесную из-за рубежа в долларовом выражении составил 21,69 млрд долл. с приростом в 3 % в годовом сопоставлении.

Приток иностранных инвестиций в экономику жестко регулируется партийно-государственным руководством КНР.

Во-первых, иностранный капитал допускается в таких дозах, чтобы контрольный пакет в компаниях с участием иностранцев оставался за китайским государством или китайским капиталом. Ограничивается или даже запрещается иностранный капитал спекулятивного характера (введены нормы по срокам пребывания иностранного капитала в Китае, ограничения и запреты на немедленную репатриацию прибыли из страны).

Во-вторых, установлены приоритеты для иностранного капитала по отраслям. Скажем, очень жесткими были ограничения для иностранного капитала в финансовом секторе. Среди главных приоритетов всегда значится экспортный сектор экономики, присутствие иностранцев в нем помогает китайцам осваивать зарубежные товарные рынки. По некоторым оценкам, в 2009 году 55 % всего внешнеторгового оборота Китая осуществлялось компаниями с участием иностранного капитала (*А. В. Любомудров.* Прямые иностранные инвестиции в экономику Китая // Российский внешнеэкономический вестник, № 3 (март), 2010). Среди отраслевых приоритетов на первом месте обрабатывающая промышленность.

В-третьих, руководителям китайских компаний и организаций дана установка на то, чтобы в качестве иностранных партнеров выбирать таких инвесторов, которые будут вносить свой вклад не столько деньгами, сколько новыми технологиями. Китайское руководство взяло курс на превращение страны в мирового технологического лидера. Довольно быстро Китай добился больших успехов в сфере компьютерной техники, коммуникационного оборудования, освоения космоса.

В Пекине прекрасно понимают, что привлечение иностранного капитала в традиционные трудоемкие отрасли экономики сегодня – это тупиковый путь, ибо стоимость рабочей силы в Китае растет и китайская экономика утрачивает инвестиционную привлекательность в трудоемких производствах. Делается ставка на тотальную модернизацию экономики, повышение производительности труда, переход на выпуск товаров нового поколения. В 2015 году партийно-государственным руководством была запущена десятилетняя программа «Сделано в Китае – 2025». В ней просматриваются очень далеко идущие стратегические цели, в том числе создание новых видов оружия.

Однако Пекину приходится учитывать постоянные обвинения Запада в том, что он идет против правил экономического либерализма, проводимого в жизнь такими институтами, как ВТО, МВФ, Всемирный банк. Так, одним из требований, которые ВТО поставила Китаю после его вступления в эту организацию в 2001 г., было превращение китайской экономики через 15 лет в рыночную. Сейчас уже 2019 год, а Запад до сих пор полагает, что в Китае с его сильным государственным сектором и государственным регулированием рыночной экономики нет. В 2015 году Китаю удалось в МВФ добиться получения юанем статуса резервной валюты. Китай обещал сделать юань полностью конвертируемой валютой, но до сих пор она таковой не является.

Уже давно Запад твердит, что Китай не обеспечивает свободы для иностранных инвесторов, жестко ограничивая их как долей участия в капитале, так и набором отраслей, куда может прийти инвестор-нерезидент. Приводятся многочисленные примеры того, как китайские партнеры по бизнесу вымогают у иностранных инвесторов новейшие технологии, а иногда используют их для проникновения в иностранные «материнские» компании для промышленного шпионажа.

Я уже писал о том, что после прихода в Белый дом Дональда Трампа торгово-экономические отношения США и Китая стали подвергаться полной ревизии. Вот данные по объему китайских прямых инвестиций в экономику США (млрд долл.): 2016 г. – 45,6; 2017 г. – 29,0; 2018 г. – 5,0. Девятикратное сокращение за короткий период 2016–2018 годов! Вашингтон пытается и своих европейских партнеров заставить выставить барьеры на пути китайской инвестиционной экспансии.

Чтобы выбить из рук западных оппонентов аргументы, Пекин в последние два года постоянно говорит, что он приступил к либерализации режима доступа для иностранных инвесторов. Обещание такой либерализации громко прозвучало с трибуны 19-го Всекитайского съезда КПК (октябрь 2017 года).

15 марта 2019 года был принят закон о либерализации доступа иностранного капитала в китайскую экономику. Закон об иностранных инвестициях должен вступить в силу с 1 января 2020 года. Полный текст закона пока не опубликован, поэтому комментаторы ссылаются на последнюю версию законопроекта, которая была в свободном доступе. Раньше китайские власти создавали два списка отраслей, доступных для иностранцев. Первый список – отрасли, куда доступ иностранному капиталу открыт; второй список – отрасли, закрытые для иностранцев. Первый список был очень коротким, второй – очень длинным. Теперь будет все наоборот, а со временем, обещают китайские власти, «негативный» список должен вообще исчезнуть. Новым законом запрещается принудительная передача технологий и незаконное вмешательство правительства в деятельность иностранных компаний. Устанавливается уголовная ответственность для нарушающих эти правила чиновников.

Иностранные компании критикуют этот закон за нехватку конкретики. Пекин обещает, что конкретика появится в подзаконных актах. Американская торговая палата в Китае заявила, что «в принципе» изменения ее устраивают, но она обеспокоена тем, что такой закон был принят без консультаций с бизнесом. Правда, консультации начались после принятия закона – на Китайском форуме развития – 2019. На форум приехали представители многих компаний, входящих в топ-500 (Daimler AG, IBM, BMW, Pfizer, RTZ и др.), ученые известных исследовательских институтов, представители международных организаций. Главный интерес иностранных участников – закон об иностранных инвестициях. 25 марта премьер Госсовета КНР Ли Кэцян провел встречу с представителями иностранных компаний – участниками форума. Главная мысль премьера – иностранные компании будут иметь в Китае такие же права, как и компании-резиденты; любые попытки дискриминации нерезидентов будет пресекаться и преследоваться в судебном порядке.

Пекин рассчитывает, что в страну будут приходить лишь те инвесторы, которые представляют высокотехнологичные отрасли экономики и приносят новые технологии. Государство планирует расширять поддержку высокотехнологичных секторов экономики с помощью налоговых льгот, а иногда и прямого бюджетного финансирования проектов.

Правда, некоторые скептики считают новый закон однодневкой. Мол, закончатся переговоры с Трампом, и политика Пекина в области иностранных инвестиций вернется к прежнему.

Об экспорте китайского капитала

Что бы ни говорили в Китае о строительстве «социализма с китайской спецификой», на деле страна развивается по рельсам капитализма. Крупнейшие компании и банки Китая являются государственными или полугосударственными и имеют все признаки монополий. Это типичный монополистический капитализм, который становится империализмом, когда вывоз капитала начинает преобладать над вывозом товаров.

Доля Китая в мировом экспорте товаров менялась следующим образом (%): 1983 г. – 1,0; 1993 г. – 2,5; 2003 г. – 5,9; 2017 г. – 13,2. Позиции США в эти годы постепенно ослабевали (%): 1983 г. – 11,2; 1993 г. – 12,6; 2003 г. – 9,5; 2017 г. – 9,0. Уже в 2009 году Китай вышел на первое место в мире по объему товарного экспорта, обойдя Соединенные Штаты. В 2012 году Китай занял первое место по оборотам всей внешней торговли.

В 2018 году товарооборот Китая, согласно предварительным оценкам, достиг рекордной величины в 4,60 трлн долл. (против 4,10 трлн долл. в 2017 году), при этом экспорт был равен 2,46 трлн долл. (против 2,26 трлн в 2017 г.), а импорт – 2,14 трлн долл. (против 1,84 трлн в 2017 г.). Возможности дальнейшего расширения товарного экспорта Китаем близки к пределу. Особенно учитывая давление Вашингтона, добивающегося более сбалансированной двухсторонней торговли (сейчас у Америки громадный дефицит в этой торговле), а также принимая во внимание усиливающийся протекционизм во всем мире. Не исключаю, что рекорды в области внешней торговли для Китая закончились в прошлом году.

Пекин еще задолго до начала торговой войны с Вашингтоном стал готовиться к возможной остановке своей торговой экспансии. Есть два подхода к решению этой проблемы. Один подход – замещение внешних рынков быстрым развитием внутреннего рынка. Второй подход – замещение (или дополнение) экспорта товаров экспортом капитала. Китайские власти используют оба подхода.

Экспорт товаров предполагает захват рынков, экспорт капитала – захват экономик других стран. Первые решения по стимулированию экспорта капитала были приняты в КНР в начале 2000-х годов. Динамика экспорта капитала из Китая в виде прямых инвестиций выглядела следующим образом (млрд долл.): 2002 г. – 2,7; 2005 г. – 12,3; 2010 г. – 68,8; 2012 г. – 87,8; 2013 г. – 107,8; 2014 г. – 123,1; 2015 г. – 145,7; 2016 г. – 196,2; 2017 г. – 124,6; 2018 г. – 129,8 (предварительная оценка).

А вот как выглядит картина накопленных прямых инвестиций Китая за рубежом (на конец года, млрд долл.): 2000 г. – 27,8; 2002 г. – 29,9; 2005 г. – 57,2; 2010 г. – 317,2; 2017 г. – 1482,0.

Как видим, в период 2002–2016 гг. наблюдался непрерывный и очень быстрый рост вывоза китайского капитала из Китая. За 14 лет он увеличился в 72,7 раза; за это же время товарный экспорт вырос с 325,6 млрд до 2.097 млрд долл., т. е. в 6,44 раза.

Одним из мощных средств стимулирования экспорта капитала из Китая стал запуск с конца 2013 года проекта «Один пояс – один путь» (ОПОП). Проект предусматривает создание глобальной транспортно-логистической инфраструктуры в десятках стран мира. По мере реализации он будет способствовать продвижению по всему миру китайских товаров и китайских интересов, в том числе продвижению китайских капиталов, за счет которых предполагается строительство объектов инфраструктуры и обслуживающих их предприятий.

Заметим, что в 2017 году наблюдалось падение абсолютных объемов вывоза китайского капитала, а в 2018 году, согласно предварительным оценкам, прирост был очень скромным. Возник какой-то сбой. Отчасти его можно объяснить тем, что во всем мире произошло замедление, даже сокращение экспорта и импорта капитала в форме прямых инвестиций. В первой половине 2018 года ЮНКТАД зафиксировала сокращение объемов прямых трансграничных инвестиций на 41 % по сравнению с первой половиной 2017 года. А в целом по итогам 2018 года, согласно предварительным оценкам, падение инвестиций составило около 20 %.

Более серьезным фактором сдерживания китайской экспансии инвестиций стал инвестиционный протекционизм Запада. Особенно он проявляется со стороны США. Америка несколько десятилетий была недосягаемым лидером по экспорту и импорту капитала. На конец 2017 года объем накопленных прямых инвестиций Китая за рубежом оценивался (округленно) в 1,5 трлн долл. Примерно таким же был объем накопленных прямых инвестиций нерезидентов в китайской экономике. А вот данные по США на тот же момент времени: американские накопленные прямые инвестиции за рубежом – 7,8 трлн долл.; накопленные прямые инвестиции иностранного происхождения в американской экономике – округленно 7,8 трлн долл. Примечательно, что активы от экспорта капитала за рубежом и активы от импорта капитала в собственной экономике у обеих стран примерно одинаковы, экспорт и импорт капитала сбалансированы. На конец 2017 года Китай отставал по обеим международным инвестиционным позициям от США примерно в пять раз. И тем не менее Вашингтон нервничает, ибо разрыв сокращается. Предпринимаются попытки сдержать приток китайских капиталов в экономику США. Власти США отклоняют заявки китайских инвесторов на покупку долей в американских компаниях или даже целых компаний, ссылаясь на соображения национальной безопасности. Или вспоминают об антимонопольном законодательстве, которое якобы может быть нарушено в случае сделок с участием китайских инвесторов.

Недавно консультативно-юридическая компания Baker & McKenzie совместно с исследовательской компанией Rhodium Group завершила исследование, которое показало, что прямые иностранные инвестиции КНР в Европу и Северную Америку в прошлом году составили всего 30 млрд долл. А в 2016 году они были равны 94 млрд, в 2017 году – 111 млрд долл. Падение за прошлый год по сравнению с позапрошлым составило 81 млрд долл. (на 73 %). Получается, что если в 2017 году из общего

китайского экспорта капитала в виде прямых инвестиций на Европу и Северную Америку приходилось 89 %, то в 2018 году эта доля упала до 23 %. Особенно резким было падение в США. Вот данные по объему китайских прямых инвестиций в американскую экономику (млрд долл.): 2016 г. – 45,6; 2017 г. – 29,0; 2018 г. – 5,0.

Падение за 2016–2018 гг. в 9 с лишним раз! Доля США в экспорте капитала из Китая упала с 36,6 % в 2017 году до менее 4 %. И США проявляют гораздо более жесткий протекционизм в отношении китайских инвестиций, чем китайских товаров.

Китайские инвестиции пытается сдерживать и Европа, но здесь нет столь ярко выраженного протекционизма. Прямые инвестиции Китая в Европу были равны (млрд долл.): 2016 г. – 46; 2017 г. – 80,0; 2018 г. – 22,5.

Основная часть инвестиций в 2017 г. пришлась на приобретение Syngenta (швейцарская компания, один из лидеров в области производства средств защиты растений и семеноводства) компанией ChemChina за 43 млрд долл. Без учета этой сделки китайские инвестиции в Европу в 2018 г. сократились лишь на 40 %. В то же время китайские инвестиции в прошлом году выросли в экономиках Франции, Германии, Испании, Швеции и ряда других европейских стран. В 2017–2018 гг. китайские инвестиции увеличились также в экономику Канады – с 1,5 млрд до 2,7 млрд долл.

Свои серьезные потери в экспорте капитала на направлении США и некоторые потери на направлении Европы Пекин стремится компенсировать за счет стран, вовлекаемых в проект ОПОП. За 2014–2018 гг. экспорт капитала в страны – участницы проекта ОПОП составил 588 млрд долл., в прочие страны – 524 млрд долл. То есть проект ОПОП оказывал мощное стимулирующее воздействие на экспорт капитала из Китая. В целом проект «Один пояс – один путь» обеспечил удвоение экспорта китайского капитала.

Американский институт предпринимательства составил список десяти ведущих по объемам полученных китайских инвестиций стран, участвующих в проекте ОПОП (инвестиции за период 2014–2018 гг., млрд долл.): Пакистан – 40; Нигерия – 31; Малайзия – 30; Сингапур – 28; Индонезия – 26; Российская Федерация – 24; Бангладеш – 23; ОАЭ – 21; Лаос – 18; Египет – 16.

А вот список ведущих получателей китайских инвестиций из тех стран, которые не участвуют в проекте ОПОП (инвестиции за период 2014–2018 гг., млрд долл.): США – 123; Великобритания – 62; Швейцария – 53; Австралия – 46; Германия – 36; Бразилия – 34; Италия – 21; Аргентина – 17; Финляндия – 16; Франция – 16.

То, что на первом месте в списке топ-10 пока находятся США, надо отнести на счет массированного притока китайского капитала в 2014–2016 гг. С приходом в Белый дом Дональда Трампа все изменилось. На пути китайских инвестиций в Америку загорелся красный свет. Лидерство в этой области может перейти к Великобритании, которая ведет переговоры с КНР об увеличении масштабов взаимного инвестиционного сотрудничества. Некоторые из «прочих» стран тоже могут перейти в категорию участвующих в проекте ОПОП. В первую очередь это Италия. Вице-премьер Италии Луиджи Ди Майо и председатель Госкомитета КНР по развитию и реформам Хэ Лифэн 23 марта в ходе официального визита председателя КНР Си Цзиньпина в Италию подписали меморандум о взаимопонимании в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь». Пекин не скрывает, что в ближайшее время планирует распространить проект ОПОП и на Латинскую Америку, рассчитывая, что Аргентина и Бразилия к проекту присоединятся.

Итак, в последние два года наращивание зарубежных инвестиций из Китая пробуксовывает. По данным Американского института предпринимательства, в 2018 году экспорт китайского капитала сократился очень существенно – на 36 % (в том числе в страны, участвующие в проекте ОПОП, – на 12 %; в прочие страны – на 54 %). Инвестиционный протекционизм – наряду с торговым протекционизмом – нарастает сейчас во всем мире. И на примере Китая это видно особенно явно. Причем в сфере противодействия китайским инвестициям Вашингтону удается добиваться большего, чем в сфере противодействия экспорту китайских товаров.

Возможно падение экономического развития Китая

Китайцы сохранили статус второй крупнейшей экономики мира, однако им необходимо 30 % роста ВВП в год для обслуживания долга.

«В 2018 году общий объем ВВП Китая превысил 90 триллионов юаней, что примерно на 8 триллионов больше, чем в 2017 году. Если считать по среднему курсу, то общий объем экономики Китая достиг 13,6 триллиона долларов, уверенно занимая второе место в мире», – заявил на брифинге Нин Цзичжэ.

Как известно, есть ложь, бесстыдная ложь и статистика. Но бывает еще одна градация – китайская статистика – нечто запредельное. Поэтому я никогда не запоминаю цифр и не пытаюсь использовать китайские данные для серьезного анализа. В Китае прослеживается четкая линия: сколько надо – столько и нарисуем. Я встречал работы, которые подвергали серьезному сомнению официальную китайскую статистику. Я согласен с ними, реальный рост ВВП Поднебесной составляет 2–3 %. Но не более. Не буду погружать читателя в детали статистической методологии, ибо это не очень интересно.

Мы живем второй реальностью – обсуждаем цифры и с трудом представляем, как ситуация реально выглядит в жизни. Я не исключаю падения экономического роста Китая. Между прочим, американцы прагматично подошли к проблеме «китайского чуда», повесив над территорией Китая несколько своих спутников, отслеживающих физические параметры китайской экономики, в частности, транспортные перевозки, тепловые излучения. Таким образом американцы измеряют реальную деловую активность Поднебесной. Космическая статистика США показывает, что в Китае не заметно позитивной динамики.

К сожалению, мы живем в сюрреалистическом мире. Я помню, как во времена моего студенчества, когда вторая реальность еще только зарождалась, нас призывали подкреплять цифры натуральными физическими показателями – потребление электроэнергии в промышленности и других отраслях экономики, грузоперевозки и так далее.

ВВП Китая можно считать по-разному, ведь приведенные цифры рассчитаны в долларах США по официальному валютному курсу. А еще существует паритет покупательской способности (ППС). А если учитывать, что китайский юань занижен, то ППС ВВП Китая будет существенно больше, чем в Америке, о чем там прекрасно знают. Китайцы – хитрецы, поэтому не выпячивают свои достижения, предпочитая оставаться на втором месте – им так выгоднее, даже в свете торговой войны. Лучше прикинуться отстающими, что бывает выгодным и полезным на переговорах.

Я не думаю, что китайская экономика по масштабу уступает Америке. ВВП США на 80 % состоит из пены – сектора услуг. А большая часть услуг представляет собой воздух, иногда отравленный.

Сопоставление ВВП различных государств – это серьезный вопрос.

Но почему китайцы так зациклены на экономическом росте? Им надо показывать, что рост составляет не меньше 7 %, а в этот раз – 6,6 %. Предлагаю вспомнить нашу собственную историю – Советский Союз развивался динамичнее всех стран Запада. У нас была плановая экономика, которая основывалась в том числе на показателях. Были сквозные показатели, начиная сверху, с Госплана, заканчивая предприятиями. В советское время в основном пользовались натуральными показателями, а переносные показатели играли вспомогательную роль.

Ныне деньги перестали выполнять функцию меры стоимости. Мы пребываем в зазеркалье и пытаемся о чем-то рассуждать. Вновь мы возвращаемся к необходимости натуральных показателей – определенное число пар обуви, метров ткани, гречи и хлеба.

Переносные показатели лукавы, ибо можно накручивать вал, устраивать повторный счет или обесценивать денежную единицу, создавая таким образом некую видимость экономического роста. Сегодня в мире нет нормальных денег.

Во время моего студенчества существовала Бреттон-Вудская система – валютно-финансовая мировая система, в которой существовали фиксированные валютные курсы, поэтому можно было более-менее заниматься международным сопоставлением экономик, а сегодня, когда все «плывет», можно доказать все что угодно. При желании и российскую экономику может представить самой крупной экономикой в мире. Я могу состряпать такую статистику за несколько шагов, но это будет обманом аудитории.

Для китайцев экономический рост – это идея фикс. У Поднебесной очень высокий уровень долга, не только абсолютный, но и относительный. По официальной китайской статистике, совокупный долг Китая составляет 300 % ВВП. А нужно еще принимать во внимание теневой банкинг, дающий 300 % долга. Итого – 600 % ВВП. Для обслуживания долга необходимо иметь 30 % роста ВВП в год. Долг постоянно растет. Мне трудно предположить, как китайцы управляют своим долгом – где-то по партийной линии вызывают директора завода и объявляют: все, дружочек! Мы тебя банкротим!

Экономический рост – от лукавого. В бытность моей учебы не было еще понятия экономического роста, ибо так остро не стояла проблема долга. А сегодня слово «рост» и «ростовщичество» являются однокоренными. Рост нужен для обслуживания долгов, а не для повышения жизненного уровня трудящихся.

Китайская система социального кредита – что это такое

В 2014 году Государственный совет КНР выпустил документ «О планировании строительства системы социального кредита (2014–2020)», ставший директивой построения цифрового общества. Главной целью системы социального кредита (ССК) является наведение в стране порядка. Порядок предполагается наводить посредством установления всеобщего контроля над гражданами, выставления им оценок и поощрения с помощью таких оценок к хорошему поведению. Контроль предполагается установить с помощью цифровых технологий, способных отслеживать каждый шаг, каждое слово человека, а в дальнейшем – и его мысли. Нечто подобное задумано и в других странах, но Китай здесь идет впереди.

Кто-то ссылается на традиции «восточного деспотизма» как особенность китайской цивилизации, но дело еще в том, что Китай достаточно хорошо подготовлен к внедрению ССК технически. Китайцы очень неплохо интегрированы в цифровой мир. На середину 2018 года число интернет-пользователей в Китае перевалило за 800 млн человек, это без малого 60 % численности населения КНР. А по отношению к численности взрослого населения – более 90 %. Более 569 млн человек в Китае совершают покупки онлайн. Обороты розничных продаж в Интернете за первое полугодие 2018 г. превысили 4 трлн юаней (594 млрд долл.). По части приобщения к электронным сервисам, платежам и расчетам китайцы дадут фору американцам и европейцам. Мобильные платежи в Китае на 90 % обеспечивают сервисы Alipay и WeChatPay – компании мирового калибра. Такой же компанией мирового калибра является Alibaba – крупнейшая платформа электронной торговли, которой пользуются 448 млн китайцев.

С технической точки зрения ССК будет представлять собой единый банк информации, отражающей разные стороны жизни граждан. Информация будет стекаться из государственных и частных организаций, в которых граждане оставляют свои электронные «следы», и обрабатываться с помощью технологий Big Data для получения интегрированного показателя по каждому гражданину. Любой китаец сможет узнать свою рейтинговую оценку. Ее будут также знать организации, с которыми данный гражданин будет вступать в контакт. И отношение к нему со стороны организаций будет зависеть от рейтинговой оценки. При низких оценках человек будет урезан во многих правах, ограничен в получении тех или иных услуг и т. п. При высоких оценках будет иметь преференции, льготы.

Некоторые наблюдатели полагают, что руководство КНР вводит систему социального кредита, опасаясь возникновения в стране социальной напряженности и общественных протестов. В Китае пока нет майданов (как на Украине) и «желтых жилетов» (как во Франции), но власти действуют с упреждением. Несмотря на официальную риторику о том, что страна строит «социализм с китайской спецификой», все понимают, что речь идет о «капитализме с китайской спецификой». В Китае появляется все больше миллионеров и миллиардеров, а в сельской местности царит бедность. На последнем партийном съезде была оглашена цифра: ниже черты бедности в стране живет 8 % населения. Социально-имущественная поляризация общества имеет тенденцию усиливаться. Китайские чиновники называют ССК проектом внутренней безопасности Китая. Вот как объясняет необходимость введения системы социального кредита председатель КНР Си Цзиньпин: «Для борьбы с острой проблемой недостатка доверия нужно крепко взяться за создание системы оценки надежности, покрывающей все общество. Нужно совершенствовать как механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан, так и механизмы наказания тех, кто нарушает закон и утратил доверие, чтобы человек просто не осмеливался, просто не мог потерять доверие».

Расходы на создание системы социального кредита велики; одних камер наружного наблюдения должно быть развешено по стране к 2020 году не менее 400 миллионов.

Сейчас проект ССК проходит испытания в нескольких десятках городов. Самым известным из них является Жунчэн (провинция Шаньдун) с населением 670 тысяч жителей. В этом городе единый информационный центр собирает данные из 142 учреждений, анализируя 160 тысяч параметров. С 1 мая 2018 г. система кнута и пряника здесь уже работает. По информации агентства Reuters, в мае 15 млн китайцев – 11 млн авиапассажиров и 4 млн путешествующих по высокоскоростной железной дороге – не смогли приобрести билеты или воспользоваться услугами транспорта. Они получили низкие оценки, и в базах данных транспортных компаний появились черные списки на 15 млн человек. Компании отказали им либо в перевозке, либо в приобретении билетов на места повышенной комфортности.

Каждый месяц китайские СМИ сообщают о каких-то новинках, относящихся к технической стороне проекта. Вот некоторые из них. Во всех концертных залах и иных местах массовых зрелищ с апреля действует оборудование, позволяющее выявлять среди зрителей лиц, разыскиваемых полицией. В течение нескольких месяцев уже выявлены и арестованы десятки подозреваемых.

С прошлого года Китай наладил массовое производство автомобилей с электродвигателями. В 2017 году их было выпущено 300 тысяч (больше размеров производства таких автомобилей в США). И все китайские электромобили снабжены устройствами, посылающими компетентным органам сведения о местонахождении автомобиля, его маршруте и скорости. Причем лишь один из десяти покупателей таких транспортных средств знает, что его автомобиль является «умным», то есть следит за своим хозяином.

А вот свежая предновогодняя новость. В десятке крупных компаний проводится финансируемый правительством эксперимент по отслеживанию деятельности мозга Neuro Cap. Сотрудникам компаний надевается на голову пластиковый шлем – устройство для отслеживания импульсов мозга с помощью датчиков. Импульсы пересылаются на центральный компьютер, там информация обрабатывается и выдает результаты, оценивающие такие параметры психического состояния человека, как усталость, депрессия, тревога, ярость. Кроме того, специальная камера отслеживает выражение лица, а датчики давления фиксируют степень физической активности. Пока речь идет о мониторинге эмоционально-психического состояния, но китайские ученые не

скрывают, что следующее поколение устройств постарается добраться до человеческих мыслей.

Не менее важным аспектом ССК является методика оценки поведения человека. Поначалу это напоминало западную систему оценки физического лица, используемую кредитными бюро: создается кредитная история гражданина, оценивается его способность выполнять свои обязательства перед банками при получении кредитов. Однако китайские разработчики пошли дальше. Было решено создать базу данных, отражающих не только финансовое положение человека, но и его поведение на работе, учебе, в общественных местах, по месту жительства, в семье. В круг пользователей такой информацией могут входить торговые учреждения, транспортные организации, фирмы по оказанию услуг и т. п. Государство будет добиваться, чтобы коммерческие организации подходили к своим клиентам дифференцированно, предоставляя скидки и иные льготы «правильным» гражданам и ограничивая доступ к услугам «провинившихся». Людей будут воспитывать с помощью дисконтов, бонусов, штрафов, а также жестких ограничений доступа к «рыночным благам».

В первую очередь пользователями таких баз данных будут правоохранительные органы, а также государственные ведомства при решении вопросов о принятии на работу и повышении в должности. Низкий рейтинг может стать основанием для увольнения. Система предполагает рейтинги и по физическим, и по юридическим лицам.

Уже сейчас возникает опасение, что при составлении рейтингов граждан будут учитываться не только поступки, но и убеждения. Любые критические заявления в адрес властей буду понижать оценку человека. Для сбора сведений об убеждениях человека будут использоваться не только публикации в СМИ, комментарии в социальных сетях, записанные на видео публичные выступления и т. п. Дополнительным источником может стать информация о взглядах человека, получаемая от третьих лиц. То есть система предусматривает доносительство. Сейчас спорят о том, может ли доноситель сохранять свою анонимность или он будет обязан себя раскрывать.

В США, конечно, обратили внимание на китайскую систему социального кредита. Так, бывший глава специального комитета Федеральной комиссии по связи США Анураг Лал выразил уверенность, что КНР превращается в «полицейское государство». В октябре 2018 года вице-президент США Майкл Пенс, выступая в Гудзоновском институте с программной речью, посвященной Китаю, заявил, что отношения между США и Китаем являются холодной войной. Прозвучала у Пенса и жесткая критика китайской системы социального кредита как разновидности цифровой диктатуры. Впрочем, «цифровой диктатурой» и «электронным концлагерем» проект ССК был назван еще раньше: в 2016 году так окрестил этот проект британский The Economist.

Многие журналисты сравнивают китайский проект ССК с моделью общества, изображенной в романе-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984». Роман вышел в свет 70 лет назад, там описано государство тотальной слежки, построенное на системе всеобщего доносительства и наблюдения за каждым человеком. Оруэлл предсказал создание электронного концлагеря. Прототипом, судя по всему, ему послужила Англия, но он не мог представить, что первый электронный концлагерь может быть построен в Китае – стране, которая семьдесят лет назад, казалось, навсегда отстала от Запада.

В Китае воплощается в жизнь антиутопия Джорджа Оруэлла

Прежде правительства не могли держать граждан под постоянным надзором. Когда изобрели печать, стало легче управлять общественным мнением; радио и кино позволили шагнуть в этом направлении еще дальше. А с развитием телевизионной техники, когда стало возможно вести прием и передачу одним аппаратом, частной жизни пришел конец. Каждого гражданина, по крайней мере каждого, кто по своей значительности заслуживает слежки, можно круглые сутки держать под полицейским наблюдением и круглые сутки питать официальной пропагандой, перекрыв все остальные каналы связи. Впервые появилась возможность добиться не только полного подчинения воле государства, но и полного единства мнений по всем вопросам.

Известный во всем мире роман Джорджа Оруэлла «1984» на нашем книжном рынке появился в начале 90-х годов. Я его прочитал примерно четверть века назад. В предисловии к книге было сказано, что роман написан в жанре антиутопии. Мне тогда показалось, что англичанин Оруэлл, писавший роман в первые послевоенные годы, «хватил через край». Признаков того, что он описал в романе, не было замечено ни в символическом 1984 году, ни в начале 90-х годов. Я мысленно оценил роман как «плод больной фантазии», и он почти полностью исчез из моей памяти. Но в начале нынешнего столетия признаки того общества будущего, которое было описано англичанином, неожиданно стали появляться то в одной, то в другой стране мира. В том числе и в России.

Стали воплощаться в жизнь предсказания Оруэлла о таком феномене индивидуального и общественного сознания, как «двоемыслие». В нашу жизнь ворвался так называемый «новояз», который воцарился как на верхних, так и на нижних этажах нашего общества. Наблюдая за многими российскими СМИ, я невольно вспоминаю фигурирующее в романе «1984» Министерство правды, в котором работал главный герой Уинстон Смит, занимавшийся переписыванием истории и приводивший ее в соответствие с последними установками правящей партии.

Необъяснимым образом наши граждане стали чувствовать присутствие в жизни общества «Большого Брата», хотя его никто не видел. Несмотря на постоянные мантры о демократии, исходящие от ведущих СМИ и политиков, все ощущают незримую диктатуру, которая, подобно бетонной плите, все жестче давит на каждого и на всех вместе. В Океании (так называлось государство, где разворачивались основные события романа) наблюдалась «железная» стратификация общества на сословия (группы, классы): высшее, среднее и низшее. Последнее было самым многочисленным, но при этом его члены имели статус изгоев. Разве мы не видим тенденции к такой стратификации российского общества сегодня?

В России, слава богу, не все из предсказанного Оруэллом сбылось. Но может сбыться, если мы будем беспечными. А вот в некоторых странах уже начинает сбываться. Все более явно проступают контуры тоталитарного режима с его системой слежки, контроля, управления поведением человека и даже проникновения в его мысли. У Оруэлла атрибутами и понятиями такого тоталитарного режима выступают «полиция мыслей», «телекран», «мыслепреступление», «двухминутки ненависти» и т. п.

То, что Оруэлл описал в своем романе, можно назвать «незримым концлагерем», основанном на использовании технических средств подслушивания и наблюдения, на поощрении стукачества, на взаимной слежке друг за другом, на использовании «детекторов лжи», нагнетании атмосферы страха, массовом оболванивании людей посредством печатных и электронных СМИ и т. п.

Сегодня жизнь человечества кардинальным образом меняется под влиянием таких технических новшеств, как компьютер, телекоммуникации, интернет, технологии обработки больших массивов данных (big data), криптовалюты, электронный банкинг, сотовая связь, «умные вещи», робототехника и т. п. Говорят, что мир вступает в так называемую «четвертую промышленную революцию», которая обещает человечеству «светлое будущее». Оно должно возникнуть в результате синергетического эффекта от соединения таких направлений технического прогресса, как цифровые технологии, нанотехнологии и биотехнология.

Якобы эти технологии сделают человека счастливым, поскольку обеспечат его едой и всеми необходимыми вещами, освободят от тяжелой работы (или вообще от работы), от недугов и болезней, продлят жизнь, а может быть, сделают его даже бессмертным. На почве этого «технологического оптимизма» возникло даже движение так называемого трансгуманизма, провозгласившее создание «нового человека», который станет «сверхчеловеком», «цифровым человеком», биороботом, соединением обычного homo sapiens и машины (компьютера), т. е. киборгом.

Однако такой оптимизм разделяют далеко не все. Большая часть экспертов полагает, что «четвертая промышленная революция» несет смертельные угрозы человечеству. Разговор о всем спектре этих угроз выходит далеко за рамки данной статьи. Затрону лишь одну – возможное создание на основе цифровых технологий электронного концлагеря. Наподобие того невидимого, но очень жесткого и жестокого концлагеря, который описан в романе Оруэлла «1984».

Об угрозе создания такого невидимого концлагеря в XXI веке стали говорить буквально на старте нового тысячелетия. События 11 сентября 2001 года привели к тому, что власти США получили моральное и юридическое (в виде закона Patriot Act) основание для организации тотальной слежки за населением Америки (и даже выборочного отслеживания «опасных лиц» за ее пределами). Для такой слежки, помимо всего, были задействованы новейшие технические средства (сотовая связь, интернет, видеонаблюдение).

Некоторые эксперты и футурологи предсказывали, что Америка станет первой страной, в которой будет выстроен электронный концлагерь. Другие говорили, что США могут опередить некоторые европейские страны, особенно небольшие. Например, Дания, Швеция или Ирландия. В силу того, что там численность населения несопоставимо меньше, чем в Америке. Да и

расслабленные и глупые европейцы (более чем другие народы) готовы обменять остатки свободы на дополнительный комфорт.

Но буквально два-три года назад выяснилось, что раньше всех электронный концлагерь может построить не Америка или Дания, а Китай. Для многих эта версия оказалась полной неожиданностью. Прежде всего по той причине, что в Поднебесной проживает без малого полтора миллиарда людей. Создать «электронный колпак» для такой уймы народа непросто. Особенно учитывая, что, согласно последним данным, на сельское население (которое сложнее оцифровывать) в Китае приходится 43 % всех жителей Поднебесной. К тому же Китай до последнего времени многие рассматривали как страну, которая в части, касающейся цифровых технологий, относится к «догоняющим» (лидером считались США, где сосредоточены такие признанные лидеры «цифрового» бизнеса, как Apple, Google, Facebook, IBM, Amazon, Microsoft и т. д.).

Однако Китай всех удивил. Удивил своей заявкой на создание в кратчайшие сроки системы тотального контроля полутoрамиллиардного населения страны. Ни для кого не секрет, что за вывеской «социализма с китайской спецификой» в Поднебесной осуществляется строительство «капитализма с китайской спецификой». Одна из главных специфических особенностей китайского капитализма – это то, что он не является чисто «рыночным» капитализмом. Он даже не «монополистический капитализм» типа того, какой существует в Старом и Новом свете. Это капитализм с очень жестким, централизованным регулированием со стороны государства. Если в Америке и Западной Европе «цифровая экономика» развивается под влиянием «невидимой руки» рынка, то в Китае ее развитием управляет рука Коммунистической партии Китая и Государственного совета КНР.

Впервые идея создания системы тотального контроля населения страны была озвучена в 2007 году предыдущим председателем КНР Ху Цзиньтао (руководил государством с 2002 по 2012 год). Тогда появился и термин «система социального кредита» (ССК), который сегодня вошел в обиход и стал привычным и понятным для любого взрослого китайца. Продолжил работу над проектом ССК новый председатель КНР Си Цзиньпин. В 2014 году Госсовет КНР обнародовал документ под названием «Программа создания системы социального кредита (2014–2020)». В середине декабря 2016 года Си Цзиньпин на заседании политбюро ЦК КПК заявил: «Для борьбы с острой проблемой недостатка доверия нужно крепко взяться за создание системы оценки надежности, покрывающей все общество. Нужно совершенствовать как механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан, так и механизмы наказания тех, кто нарушает закон и утратил доверие, чтобы человек просто не осмеливался, просто не мог потерять доверие».

Программа создания ССК предусматривает сбор информации и оценку как физических, так и юридических лиц Поднебесной. Что касается юридических лиц, то здесь Китай идет по стезе, проторенной Западом. Там еще в XX веке стали создаваться специализированные организации, получившие название «кредитные бюро». В них собирается информация о фирмах и других юридических лицах, которые получали кредиты или, по крайней мере, обращались за ними в банки. Сегодня кредитные бюро собирают информацию и о физических лицах, пользующихся кредитами. Такая информация нужна для оценок банковских клиентов, а оценки необходимы банкирам для того, чтобы принимать правильные решения по выдаче кредитов.

Те оценки (рейтинги) физических лиц (граждан Китая), которые предусматриваются программой ССК, существенно отличаются от оценок кредитных бюро. Оценки ССК являются очень широкими, охватывающими буквально все стороны жизни человека. Кроме того, они делаются не только в отношении тех физических лиц, которые вступают в какие-то отношения с банками, а охватывают все население. Буквально все – от мала до велика. От младенцев до глубоких стариков.

И назначение таких оценок иное. Они, конечно, могут использоваться и для решения банком вопроса о том, выдавать данному лицу кредит или не выдавать. И если выдавать, то на каких условиях (сумма, сроки, процентная ставка, обеспечение). Но пользователями рейтингов ССК в Китае может стать любой человек и любая организация, как государственная, так и частная. В Поднебесной действует железное правило: «Знай того, с кем ты общаешься».

Информация, на основе которой составляются рейтинги граждан, будет стекаться в единые центры обработки и хранения из самых разных учреждений и организаций: правоохранительных органов, органов муниципальной власти, банков, торговых и иных коммерческих организаций, операторов сотовой связи, интернет-компаний и т. д. Никого в Китае особо не смущает, что программа ССК полностью нарушает права человека в части, касающейся личной и семейной тайны.

Пока имплантации микрочипов в тело хронически «неправильных» граждан программа ССК не предусматривает. Но зато дополнительным источником информации может стать быстро и широко раскидываемая по всей стране сеть камер видеонаблюдения. Кажется, Китай опередил Запад по части технологий, которые позволяют идентифицировать человека даже в толпе. Перемещение и поведение «неправильных» граждан будет дополнительно (помимо полиции) контролироваться видеокамерами.

Предусматриваемые программой ССК оценки, по замыслу партийно-государственных деятелей Китая, должны прямо или косвенно влиять на все стороны жизни китайского гражданина. Рейтинги призваны регулировать доступ граждан к государственной службе, общественным и коммерческим услугам, также регулировать вопросы трудоустройства, передвижения, мест проживания и многое другое. Подобные оценки в государственных документах называются «рейтингами доверия». Рейтинги будут публиковаться в централизованной базе данных в интернете в свободном доступе.

По замыслу КПК и Госсовета, рейтинги доверия должны помочь партии и государству воспитывать «правильного» гражданина. «Правильные» китайцы будут иметь высокие оценки, дающие им преференции во всех сферах жизни. А «неправильные» граждане с низкими рейтингами будут наказываться путем ограничений и запретов на пользование теми или иными благами. Вот некоторые ограничения и санкции для «неправильных» граждан: запрет на работу в госучреждениях; отказ в

соцобеспечении; особо тщательный досмотр на таможне; запрет на занятие руководящих должностей в пищевой и фармацевтической промышленности; отказ в авиабилетах и спальном месте в ночных поездах; отказ в местах в люксовых гостиницах и ресторанах; запрет на обучение детей в дорогих частных школах.

Это далеко не полный список ожидающих нарушителей правил игры наказаний. Если говорить о таком аспекте жизни человека, как пользование кредитами, то для «проштрафившегося» китайца может быть полностью закрыт доступ к кредитам. Либо же для них будет предусмотрена повышенная процентная ставка и особые (более жесткие) условиях обеспечения кредита.

Поступающая в единый центр информация будет накапливаться и обрабатывается с помощью технологии big data. На выходе получается персональный рейтинг китайца. Рейтинги каждого китайца будут меняться в режиме online. Базовый рейтинг, равный 1000 баллов, будет присваиваться каждому попадающему в систему гражданину. Когда ССК заработает на полную мощность, то его будет получать каждый только что родившийся младенец. В момент смерти каждый китаец также будет иметь рейтинг, от которого, кстати, будет зависеть, как человека проводят в последний путь.

Рейтинговые маркировки граждан будут примерно такими же, какими сегодня пользуются мировые рейтинговые агентства Standard & Poors, Moody's, Fitch, оценивающие финансовое положение государств. Если у человека рейтинг выше 1050 баллов, то он маркируется как ААА. При 1000 баллов – АА. А если у человека менее 900 баллов, то его переводят в группу В. Если рейтинг опускается ниже 849 баллов, то человеку присваивают знак С.

«Кончеными» людьми оказываются те, у которых рейтинг ниже 599 баллов. Это изгои общества, которые получают клеймо в виде буквы D. Таким людям не дадут кредитов, не продадут билета на самолет, не примут на многие виды работы (скажем, они не могут работать даже как водители такси). Без залога они не смогут получить в аренду ни автомобиля, ни даже велосипеда.

Примечательно, что на рейтинговые оценки китайца могут влиять не только «правильные» и «неправильные» поступки, но и его бездействие. Партия хочет, чтобы китайский гражданин занимал «активную жизненную позицию». Это значит, что он должен помогать партии и государству выявлять факты «неправильного» поведения людей из своего окружения. Иначе говоря, он должен «стучать» на соседей, на коллег по работе, на друзей и родственников. И такая «активная жизненная позиция» будет поощряться дополнительными баллами. А если выяснится, что гражданин знал и молчал, то его следует причислить к «соучастникам» и «попустителям», а таковые заслуживают штрафов и ограничений прав.

Программа ССК уже проходит обкатку в нескольких десятках городов Китая. Одним из часто упоминаемых в китайских СМИ является город Жунчэн в провинции Шаньдун. В указанном городе единый информационный центр собирает данные по всем его жителям (670 тысяч человек) из 142 учреждений, всего анализируется 160 тысяч различных параметров.

С 1 мая 2018 года программа ССК вступила в новую фазу. Введена в действие первая серия штрафов и преференций для граждан, получивших «рейтинги доверия». Так, китайцы, получившие клеймо в виде буквы D, лишились доступа к самолетам и комфортабельным скорым поездам.

Наблюдая за ходом реализации программы ССК, я почему-то вспоминаю пресловутую «культурную революцию», которая проходила в Поднебесной во второй половине 1960-х годов. Она унесла миллионы человеческих жизней и нанесла очень серьезный урон Китаю. Программа ССК мне напоминает еще одну «культурную революцию». Не знаю, унесет ли она человеческие жизни или нет, но то, что она может превратить Китай в большой концлагерь в духе Джорджа Оруэлла, очень даже вероятно.

Впрочем, тоталитаризм – неотъемлемая часть китайской цивилизации. Вероятно, для китайцев это – modus vivendi. Намного неприятнее то, что китайская культурная цифровая революция может перекинуться на другие страны. Где цифровой тоталитаризм будет самой настоящей катастрофой для народов этих стран.

Китай превращается в электронный концлагерь

После финансового кризиса 2008–2009 гг. денежные власти многих стран взяли курс на вытеснение наличных денег и переход в перспективе к полностью безналичному денежному обращению.

Многие центробанки для преодоления последствий кризиса стали понижать ключевые ставки до минимальных значений, а некоторые даже до нуля и отрицательных значений. Так, у ЕЦБ ключевая ставка находится сейчас на нулевой отметке, у центробанков Швеции, Швейцарии, Японии – ниже нуля. Процентные ставки коммерческих банков тоже падают. Долгое пребывание банков в «нулевой» или «отрицательной» зонах для них смертельно опасно: вкладчики начинают расставаться с банками. Это одна из причин, подталкивающая банкиров к борьбе с наличными деньгами. Переход к стопроцентному безналу, по их мнению, отрежет клиентам путь к бегству из банков и позволит сохранить банковскую систему, которая выстраивалась столетиями.

Недавно международная компания G4S со штаб-квартирой в Лондоне опубликовала доклад World Cash Report 2018. Это обзор состояния мира наличных денег в 47 странах всех континентов за период 2011–2016 гг. В докладе выделены десять стран, достигшие наибольших успехов в движении к безналу (топ-10). Это Швеция, Новая Зеландия, Южная Корея, Австралия, Канада, США, Великобритания, Нидерланды, Бельгия, Франция.

«Десятку» определили с помощью ряда показателей: величина наличной денежной массы по отношению к ВВП; количество банкоматов и объем наличной денежной массы, снимаемой через банкоматы, по отношению к ВВП; число платежных и расчетных операций с использованием банковских карт; количество POS-терминалов (электронных устройств для приема к оплате платежных карт в магазинах, на транспорте, в учреждениях). Использовались также результаты социологических опросов, оценивающих, какую часть платежно-расчетных операций люди осуществляют с помощью наличных денег, а какую – безналичным способом (опросы проводились в 24 странах).

Швеция в топ-10 существенно опережает другие страны. У нее наличная денежная масса по отношению к ВВП в 2016 году составляла всего 1,4 %. У Новой Зеландии (второе место в рейтинге) показатель был равен 2,0 %. А у Франции, замыкающей топ-10, – 9,4 %. У всех стран, входящих в топ-10, доступ к банковским счетам имело более 90 процентов взрослого населения (старше 15 лет), в Швеции – 99,7 %.

Доля платежно-расчетных операций с использованием наличных денег у граждан Швеции составила 20 %, остальные 80 % – безналичные операции. Это второй показатель после Южной Кореи, у которой доля операций с помощью наличных денег была всего 14 %. А, скажем, у Бельгии и Франции, замыкающих топ-10, этот показатель равен 63 и 68 % соответственно. По количеству POS-терминалов в расчете на 100 тыс. жителей Швеция оказалась на седьмом месте – 2599. А первое место у США – 4325.

По совокупности показателей Швеция в области распространения безнала оказывается впереди планеты всей. В Стокгольме не более 20 процентов торговых точек принимают к оплате наличность. Клиентам предлагается пользоваться банковскими картами или смартфонами со специальными приложениями мобильного банкинга. В стране уже немало банков и банковских отделений, где вообще не используется наличность, все переведено на «цифру». Неподготовленные туристы, попадающие в Швецию, порой сталкиваются с непривычными ситуациями, а на человека, пытающегося расплатиться наличными деньгами в ресторане или магазине, могут посмотреть как на ненормального или преступника.

В мае 2018 года Центробанк Швеции заявлял, что полный отказ от наличных денег произойдет к 2030 году, но к декабрю планы были форсированы: отказ от наличности теперь ожидается через 3–5 лет.

Швеция считается первопроходцем в мир безнала, но вот что удивительно: среди лидеров в построении безналичного общества нет Китая. Между тем роль наличных денег там быстро снижается. Если в 2011 году доля наличной денежной массы в ВВП Китая составляла 10,8 %, то в 2016 году она сократилась до 9,5 %. За период 2012–2016 гг. количество эмитированных банковских карт в Китае выросло на 80 %, количество POS-терминалов – в 3,6 раза. Количество банковских карт в Китае в расчете на одного жителя – 4,2. Для сравнения: в России этот показатель 1,8. Количество POS-терминалов в Китае в 2016 году составило 1,8 тыс. в расчете на 100 тыс. жителей; в России – 1,2 тыс. Обеспеченность Китая POS-терминалами сопоставима с такими странами, как Бельгия (1,7 тыс.) и Франция (2,2 тыс.).

Знакомство с рядом источников позволяет предположить, что Китай уже сегодня живет почти в безналичном мире.

При этом в сравнении со многими странами банковская инфраструктура Китая выглядит скромной. Так, в 2016 году на 100 тыс. населения в Китае приходилось лишь 17 банковских отделений (офисов). Для сравнения: в России этот показатель – 52, в Южной Корее – 35. А вот обеспеченность населения банкоматами: в Китае на 100 тыс. населения приходилось в 2016 году примерно 70 банкоматов, в России этот показатель превышал 140, а в Южной Корее – 240 банкоматов.

Анализ денежного мира Китая показывает, что банковские карты, популярные на Западе и в России, в этой азиатской стране не очень прижились. Банковская карта – такой инструмент, который позволяет прибегать как к наличным деньгам (через банкомат), так и к безналичным расчетам (через POS-терминалы). Китай проскочил эту стадию, сразу приступив к развитию мобильного банкинга, который полностью «освобождает» человека от наличных денег. Основным инструментом проведения мобильных платежей является мобильный телефон, оснащенный специальными приложениями.

Мобильные платежи в Китае осуществляются с помощью двух основных сервисов (приложений) – WeChat Pay и Alipay. Первый из них принадлежит технологическому гиганту Tencent, второй – всемирно известной компании Alibaba. Больше на китайском рынке услуг мобильных платежей никого нет. Эти две компании жестко конкурируют, их сервисами пользуются абсолютно все: от модных ресторанов и гигантских супермаркетов и торговых центров до уличных торговцев, таксистов и даже просящих милостыню. Любой человек, претендующий на получение денег владельца мобильного телефона со специальным приложением, сообщает свой QR-код (QR – quick response). Владелец мобильного телефона может также отобразить на POS-терминале свой персональный код для перечисления денег со счета на счет. В магазинах, ресторанах, на улицах можно видеть таблички с QR-кодом потенциального получателя денег; код можно сфотографировать на мобильный телефон, затем отравить нужную сумму на счет того, кто выставил табличку.

Цифры, характеризующие масштабы платежей, совершаемых с помощью мобильного банкинга, измеряются триллионами долларов в год. Это сопоставимо с величиной ВВП Китая. По масштабам мобильных платежей Китай вне конкуренции. США и Западная Европа имеют обороты примерно на два порядка меньшие. По данным китайской компании iResearch Consulting Group, в 2016 году в Китае было проведено денежных операций с помощью мобильных приложений на 9 трлн долл. В США объем таких платежей в том же году составил лишь 112 млрд долл. (в 80 раз меньше).

Мобильными приложениями для проведения безналичных операций сегодня вооружено почти все взрослое население Китая. Число активных пользователей WeChat Pay оценивается в 900 миллионов. У конкурирующего сервиса Alipay насчитывается 500 миллионов пользователей. Итого 1,4 млрд пользователей, что примерно соответствует численности населения Китая. За несколькими пользователями иногда может стоять один человек, но в целом большая часть взрослого населения охвачена мобильным банкингом.

Подавляющая часть пользователей сервисов WeChat Pay и Alipay – граждане КНР. Из западных сервисов мобильных платежей наиболее известен Apple Pay, предустановленный на всех iPhone, но число пользователей этого сервиса всего 127 миллионов, и они распределены по всему миру.

Согласно одному из социологических опросов, 92 % респондентов в крупнейших городах Китая отметили, что сервисы WeChat Pay и Alipay являются для них основным способом оплаты. А авторы доклада World Cash Report 2018, ссылаясь на социологов, утверждают, что 84 % опрошенных китайцев готовы хоть завтра начать жить в обществе, где наличных денег нет вообще.

Alibaba и Tencent – два гиганта, захватившие мобильную связь, обеспечивающие общение людей через интернет (различные мессенджеры), а теперь еще и денежные сделки с помощью мобильного банкинга. В их руках сосредоточен гигантский массив информации обо всех взрослых, живущих в Китае. Данные о мобильных платежах позволяют этим гигантам составить детализированный профиль каждого пользователя. Alibaba и Tencent могут создавать (и создают) новые мобильные приложения, через которые продвигаются товары и услуги. Например, система фиксирует оплату детского питания смартфоном в магазине – и Alibaba (или Tencent) начинает направлять клиенту рекламу детских товаров, которые можно купить с помощью специального приложения.

Сегодня государство в Китае развивает так называемую систему социального кредита, которая аккумулирует информацию о каждом человеке. На основе этой информации составляется профиль человека, и ему выставляется «рейтинг», определяющий место человека в социальной иерархии со всеми вытекающими последствиями. К созданию этой системы привлечены и такие компании, как Alibaba и Tencent, которые собирают информацию о гражданах через приложения WeChat Pay и Alipay. Впрочем, эта сторона деятельности компаний, накрывших всю страну системой мобильных платежей, китайцев почему-то мало волнует. Может быть, это и есть главная причина головокружительных успехов Китая в построении безналичного общества. Европа здесь более консервативна. Многие европейцы резонно опасаются, что полный отказ от наличных денег будет означать завершение построения электронного концлагеря.

Китай не сумеет стать державой номер один

Есть ли у нас понимание того, что такое современный Китай? Его называют социалистическим государством, и сам он себя так называет. На XIX съезде КПК осенью прошлого года и на Всекитайском съезде народных представителей в марте этого года многократно повторялось, что в стране продолжится строительство социализма с китайской спецификой. Но никакого социализма в КНР нет. Есть уже достаточно развитый капитализм с китайской спецификой. Я бы даже сказал: империализм с китайской спецификой.

Чуть более ста лет назад Ленин написал свою работу «Империализм как высшая стадия капитализма», и те, кто учился в советское время, помнят описанные в ней пять признаков империализма. Напомню, что третьим экономическим признаком империализма является следующий: экспорт капитала становится преобладающим по сравнению с экспортом товара. Мне кажется, что китайский империализм сегодня уже достиг того момента, когда на первое место выходит экспорт капитала по сравнению с экспортом товаров. Может быть, это еще не очень заметно, но налицо признаки, которые свидетельствуют о такой переориентации Китая. Скажем, КНР уже не стремится занижать курс национальной денежной единицы, как это делалось раньше для стимулирования экспорта товаров. В прошлом году и в первом квартале текущего года курс юаня был растущим по отношению к американской валюте.

Некоторые считают, что это – конъюнктурный шаг, но я присматриваюсь к юаню и думаю, что это может быть достаточно долгосрочный тренд. Растущий курс китайской национальной валюты нужен как раз для того, чтобы экспортировать капитал. Я не исключаю, что Китай даже выполнит обещание, озвученное вице-премьером госсовета КНР Лю Хэ в Вашингтоне, о готовности Китая сократить активное сальдо торгового баланса с Соединенными Штатами на двести миллиардов долларов. Но все это делается ради того, чтобы получить какие-то уступки для доступа на американский рынок капитала. Потому что после того, как в Белый дом пришел Дональд Трамп, сделки китайских компаний по приобретению крупных американских активов не раз срывались. В Америке действует специальная комиссия по иностранным инвестициям, которая выносит вердикты о том, что, мол, данная сделка нецелесообразна или даже вредна с точки зрения экономической и военной безопасности Соединенных Штатов Америки. (Вот бы и в Российской Федерации создать такую комиссию для того, чтобы остановить мутный поток иностранного капитала в страну!) Мне кажется, что Китай именно на это будет делать ставку, и с учетом этого мы и должны рассматривать дальнейшее обострение американо-китайских отношений. Я не постесняюсь назвать их межимпериалистическим конфликтом…

Можно вспомнить и пятый признак, приведенный Лениным в его работе: заканчивается территориальный раздел мира, начинается территориальный передел. Китай сегодня пытается закрепиться в разных точках мира, например в Венесуэле. Эта страна находится в сложном положении, но КНР ей помогает, идет навстречу. И это все ради того, чтобы в конце концов закрепиться в Латинской Америке. Или взять тот же самый Иран. Вашингтон вышел из соглашения по иранской ядерной программе и пригрозил европейским странам в случае продолжения сотрудничества в Ираном наказать их вторичными санкциями. Европейские страны напряглись. Но удивительно, что в отношении Китая Вашингтон никаких угроз не озвучивал. Китай ведь сотрудничал с Ираном и до заключения соглашения по ядерной программе в 2015 году. У этих двух стран есть определенное ноу-хау, как обходить американские санкции. Китай реализует свой проект Нового Шелкового пути, и Иран не в последнюю очередь входит в сферу влияния этого проекта. То есть идет незримая борьба за территориальный передел мира между двумя империалистическими державами – США и КНР. Думаю, Вашингтон через финансовую разведку доберется до Китая. И тут, конечно, большую роль могут сыграть так называемые вторичные санкции. Известно, что Китай поддержал санкции против КНДР, одобренные Совбезом ООН, но категорически отказывается выполнять введенные США в отношении Северной Кореи односторонние санкции. Но у Соединенных Штатов есть доллар, есть банковская система, через которую проходят долларовые транзакции, и некоторые китайские банки уже наказывались за нарушение санкций в отношении КНДР.

Не исключаю, что, если произойдет какое-то обострение ситуации, могут быть введены и первичные санкции против Пекина. Некоторые американские политики уже говорили о необходимости или по крайней мере возможности введения прямых санкций против Китая, поскольку там «нарушаются права человека». Часто вспоминаются жители Тибета, которые якобы являются жертвами китайского тоталитаризма. Как говорится, Китай есть, а повод для санкций всегда найдется. Думаю, что центр тяжести китайско-американских противоречий перейдет в сферу инвестиций.

Если все-таки Китай возьмет курс на экспорт капитала, то ему слабый юань не будет нужен. Пекин провозгласил лозунг интернационализации юаня. За этим скрывается более серьезная вещь, а именно продвижение китайского капитала по всему миру. Интернационализация юаня и продвижение капитала возможно только при стабильном, а еще лучше – растущем курсе юаня. Если же начнется падение курса юаня, значит, Китай точно возвращается в старую колею. Еще во время своей предвыборной кампании Трамп пригрозил, что, если юань будет продолжать занижаться, будут предприняты необходимые защитные меры, в частности, будут вводиться демпинговые пошлины. В любом случае и тот и другой вариант поведения Китая вызовет резкую реакцию Вашингтона.

Думаю, КНР не сумеет стать державой номер один. Китай, безусловно, – не Америка. Соединенные Штаты имеют историю два с половиной века, Китай – это цивилизация, страна с многотысячелетней культурой, историей, китайцы не очень хорошие империалисты – такая психология. Сейчас у них амбиции-то большие, но Китай – это некая срединная империя, которая предпочитает, чтобы все вокруг нее собирались. А как это может произойти? Пекин, безусловно, не рассчитывает на использование военной силы. Поэтому вокруг Китая могут собираться в двух случаях: либо эта страна богатая, либо у нее есть какая-то идея, которая вдохновит другие народы. Скажем, русская цивилизация может вдохновить другие народы какой-то сверхидеей. У КНР такой идеи нет. Поэтому не думаю, что Китай сможет повторить «подвиг» Америки, которая сумела

провести две торговые войны, убедить весь мир в том, что доллар – это лучшая валюта, а главное, раскидать по всему миру сотни военных баз и обеспечивать военной силой свою американскую валюту. Это слишком неподъемно для Китая, поэтому особых козырей я не вижу. Может быть, я кого-то шокирую своими оценками. Но я помню, к примеру, время, когда мир наблюдал «японское чудо», и все говорили, что зарождается конкурент Америке. Но этот «конкурент» сдулся в 1985 году после заключения соглашения «Плаза» (названо так в честь отеля, где произошла встреча участников) между пятью странами: США, Великобританией, Францией, ФРГ и Японией с целью девальвации доллара. Национальный банк Японии был вынужден повысить курс своей валюты, и на этом «японское чудо» закончилось. После этого Япония подняться уже не смогла. Да, конечно, Китай помасштабнее, период роста более длительный, чем у Японии. Но, как и Япония, Китай не сумеет стать действительно глобальной державой.

Конкурентом Америке может быть, а доминирующей державой, устанавливающей моноцентрический порядок в мире, – нет.

Российско-китайская дружба, скрепленная долларом

Банк России опубликовал данные об использовании основных видов валют в расчетах по внешней торговле Российской Федерации за 2017 год. Такую статистику Центробанк ведет начиная с 2013 года. В валютной выручке от российского экспорта товаров доля отдельных валют составила в прошлом году (%): российский рубль – 14,3; доллар США – 68,2; евро – 15,6; прочие валюты – 1,9. Для сравнения отмечу, что в 2013 году эти показатели были равны соответственно: 10,2; 79,6; 9,1; 1,1.

В валютных перечислениях за импорт товаров доля отдельных валют в прошлом году составила (%): российский рубль – 30,7; доллар США – 36,3; евро – 30,1; прочие валюты – 2,9. В 2013 году эти показатели имели соответственно следующие значения: 28,0; 40,6; 29,9; 1,5.

Со скрипом, но выдавливание доллара США из расчетов по внешней торговле происходит. Хотя до сих пор доллар США занимает первое место в расчетах как по экспорту, так и импорту. Особенно по экспорту – почти 4/5. Это отчасти обусловлено тем, что в экспорте России основное место занимают нефть и природный газ, по которым на мировом рынке расчеты ведутся почти исключительно в «зеленой» валюте. Понятно, что сегодня в международной торговле большинство участников привыкло работать с долларом или евро. Но уж никак – с российским рублем. Несмотря на многочисленные декларации государственных и политических деятелей разных стран о необходимости дедолларизации международных расчетов, доллар США сохраняет доминирующие позиции.

Согласно данным системы СВИФТ, в декабре 2017 года доля доллара США в расчетах, проходивших через указанную систему, составила 39,89 %. Далее следовали (%): евро – 35,66; британский фунт стерлингов – 7,07; японская иена – 2,96; китайский юань – 1,61. А если брать только трансграничные расчетные операции, то доля доллара США была даже выше – 41,27 %. А доля юаня, например, наоборот, меньше – 0,98 %.

Понятно, что с некоторыми странами России вести переговоры о переходе на расчеты в валютах, отличных от доллара США, достаточно сложно или даже невозможно по причинам как финансово-коммерческого, так и политического характера. Но ведь есть страны, которые не только провозглашают необходимость эмансипации от «зеленой» валюты, но даже имеют для этого неплохие предпосылки. В первую очередь я имею в виду Китай, который некоторые считают главной в мире силой борьбы с Америкой как «мировым злом» и с долларом США как инструментом этого «зла». Уж, кажется, кому, как не России и Китаю, объединиться для такой борьбы. И начать эту борьбу с самого простого и очевидного – с изгнания «зеленой» валюты из взаимных расчетов.

Некоторое снижение доли доллара США в расчетах России и Китая было, но оно не было радикальным. А ведь в эти годы (2013–2017 гг.) обе страны делали очень много заявлений о решимости полностью эмансипироваться от американской валюты и перейти на расчеты в национальных денежных единицах – рубле и юане. Китай в эти годы добился получения юанем статуса резервной валюты (юань был включен к «корзину СДР» Международного валютного фонда), после чего Пекин громко заявил о курсе на «интернационализацию юаня». России уход от доллара необходим, помимо всего, по причине действующих против нее экономических санкций Вашингтона и его ближайших союзников.

Увы, мы видим, что доллар США по итогам прошлого года составил почти 4/5 по экспорту и 3/4 по импорту. Это даже намного больше, чем доля доллара в расчетах по внешней торговле России со всеми странами мира (см. выше). Реальной дедолларизации валютных отношений двух стран не произошло. Доля доллара США во взаимных расчетах может рассматриваться как своеобразная «лакмусовая бумажка» того, насколько две страны действительно готовы объединить свои силы для борьбы с «американским злом».

Примечательно, что валютная картина расчетов между Россией и Индией выглядит более привлекательно. В поступлениях от экспорта российских товаров в Индию доля рубля по итогам 2017 года была равна 20,5 %, доля доллара США – 75,6 %. В перечислениях по импорту товаров из Индии доля рубля составила 21,6 %, а доля доллара США – 66,4 %. А ведь, замечу, Москва и Дели не делали громких заявлений о дедолларизации и переходе к расчетам в национальных валютах. Более 1/5 торговли в российских рублях – весьма неплохой показатель на фоне российско-китайских валютных расчетов…

По некоторым признакам можно заключить, что в расчетах между Россией и Китаем складывается валютная асимметрия. Я имею в виду, что масштабы применения китайского юаня существенно (а по импорту – в несколько раз) превышают масштабы использования российского рубля. Пока реальной угрозы гегемонии юаня в расчетах между двумя странами нет. Но потенциально (учитывая амбиции Пекина) она существует. Одним из преимуществ юаня по сравнению с российским рублем является то, что Народный банк Китая более жестко контролирует валютный курс своей национальной денежной единицы. В то же время Банк России с 2014 года отпустил рубль в «свободное плавание».

Кто же захочет пользоваться валютой, которая имеет высокую волатильность и даже имеет шанс в любой момент обвалиться?

Увы, опять приходится приходить к неутешительному заключению: Банк России ведет подрывную работу против российского рубля и делает его «неконкурентоспособным» по сравнению с юанем и многими другими валютами.

Международные резервы России

В свежем обзоре за 2018 год представлены результаты управления активами за период с июля 2017 года по июнь 2018 года. За указанный год активы выросли с 417,8 до 450,1 млрд долл., то есть на 40,4 млрд долл. И тут никаких сюрпризов не было. Банк России продолжал неуклонно двигаться к заветной планке в 500 млрд долл. Такая цель была поставлена руководством Центробанка, правда, смысл этой цели нам так и не расшифровали. Походя скажу, что, согласно последним данным Банка России, 11 января текущего года активы уже выросли до 472,6 млрд долл. Если экстраполировать тенденции прошедшего года, то, вероятно, к концу лета 2019 года Банк России сможет выйти на заветный уровень.

Но сейчас разговор не о количественной, а о качественной стороне вопроса. В указанном обзоре обнаруживается много нового и достаточно неожиданного в части, касающейся структуры активов. Вот об этом и поговорим подробнее.

Достаточно заметно изменилась структура активов по видам финансовых инструментов. На протяжении многих лет основным инструментом были иностранные государственные ценные бумаги, преимущественно казначейские облигации. Еще в середине 2017 года на указанные бумаги приходилось 52,3 % всех золотовалютных активов Банка России, а к середине 2018 года их доля упала до 39,5 %. Одновременно очень значительно выросла доля второго по значимости финансового инструмента – валютных депозитов в иностранных банках – с 18,6 до 28,6 %. Напомню, что в 1990-е годы основная часть золотовалютных резервов размещалась именно на валютных депозитах зарубежных банков, а государственные ценные бумаги вышли на первое место лишь в начале нулевых годов. Некоторый прирост долей за указанный период наблюдался по таким финансовым инструментам, как золото (с 16,1 до 16,7 %), негосударственные ценные бумаги иностранных эмитентов (с 7,7 до 8,3 %), ценные бумаги международных организаций (с 2,6 до 4,8 %).

Валюты

Крайне резким было изменение структуры активов и по видам валют, в которых номинированы финансовые инструменты. При этом следует обратить внимание, что резкое изменение произошло в пределах одного, а именно второго квартала 2018 года. Как известно, на протяжении всего периода существования Банка России основной валютой международных резервов был доллар США. В отдельные годы его доля доходила до 50 процентов и даже выше. На середину 2017 года доля доллара в золотовалютных резервах Банка России составляла 46,3 %. По всем меркам это очень высокий показатель – учитывая, что с 2014 года США вводили все новые и новые экономические санкции против России. Всегда сохранялся риск, что долларовая часть резервов в любой момент может быть заморожена. Еще в конце первого квартала 2018 года доля доллара США оставалась высокой – 43,7 %. И вот неожиданно во втором квартале произошло очень резкое снижение этого показателя. На середину 2018 года доля доллара США составила всего лишь 21,9 %. Падение доли доллара было компенсировано повышением доли евро с 25,1 в середине 2017 года до 32,0 % в середине 2018 года.

Но, наверное, не меньшей сенсацией, чем резкое снижение доли доллара США, стали данные по доле китайского юаня. Если в середине 2017 года на него приходилось всего 0,1 % всех резервов, то в середине 2018 года доля выросла до 14,7 %. Таким образом, на середину 2018 года китайский юань занял третье место среди валют, составляющих резервы РФ (после евро и доллара США). Судя по косвенным данным, во второй половине 2018 года наращивание валютных резервов в юанях продолжилось.

Очень существенные изменения произошли в географической структуре резервов России. Банк России рассчитывает доли отдельных стран по признаку принадлежности эмитента финансового инструмента к той или иной юрисдикции. Между валютной и географической структурами есть, безусловно, определенная зависимость, но не прямая. Например, Банк России может размещать доллары США на депозитах иностранного банка, при этом страновая принадлежность таких активов Центробанка России будет определяться юрисдикцией, в которой «прописан» такой банк. Например, это может быть английский банк. И долларовые активы с географической точки зрения будут определены как размещенные в Великобритании.

На протяжении многих лет главной страной, где Банк России размещал свои валютные резервы, были США. На середину 2017 года на США приходилось 32,5 % всех золотовалютных резервов России (на втором месте находилась сама Россия – золотые резервы размещались на ее территории; далее следовали Франция, Германия, Великобритания). В конце первого квартала прошлого года доля США несколько снизилась, но все еще США с большим отрывом лидировали – 29,4 %. И вот на середину 2018 года доля США «провалилась» до 9,6 %. Во втором квартале, таким образом, Банк России проделал очень резкий маневр. США откатились аж на пятое место после России (доля активов на территории нашей страны составила 16,9 %), Франции (15,5 %), Германии (12,7 %), Китая (11,7 %).

Обращу внимание, что еще в середине 2017 года доля Китая была микроскопической – 0,1 %. В конце первого квартала 2018 года она поднялась до 4,8 %. И вот в середине 2018 года Китай по доле валютных резервов (без золота) оказался на третьем месте после Франции и Германии. Можно ожидать, что в 2019 году при сохранении тенденций предшествующего периода Китай выйдет на первое место.

Итак, мы наблюдаем стремительное замещение доллара США китайским юанем. В условиях экономических санкций Вашингтона это логично. Наверное, это замещение было оправданным и соображениями финансово-коммерческого характера. По данным Банка России, за период с середины 2017 до середины 2018 года доходность активов в долларах США была равна

лишь 0,35 %, доходность евро составила минус 0,17 % (то есть имели место потери), а доходность активов в юанях была по любым меркам очень высокой – 3,2 %.

Но все-таки за деревьями надо видеть лес. А именно следует ответить на ключевой вопрос: зачем России наращивание золотовалютных резервов?

Какие-то минимальные резервы государству, конечно же, нужны. Тот же МВФ давным-давно определил в качестве нормативного ориентира достаточность резервов в размере валютных затрат на покрытие импорта страны в течение трех месяцев. Несложные расчеты показывают, что у России накопленные резервы более чем в семь раз превышают указанный норматив. Может быть, Банку России такие гигантские резервы нужны для того, чтобы поддерживать стабильность валютного курса рубля? Нет, Банк России заявил, что отказывается от валютных интервенций, и в нарушение статьи 75 Конституции отпустил рубль в «свободное плавание». Тупое накопление валюты (даже если оно будет происходить не с помощью доллара США, а китайского юаня) будет означать наше неизбежное поражение – сначала экономическое, а затем и политическое.

Валютные резервы должны работать на Россию, а не на иностранных эмитентов различных «финансовых инструментов». России нужны не «финансовые инструменты», а машины и оборудование для восстановления разрушенной экономики. 90 лет назад наша страна находилась в жесткой финансовой и торгово-экономической блокаде. Ситуация была несравненно более сложная, чем сегодня. И тем не менее в 1929 году стартовала индустриализация, импортировались машины, оборудование, целые заводы. Все это позволило нам подготовиться к войне и победить в ней. Если бы Государственный банк СССР занимался закупкой «финансовых инструментов», то нас с вами не было бы на этом белом свете.

Банк России помогает юаню стать резервной валютой за наш счет

Китай на протяжении многих лет добивался того, чтобы китайская валюта юань стала резервной. Сначала резервной де-юре, а потом резервной де-факто.

Сначала была борьба за получение юанем официального статуса резервной валюты (резервная валюта де-юре). Полномочия присвоения валюте такого статуса принадлежат Международному валютному фонду (МВФ). Согласно документам фонда, резервной считается валюта, которая включается в так называемую «корзину SDR» (Special Drawing Rights). Общепринятый перевод этого выражения на русский язык – «специальные права заимствования» (СПЗ). Это искусственное резервное и платежное средство, которое стало эмитироваться в безналичной форме Международным валютным фондом начиная с 1969 года.

Шестьдесят лет назад планировалось выпустить большие объемы СДР для того, чтобы ликвидировать дефициты международной ликвидности в условиях золотодолларового стандарта. СДР тогда еще называли «бумажным золотом». Однако на Ямайской международной валютно-финансовой конференции (1976 г.) было принято решение отказаться от прежнего стандарта и перейти к бумажно-долларовому стандарту. Дефицит международной ликвидности стал преодолеваться с помощью «печатного станка» ФРС США, а острая необходимость в расширении эмиссии СДР отпала.

Тем не менее СДР как некий атавизм в мировой валютной системе присутствует. МВФ рассчитывает курс СДР с помощью взвешенных курсов ряда валют, включенных в «корзину». Включенность валюты в «корзину СДР» – свидетельство ее престижности, признания авторитета странами – членами фонда. До конца 1998 года в «корзину» включались доллар США, фунт стерлингов Великобритании, марка Германии, франк Франции, иена Японии. С рождением в 1999 году общеевропейской валюты евро состав «корзины» изменился, место немецкой марки и французского франка заняла новая валюта евро. И вот, наконец, последнее изменение состава «корзины». В 2015 году МВФ принял решение о включении в нее китайской валюты юаня. Через год решение вступило в силу, и юань де-юре стал резервной валютой.

Примечательно, что китайская денежная единица сразу же заняла в «корзине» авторитетное третье место, если судить по такому показателю, как «вес», присваиваемый каждой валюте. Вот как распределяются «веса» валют (в %; вся «корзина» = 100 %): доллар США – 41,73; евро – 30,93; юань – 10,92; иена – 8,33; фунт стерлингов – 8,09. МВФ имеет право время от времени пересматривать «веса» валют, но с 2016 года пересмотра не было.

Совсем необязательно валюте входить в «корзину» МВФ для того, чтобы Центробанк (или Минфин) любой страны мог включить ее в международные (золотовалютные) резервы. Достаточно посмотреть на Банк России, который формирует международные резервы, используя такие валюты, как доллар Канады, доллар Австралии, франк Швейцарии (правда, в последнее время швейцарский франк не фигурирует в резервах).

Применительно к китайскому юаню можно также сказать, что он стал резервной валютой де-факто ранее, чем де-юре. Некоторое количество китайской валюты в международных резервах находилось еще в начале текущего десятилетия у стран, с которыми Китай имел тесные торгово-экономические отношения. Парадоксально, но после включения юаня в «корзину» МВФ его присутствие в международных резервах некоторых стран даже уменьшилось. Объяснение достаточно простое: до 2015 года (когда было принято решение о включении юаня в «корзину») Пекин старался изо всех сил представить юань в наилучшем свете. Курс юаня по отношению к другим ключевым валютам или рос, или (по крайней мере) не падал. А после 2015 года Пекин расслабился, юань просел, что, естественно, снизило его привлекательность как резервной валюты.

Валютная политика Пекина не очень последовательна. С одной стороны, у него большие амбиции и планы превратить юань в валюту, которая могла бы конкурировать с долларом США. Но для этого надо, чтобы курс юаня как минимум не падал по отношению к конкуренту (доллару США). А он снижается, причем не стихийно, а планомерно, осознанно, ибо это необходимо для поддержания конкурентоспособности китайских товаров на мировом рынке. Но при таком раскладе рассчитывать на то, что юань станет резервной валютой де-факто, не приходится.

МВФ стал учитывать юань в своей статистике международных валютных резервов начиная с четвертого квартала 2016 года. На тот момент совокупные резервы всех стран в юанях были эквивалентны 90,3 млрд долл. Спустя два года (на конец четвертого квартала 2018 года) этот показатель увеличился до 202,8 млрд долл. Но назвать этот рост триумфальным шествием юаня как резервной валюты все равно не получается: его доля в совокупных международных валютных резервах стран-членов МВФ в конце 2018 года составила лишь 1,89 %. Для сравнения приведу доли других валют (%): доллар США – 61,69; евро – 20,69; иена – 5,20; фунт стерлингов – 4,43; канадский доллар – 1,84; австралийский доллар – 1,62.

Не просматривается особенного прогресса и в продвижении юаня как валюты международных расчетов: в 2015 году на него приходилось 2,3 % всех расчетов, а в феврале 2019 года лишь 1,85 % – пятое место после доллара США, евро, фунта стерлингов и иены). В общем, с превращением юаня в валюту действительно мирового калибра у Пекина пока серьезные проблемы. Можно сказать, «бег на месте».

Понятно, что Пекин ищет точки опоры для продвижения своей валюты, и, кажется, одну такую точку он нашел в лице России. Недаром Пекин добивается от Москвы в расчетах по взаимной внешней торговле увеличения доли юаня, причем в большей степени, чем доли рубля. В 2013 г. доля рубля в оплате импорта из Китая составляла 3,9 %, а доля юаня – 2,2 %. По итогам 2017 г. эти доли были уже равны 2,8 % и 16,1 % соответственно. Наконец, по итогам трех кварталов 2018 г. доля рубля оказалась

равной 4,0 %, а доля юаня – 18,8 %. Асимметрия в пользу юаня бросается в глаза.

Москва оказывает помощь юаню и через наращивание доли китайской валюты в своих международных резервах. Только что вышел очередной «Обзор деятельности Банка России по управлению активами в иностранных валютах и золоте» (2019 г., № 2), в котором дается картина международных резервов Российской Федерации по состоянию на конец третьего квартала 2018 года. Из него мы узнаём, каково отношение Банка России к юаню как резервной валюте. Вот как выглядела раскладка международных резервов Банка России на конец третьего квартала 2017 года (в %): доллар США – 46,2; евро – 23,9; золото – 16,7; юань – 1,0; прочие валюты – 12,2. На тот момент юань даже отставал от фунта, иены, канадского и австралийского долларов, которые попали в позицию «прочие валюты». А спустя год картина стала совершенно иной (%): доллар США – 22,6; евро – 32,1; золото – 16,6; юань – 14,4; прочие валюты – 14,3. Если раскрыть «прочие валюты», то это фунт стерлингов (6,5 %), иена (4,2 %), канадский доллар (2,7 %), австралийский доллар (0,9 %). Как видим, юань совершил невероятный прыжок.

Кардинальное изменение валютной композиции международных резервов РФ произошло в первой половине прошлого года. В первом квартале прошлого года китайской валюты было закуплено на 11 млрд долл., во втором – на 44 млрд долл. В третьем квартале происходили лишь некоторые корректировки. Так, на середину 2018 года доля юаня была равна 14,7 %, а спустя квартал она снизилась на 0,3 процентных пункта.

Интересна также географическая структура международных резервов России. Наш Центробанк определяет распределение активов по месту регистрации контрагента или эмитента ценных бумаг. В конце третьего квартала 2017 года Китай не входил даже в первую десятку стран. Тогда география резервов выглядела следующим образом (%): США – 31,0; Россия (хранилище золота) – 16,7; Франция – 14,2; Германия – 7,6; Великобритания – 6,8 и т. д. А вот географическая раскладка на конец третьего квартала 2018 года (%): Россия (хранилище золота) – 16,6; Франция – 15,1; Китай – 13,6; Германия – 12,1; США – 10,4 и т. д. Китай почти мгновенно вырвался на второе место, если не считать Россию! А некоторое несоответствие между долей юаня и долей Китая объясняется тем, что некоторые зарубежные банки и эмитенты, работающие с юанем, находятся за пределами юрисдикции Китайской Народной Республики.

В абсолютном выражении резервы РФ в юанях на конец третьего квартала 2018 года составили 66,2 млрд долл. А теперь обратимся к статистике международных резервов МВФ. По данным фонда, на конец третьего квартала 2018 года общие мировые резервы в юанях были равны 192,4 млрд долл. Получается, что 1/3 всех мировых резервов в юанях находится на балансе Банка России. Это очень серьезная подпорка китайской валюте. Ни один другой Центробанк мира таких дорогих услуг китайской валюте не предоставил.

Почему «дорогих»? Потому что для Банка России масштабное наращивание резервов в юанях обернулось серьезными убытками. В первой половине прошлого года, когда Центробанк приобрел большое количество юаней, началось падение курса китайской валюты.

В конце июня в условиях разгоравшейся торговой войны Китая с Америкой юань начал стремительно дешеветь: если в первой половине года курс колебался между 6,2 и 6,4 юаня за доллар (около двухлетних максимумов), то к началу сентября приблизился к 6,9 юаня за доллар, а в ноябре почти достиг отметки в 7 юаней. За второе полугодие 2018 года вложения ЦБ в юани обесценились на 1,5 млрд долл. (на 2,3 %). Если же исходить из среднего курса на период активных покупок китайской валюты Банком России, то потери достигают 7,5 %, или 5 млрд долларов.

Известно, что вложения в юани Банк России осуществлял преимущественно путем покупки долговых государственных бумаг Китая. Эти бумаги – один из самых высокодоходных компонентов международных резервов Банка России. Доходность по ним в прошлом году была 3,2 %, или 2,1 млрд долл. в денежном выражении. Но даже с учетом этих доходов чистые убытки от вложений в юань составили почти 3 млрд долл. Молча потеряли как раз ту сумму, из-за которой уже пятый год судимся с Украиной.

Тем не менее закупки китайской валюты Банком России продолжаются. В третьем квартале они составили 3,9 млрд долл., в четвертом – 8,0 млрд долл. За третий квартал юань обесценился к доллару еще на 2,3 % после падения на 7,7 % в предыдущие три месяца. Это могло принести ЦБ 1,5 млрд долларов курсовых потерь и увеличить общую сумму убытка от обесценения юаня до 6,5 млрд долларов. Теперь, я полагаю, читатель понял, почему накопление юаней в международных резервах можно рассматривать как очень дорогую услугу.

А поскольку наши руководители говорят о взаимовыгодном сотрудничестве России и Китая, мы должны понимать, какие встречные услуги наша страна получает или рассчитывает получать от восточного соседа.

Китайские инвесторы уходят восвояси

Банк России опубликовал данные об экспорте и импорте капитала Российской Федерацией за второй квартал и по итогам первого полугодия 2018 года. Статистика интересная. Она отражает некоторые новые процессы в условиях ужесточения экономических санкций против России и общего обострения противоречий в мировой экономике и международных финансах.

После финансового кризиса 2007–2009 гг. приток иностранного капитала в виде прямых инвестиций в Россию стал нарастать. В 2012 году он составил 50,59 млрд долл., в 2013 году уже достиг 69,22 млрд долл. В Москве стали говорить, что не за горами момент, когда годовой приток прямых инвестиций в Россию подойдет к 100 млрд долл. Однако по итогам 2014 года приток инвестиций упал до 22,03 млрд долл., а в 2015 году достиг беспрецедентно низкого уровня в 6,85 млрд долл.

Далее объемы притока капитала выглядели следующим образом (млрд долл.): 2016 г. – 32,54; 2017 г. – 28,56. По итогам первого полугодия 2018 г. приток прямых инвестиций составил 10,22 млрд долл.; при этом по итогам первого квартала – 7,64; по итогам второго квартала – 2,58 млрд долл. Экономические санкции Запада дают о себе знать.

А вот статистика накопленных прямых инвестиций (на начало года, млрд долл.): 2010 г. – 377,45; 2014 г. – 565,65; 2015 г. – 371,49; 2016 г. – 347,69; 2017 г. – 477,67; 2018 г. – 529,64. На конец первого квартала 2018 года показатель был равен 556,08; на конец второго квартала – 526,08 млрд долл. Итак, максимальный объем накопленных прямых иностранных инвестиций был зафиксирован в начале 2014 года. Затем в результате экономических санкций показатель в 2014 и 2015 гг. начал сильно падать, что отражало бегство иностранных инвесторов из России. В 2016–2017 гг. началось восстановление позиций иностранных инвесторов в России, которое продолжалось и в первом квартале текущего года. Однако во втором квартале опять началось бегство иностранного капитала (часть так называемого иностранного капитала – инвестиции, приходящие в Россию из офшорных юрисдикций и имеющие российское происхождение). Это бегство – результат заметного ужесточения администрацией Трампа санкционного режима в отношении России в начале 2018 года.

Ряд российских чиновников утверждали, что потери иностранных инвестиций с Запада можно компенсировать за счет Китая, обладающего мощным инвестиционным потенциалом. В 2002 г. вывоз прямых инвестиций КНР составил 2,7 млрд долл., в 2012 г. – 87,8 млрд, в 2014 г. – 116 млрд. Доля КНР за 2002–2014 гг. в общемировом объеме прямых инвестиций возросла с 0,6 до 8,6 %. Согласно последним данным ЮНКТАД, в 2017 году Китай экспортировал прямых инвестиций на сумму 124,6 млрд долл. По этому показателю Китай занял третье место после США (342,3 млрд долл.) и Японии (160,4 млрд долл.). Есть и более высокие оценки. Так, в аналитическом обзоре «China. ODI from the Middle Kingdom: What's next after the big turnaround?» экспорт капитала в виде прямых инвестиций из Китая в 2017 году был оценен в 170 млрд долларов.

В российских СМИ было много очень сообщений о том, что Россия ведет переговоры с КНР по привлечению китайских инвестиций в российскую экономику, что Китай начнет в России строительство и эксплуатацию высокоскоростной железной магистрали Пекин – Москва – Берлин, что китайская корпорация CEFC приобретет часть акций «Роснефти»…

Несколько лет Минфин России вел переговоры о размещении российских государственных облигаций, номинированных в юанях, на китайском финансовом рынке. Создавалось впечатление, что китайский капитал уже работает в российской экономике. Кто-то даже стал опасаться, что китайские инвесторы скупят российскую экономику.

Однако знакомство со статистикой Банка России дает совершенно другую картину. Импорт капитала в Россию из Китая составил (млрд долл.): 2016 г. – 0,35; 2017 г. – 0,14; первая половина 2018 г. – 0,10. Получается, что доля Китая в общем притоке прямых иностранных инвестиций в Россию составила (%): 2016 г. – 1,1; 2017 г. – 0,5; первая половина 2018 г. – 1,0. Как-то маловато для страны, которую называют «стратегическим партнером» России. Кажется, проект «Евразия» (строительство высокоскоростной железной дороги) был окончательно отклонен якобы по причине недостаточной рентабельности. Покупка акций «Роснефти» китайским инвестором также не состоялась. Получение Россией займа в юанях (путем размещения государственных облигаций) остается под большим вопросом.

В общем, инвестиционное сотрудничество России и КНР остается на бумаге. В указываемых Банком России данных (первое полугодие 2018 года) прямых инвестиций России в Китай практически не было. Даже в США, которые объявили России экономические санкции, российская сторона умудрилась с начала 2016-го по середину 2018 года экспортировать 1,31 млрд долл. За этот же период времени из России было экспортировано 1,44 млрд долл. в Великобританию, которая денно и нощно грозит Москве всевозможными расследованиями и наказаниями. А вот в Китай было вывезено всего несколько символических миллионов долларов. Азиатский сосед не спешит раскрывать двери российским инвесторам.

Дополню картину статистикой накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в российскую экономику по отдельным странам по состоянию на середину 2018 года (в млрд долл.; в скобках – доля страны в общем объеме ПИИ в %):

Кипр – 148,33 (28,1);

Нидерланды – 41,51 (7,9);

Багамы – 33,63 (6,4);

Бермуды – 30,37 (5,8);

Франция – 19,95 (3,8);

Великобритания – 19,28 (3,7);

Германия – 18,00 (3,4);

Сингапур – 17,9 (3,4);

Британские Виргинские острова – 13,15 (2,5);

Швейцария – 10,17 (1,9);

Джерси – 9,02 (1,7);

Ирландия – 6,20 (1,2).

Это список ведущих стран по величине ПИИ в экономику России. Бросается в глаза наличие в списке экзотических офшорных юрисдикций. Несмотря на экономические санкции в российской экономике сохраняют заметное присутствие инвесторы из Франции, Нидерландов, Германии, Великобритании, Швейцарии, Ирландии. А вот Китая в этом списке ведущих экспортеров нет! Его накопленные ПИИ на середину текущего года составили всего 3,19 млрд долл. (0,6 %). Это примерно столько же, сколько на сегодня составляют накопленные ПИИ из США, объявивших России санкции.

Примечательно, что на середину прошлого 2017 года накопленные ПИИ из Китая в российской экономике равнялись примерно 4,20 млрд долл. Получается, что за год китайские соседи и друзья вывели из Российской Федерации инвестиций на целый миллиард долларов. Имеет место движение капитала в обратную сторону! По данным ЦБ, отток китайских инвестиций продолжается четвертый квартал подряд, а их объем на середину 2018 года на треть меньше, чем до начала экономических санкций весной 2014 года (4,54 млрд долларов).

Можно предположить, что официальные цифры Банка России занижают реальное присутствие китайского капитала в российской экономике. По оценкам исследования «China. ODI from the Middle Kingdom: What's next after the big turnaround?» в 2016 году почти 60 % накопленных ПИИ в результате экспорта капитала из Китая пришлось на три юрисдикции – Гонконг, Британские Виргинские острова и Каймановы острова. Все они с явными признаками офшоров. И как я уже отметил, довольно крупные инвестиции пришли в Россию из Британских Виргинских островов. Часть их могла, конечно, иметь местом первоначального происхождения Китай.

Если не брать в расчет эти три офшорные юрисдикции, то среди остальных стран для китайских экспортеров капитала наиболее привлекательными были США, Канада, Австралия, Западная и Центральная Европа, соседние с Китаем азиатские страны (Япония, Северная Корея и др.). Россия, согласно статистике КНР, по масштабам экспорта китайского капитала не попадает ни в топ-10, ни в топ-20. Чаще всего она оказывается в строчке «прочие страны».

Отсутствие китайских инвестиций в российской экономике нисколько не означает, что наши восточные партнеры не видят ничего интересного в РФ. Очень даже видят и облизываются, но не хотят подставляться под вторичные санкции Вашингтона. Что ж, России давно пора научиться рассчитывать на собственные силы. Похожие угрозы нависали над нашей страной (Советским Союзом) в 20-е годы XX века. 90 лет назад (1 октября 1928 года) стартовала первая советская пятилетка – она и положила начало индустриализации, позволившей выйти из жесткой торгово-экономической блокады Запада и подготовиться к мировой войне.

«Китай нам поможет»: еще одна несбыточная утопия

Многие российские политики, преимущественно либерального толка, долгое время пребывали в иллюзии, что «Запад нам поможет». Поможет инвестициями, технологиями, советами, особенно в области «рыночных» реформ и построения «демократического» общества. Потребовалось почти четверть века для того, чтобы эти мечты стали испаряться, как утренний туман. США и их союзники обложили Российскую Федерацию экономическими санкциями, а сейчас начинают обкладывать военными базами НАТО.

На смену одной иллюзии пришла другая: «Нам поможет Китай». Поможет тем, что мы сумеем переключить торговлю с Запада на нашего восточного соседа. Также поможет масштабными инвестициями в российскую экономику. Наконец, совместными усилиями мы будем с нашими китайскими друзьями проводить дедолларизацию наших валютных систем.

Почему я называю эти цели развития торгово-экономических отношений России и Китая иллюзиями? Попытаюсь обосновать это на конкретных примерах и с помощью конкретных цифр.

Уже в самом начале антироссийской санкционной кампании денежные власти России просчитывали такой возможный шаг Запада, как наложение запрета на приобретение валютных долговых бумаг Минфина России на международных рынках. До этого такие бумаги (евробонды) номинировались в долларах США и евро. Было принято решение снизить риски внешних заимствований с помощью займов Минфина России, номинированных в юанях.

Проект начал готовиться в 2014 году. Планировалось, что в 2017 году Минфин России через три банка-агента – «Газпромбанк», а также китайские Bank of China и ICBC – разместит на Московской бирже долговые бумаги (пятилетние бонды) на сумму в шесть миллиардов юаней, что эквивалентно 900 млн долларов. Займы в китайской валюте должны были быть дороже, чем долларовые: пятилетние евробонды РФ торговались в 2017 году по 3,2 % годовых, китайские госбумаги – по 3,6–3,9 %.

Правда, в Минфине начали ломать голову: что делать с собранными юанями?

Как выяснилось, китайские партнеры по торговле предпочитали (и предпочитают) получать от российских импортеров не рубли и не юани, а доллары США. Значит, получив юани, российской стороне их все равно придется конвертировать в доллары. А здесь возможны потери, иногда очень существенные.

Может быть, использовать полученные юани для инвестиций в китайскую экономику? Но тут, как выясняется, также проблемы.

Не вдаваясь в детали, скажу, что Китай проводил политику достаточно жесткого инвестиционного протекционизма, защищая свою национальную экономику от иностранного капитала, и для России никаких исключений делать не собирался.

Как говорится, куда ни кинь – всюду клин. Опуская многие детали, скажу: никаких займов в юанях Минфину России до сих пор сделать не удалось. И, судя по всему, вряд ли удастся.

Как я отметил, во взаимной торговле двух стран в качестве валюты расчетов преобладает доллар США. Прозвучало бесчисленное количество заявлений с обеих сторон, что Москва и Пекин будут постепенно вытеснять «зеленую» валюту национальными – российским рублем и китайским юанем. Но за почти пятилетний период (если отсчитывать от начала экономических санкций против России) успехи на указанном направлении, мягко выражаясь, скромные.

В 2013 году доля доллара в поступлениях по экспорту России в Китай, согласно данным Банка России, была равна 97,8 %. По итогам 2017 года этот показатель оказался равным 78,8 %. А по итогам трех кварталов 2018 года – 84,6 %. Если вычесть евро (5,0 %), то на рубль и юань приходится всего 10,4 %.

А как обстоят дела с валютной структурой платежей по импорту в Россию из Китая?

В 2013 году доля доллара в таких платежах была равна 90,1 %. По итогам 2017 года этот показатель оказался равным 76,0 %. А по итогам трех кварталов 2018 года – 72,8 %. Если вычесть евро (4,4 %), то на рубль и юань приходится 22,8 %.

По итогам трех кварталов 2018 года в расчетах по российскому экспорту в Китай доля рубля равнялась 6,1 %, доля юаня – 4,3 %. В расчетах по российскому импорту из Китая доля указанных валют была равна соответственно 4,0 и 18,8 %.

Итак, в расчетах по-прежнему монопольные позиции занимал доллар США, а среди двух национальных валют более активно использовался китайский юань, чем российский рубль. И рубль, и юань – денежные единицы неустойчивые, имеющие к тому же склонность к понижению валютного курса. К тому же доллар США – валюта резервная, а такая валюта нужна и той, и другой стороне для формирования своих международных резервов. Правда, китайский юань также в 2015 году в МВФ получил статус резервной валюты, однако это пока в большей степени резервная валюта де-юре, чем де-факто. Но из двух национальных валют – юаня и рубля – первая, конечно же, выглядит неоспоримо более авторитетной и востребованной.

С 2014 года Россия и Китай готовили межправительственное соглашение о расчетах в нацвалютах, которое российские чиновники считали уже практически решенным делом. Однако в декабре прошлого года Пекин заявил, что подписывать соглашение не будут. Для российской стороны это заявление было как гром среди ясного неба.

О роли юаня в российских международных резервах вы можете прочитать в моей предыдущей статье. Здесь скажу лишь то, что

мы фактически спонсируем курс юаня – вложения в него оказываются убыточными для России.

А что можно сказать о китайских инвестициях в российскую экономику и российских инвестициях в китайскую? Пекин, повторюсь, никакого режима наибольшего благоприятствования для российских капиталов не предоставляет. Режим как для всех, то есть жесткий.

В 2017 году российские прямые инвестиции в экономику Китая составили всего 33 млн долларов или 0,08 % всех прямых иностранных инвестиций, пришедших в эту страну. По итогам первых трех кварталов 2018 года объем российских прямых инвестиций составил 12 млн долларов или 0,06 % всех прямых иностранных инвестиций за этот период времени.

А как обстоят дела с китайскими прямыми инвестициями в России? В 2017 году их пришло в нашу страну в общей сложности на сумму 140 млн долларов. Это примерно 0,5 % общего объема всех прямых зарубежных инвестиций. А по итогам трех кварталов 2018 года китайские инвестиции составили 112 млн долларов или 2 % общего объема всего иностранного капитала, пришедшего в страну за указанный период времени. Кстати, давайте посмотрим, каковы масштабы прямых инвестиций из некоторых других стран. Так, в 2017 году они составили следующие суммы (млрд долл.): Кипр – 8,7; Багамы – 6,2; Швейцария – 1,5; Ирландия – 0,9.

Парадоксально, но даже из США, которые ввели экономические санкции в отношении России, в 2017 году инвестиции составили 495 млн долларов, а по итогам трех кварталов 2018 года – 370 млн долларов, в три раза больше, чем прямые инвестиции из «дружественного» Китая.

Еще одна цифра: объем накопленных прямых инвестиций из Китая по состоянию на 1 октября 2018 года составил три миллиарда долларов или 0,7 % всех накопленных иностранных прямых инвестиций в российской экономике. Это даже несколько меньше, чем объем накопленных прямых инвестиций из тех же США (3,3 млрд долларов). Такое ощущение, что Китай совместно с Америкой участвует в инвестиционной блокаде России, ведь в 2014 году, накануне старта санкций, накопленные китайские инвестиции были равны 4,6 млрд долларов, то есть с тех пор произошло их сокращение в полтора раза.

А шуму по поводу того, что китайские инвестиции придут в Россию и помогут осуществить модернизацию отечественной экономики, очень много. Например, в начале лета прошлого года, после визита в КНР президента Владимира Путина и его переговоров с председателем КНР Си Цзиньпином, между российским ВЭБом и Государственным банком КНР было подписано рамочное кредитное соглашение на сумму 600 млрд рублей. Однако никаких последующих конкретных соглашений о предоставлении кредитов китайский банк не подписал.

Это уже традиция: подписать рамочное соглашение или меморандум о намерениях и на этом поставить точку. Попытки привлечь китайские деньги для возмещения дефицита ликвидности ВЭБ российское правительство предпринимало в 2014 и 2016 годах. В ноябре 2016 года ВЭБ получил возможность привлекать кредиты China Development Bank по торговому финансированию в юанях на три и пять лет на сумму до шести миллиардов китайских юаней. Однако большинство договоров не продвинулись дальше меморандумов и соглашений о намерении, которые ни к чему не обязывали китайскую сторону.

Надежды российских властей на помощь Китая в преодолении санкций Запада постепенно разбиваются о суровую реальность. Хотя де-юре Пекин не вводил против РФ каких-либо финансовых санкций, фактически китайские банки присоединились к ограничениям, введенным США и Евросоюзом.

Российские банки отмечают ужесточение условий работы в Китае. Китайские банки панически боятся вторичных санкций со стороны Вашингтона. Многие из них хотят оказаться «святее Папы Римского» и перестраховываются, отказывая российским клиентам в проведении операций даже в тех случаях, когда этого не требуют санкции Вашингтона. Происходят постоянные задержки (исчисляемые месяцами) при проведении платежей клиентов российских банков, равно как и встречных платежей в пользу компаний России. С 2015 года китайские банки резко сократили свое участие во внешнеторговых сделках, особенно по части торгового финансирования.

Единственным позитивом в экономических отношениях двух стран является торговля. В прошлом году объем товарооборота впервые пересек планку в 100 млрд долларов, составив 108 млрд долларов. В 2014 году, когда начались первые санкции против России, он был равен примерно 95 млрд долларов. Таким образом, прирост составил 13 млрд долларов или 10,5 %.

Безусловно, без санкций торговля развивалась бы более динамично – в частности, стороны рассчитывали, что планку в 100 млрд долларов товарооборот пробьет еще в 2015 году, однако в указанном году, наоборот, наблюдался обвал, самый настоящий кризис торговых отношений двух стран. Выйти на докризисный уровень удалось лишь в 2017 году, а превзойти его – в прошлом.

Но динамика товарооборота неустойчива. Львиная доля российского экспорта в Китай – нефть. Можно отметить много признаков того, что Вашингтон уже начал вставлять палки в колеса, сдерживая российский экспорт углеводородов в Китай, дело может дойти даже до прямого санкционного запрета поставок энергоресурсов. Учитывая чуткое реагирование Пекина на экономические санкции Вашингтона в отношении России (и других стран), можно не сомневаться, что российско-китайская торговля может войти в полосу нового кризиса.

Логика Пекина тут предельно проста. Объем торговли между Китаем и США составил в прошлом году 4,6 трлн долларов, причем Пекин в этой торговле имел положительное сальдо 546,8 млрд долларов. Будет ли Пекин рисковать такими торговыми оборотами и таким гигантским положительным торговым сальдо ради товарооборота с Россией, равного немногим более чем

100 млрд долларов? Очевидно, что нет.

Общий вывод очевиден: на Китай рассчитывать не стоит. Рассчитывать надо исключительно на собственные силы. Впрочем, история России не раз уже преподносила нам уроки, которые подвигали к такому выводу.